

**Российская академия наук
Сибирское отделение
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ**

2024 г., том 31, № 2

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛЬТУРНАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Ледовских А.Ю., Кебак Т.А. Исследовательские стратегии ссыльных народников в этнографии Сибири во второй половине XIX – начале XX в.	5
Куринских П.А. Этнические процессы в контексте информационного сопровождения региональных социально-экономических программ: кейс «Сочи-2035»	12
Федоров Р.Ю. Вариативность традиционных способов хранения продуктов питания у народов севера Западной Сибири	19
Комлева Е.В. Хлебосольство как часть культуры общения в купеческой среде Сибири (конец XVIII – начало XX в.)	25
Королева Е.В. Образ Ойрот-Каана в исторических преданиях алтайцев	33
Щеглова Т.К. Исследование исторической памяти и методы полевой работы Военно-научного общества на юге Западной Сибири в 1960-х гг.	41
Рыков А.В., Аксенова И.Ю. «Ни ты их туда вешал, ни тебе их снимать»: стратегии поведения сельского населения в рамках борьбы с иконами в Алтайском крае в 1950–1960-х гг.	51
Коляскина Е.А., Рунпель И.А., Явнова Л.А. Позорящие наказания как элемент коммуникации власти и сельского общества на юге Западной Сибири в 1950–1970-е гг.	59

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Долгушин И.Д. Отчеты Ф.Ф. Риддера как источник о судоходстве в Сибири в начале XIX в.	67
Чупин М.Ю. Справочники Переселенческого управления: создание, содержание, распространение, чтение (конец XIX – начало XX в.)	74
Дацышен В.Г. Китайское население «русского» Харбина в отражении газеты «Харбинский Вестник» в начале XX в.	84
Огуренко Е.В. Эволюция региональной системы управления архивным делом на Среднем Урале в советский период (1918–1991 гг.)	92
Ильиных В.А. Колхозы в СССР во второй половине 1930-х гг.: динамика денежных доходов	102
Туманик Е.Н. Академик Н.М. Дружинин о декабристах в Сибири	111

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Демидова Л.Д. «Дело жизни Егора Егорова»: первые итоги научного описания книжного собрания (Анисимова Т.В. Каталог славяно-русских книг из собрания Е.Е. Егорова / под ред. Ю.С. Белянкина. М.: Пашков дом, 2017. Т. 1. 374 с., ил.; 2019. Т. 2. 335 с., ил.; 2021. Т.3. 490 с., ил.)	118
---	-----

ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ «ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ»

Издается с января 1994 г.
Выходит четыре раза в год

У ч р е д и т е л и: **Сибирское отделение РАН;
Институт истории СО РАН**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Чл.-кор. РАН *В.А. Ламин* (председатель совета, Новосибирск), академик РАН, профессор *В.В. Алексеев* (Екатеринбург), академик РАН, профессор *Б.В. Базаров* (Улан-Удэ), канд. ист. наук *В.В. Данилович* (Минск), доктор, профессор *Дашидэндэв* (Улан-Батор, Монголия), академик РАН, профессор *А.П. Деревянко* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *В. Дёнингхаус* (Германия), д-р ист. наук, профессор *А.С. Зуев* (Новосибирск), д-р ист. наук *В.А. Ильиных* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *О.Н. Катионов* (Новосибирск), доктор, профессор *Л. Виола* (Торонто, Канада), доктор *К. Мацузато* (Токио, Япония), академик РАН, профессор *В.И. Молодин* (Новосибирск), доктор, профессор *А. Патнаик* (Нью-Дели, Индия), чл.-кор. РАН *И.В. Побережников* (Екатеринбург), *Я. Садовски* (Краков, Польша), чл.-кор. РАН, профессор *А.В. Сиренов* (Санкт-Петербург), д-р ист. наук, профессор *Е.Б. Сыдыков* (Астана, Республика Казахстан), д-р ист. наук, профессор *Н.А. Томилов* (Омск), доктор, профессор *С. Чаттерджи* (Калькутта, Индия), д-р ист. наук, профессор *М.В. Шиловский* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *В.И. Шишкин* (Новосибирск), д-р философии *М. Юнге* (Германия)

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор д-р ист. наук *О.Н. Шелегина*
Ответственный секретарь канд. ист. наук *С.Н. Андреев*

Д-р ист. наук *Д.А. Ананьев*, д-р ист. наук *И.В. Быстрова*, д-р ист. наук, профессор *А.В. Горбатов*, д-р ист. наук *Н.С. Гурьянова* (зам. гл. редактора), д-р ист. наук *Ж.А. Ермекбай*, канд. ист. наук *В.В. Журавлев*, д-р ист. наук *Г.М. Запороженко*, д-р ист. наук *В.А. Зверев*, д-р ист. наук *В.И. Исаев*, д-р ист. наук *В.А. Исупов*, канд. ист. наук *Н.А. Куперитох*, д-р ист. наук *Л.В. Курас*, д-р ист. наук *И.В. Лизунова*, д-р ист. наук *Л.Н. Мазур*, д-р ист. наук *А.Ю. Майничева*, д-р ист. наук *Н.П. Матханова*, канд. ист. наук *Т.И. Морозова*, д-р ист. наук *С.А. Некрылов*, д-р ист. наук *С.П. Нестеров*, д-р ист. наук *В.Н. Разгон*, д-р ист. наук *Т.А. Сабурова*, канд. ист. наук *А.И. Савин* (зам. гл. редактора), д-р ист. наук *Л.Н. Славина*, д-р ист. наук, профессор *М.К. Чуркин*, д-р ист. наук *Д.Н. Шевелев*, д-р филол. наук *Е.М. Юхименко*

Адрес редакции: 630090 Новосибирск, ул. Николаева, 8,
Институт истории СО РАН, к. 311, тел. (7-383) 330-24-31
<http://www.hssiberia.info>; <http://www.sibran.ru>
gumnauki@gmail.com
Зав. редакцией *Смирнова Вера Ивановна*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ 23.03.2021 г. ПИ № ФС 77-80-483

Редакция журнала «Гуманитарные науки в Сибири» признает международные принципы научной публикационной этики и заявляет об отсутствии злоупотреблений служебным положением

Редактор *В.И. Смирнова*
Компьютерная верстка и макет *И.П. Гемуева*
Художественный редактор *Е.Н. Сентябова*

Выход в свет 28.06.24. Формат 60×84 1/8. Цифровая печать.
Усл. печ. л. 15,0. Уч.-изд. л. 15,0. Тираж 500 экз. Цена свободная. Заказ № 128.

Сибирское отделение РАН
630090 Новосибирск, просп. Акад. Лаврентьева, 17
Отпечатано в Сибирском отделении РАН
630090 Новосибирск, Морской проспект, 2
Тел. 330-84-60, e-mail: e.lyannaya@sb-ras.ru

**Russian Academy of Sciences
Siberian Branch
HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA**

2024, vol. 31, N 2

CONTENTS

CULTURAL AND SOCIAL ANTHROPOLOGY

Ledovskikh A. Yu., Kebak T. A. Research Strategies of Exiled Narodniks in the Siberian Ethnography in the Second Half of 19th – Early 20th Century	5
Kurinskikh P.A. Ethnic Processes in Informational Support of Regional Socio-Economic Programs: the Case of “Sochi-2035”	12
Fedorov R.Yu. Variability of Traditional Ways of Food Storing Among the Peoples of the North of Western Siberia	19
Komleva E.V. Hospitality as part of the communicative culture in the merchant environment of Siberia (late 18th – early 20th century) . . .	25
Koroleva E.V. The Image of Oirot-Kaan in the Context of the Altai Historical Legends.	33
Shcheglova T.K. The Study of Military Memory and the Methods of Field Work of Military Research Group in the 1960s in the South of Western Siberia	41
Rykov A.V., Aksenova I.Yu. “You Didn’t Put Them There, You Are Not the One to Take Them Off” Strategies of Behavior of the Rural Population within the Framework of the Fight against Icons in the Altai Krai in the 1950s-1960s.	51
Kolyaskina Y. A., Ruppel I. A., Yavnova L. A. Shaming Punishments as a Part of Communication between the Authorities and Rural Society in the South of Western Siberia in the 1950-1970s.	59

NATIONAL AND UNIVERSAL HISTORY

Dolgushin I.D. Reports of F.F. Ridder as a Source on Shipping in Siberia in the Early 19 th Century.	67
Chupin M.Y. Resettlement Administration Handbooks: Creation, Content, Distribution, Reading (Late 19th – Early 20th Century). . . .	74
Datsyshen V.G. The Chinese population of “Russian” Harbin as reflected in the newspaper “Harbinsky Herald” at the beginning of the 20th century.	84
Ogurenko E.V. Evolution of the Regional Archival Management System in the Middle Urals during the Soviet Period (1918–1991). . .	92
Ilinykh V.A. Collective Farms in the USSR in the Second Half of the 1930s:	102
Tumanik E.N. Academician N. M. Druzhinin on the Decembrists in Siberia Dynamics of Monetary Incomes	111

SCIENTIFIC LIFE

Demidova L.D. “The Life Work of Egor Egorov”: the First Results of a Scientific Description of the Book Collection.	118
--	-----

**ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC JOURNAL
“GUMANITARNYIE NAUKI V SIBIRI”
 (“HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA”)**

Published since January 1994
Publication frequency: 4 issues per year

**Founders: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences**

EDITORIAL COUNCIL

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *V.A. Lamin* (Chairman of the Board, Novosibirsk), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.V. Alekseyev* (Yekaterinburg), Academician of the Russian Academy of Sciences *B.V. Bazarov* (Ulan-Ude), Candidate of historical Sciences *V.V. Danilovich* (Minsk, Belarus), Doctor of Philosophy *N.B. Dashdendev* (Ulaanbaatar, Mongolia), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *A.P. Derevyanko* (Novosibirsk), Doctor, Professor *V. Doninghaus* (Germany), Doctor of historical Sciences *V.A. Ilyinykh* (Novosibirsk), Doctor *M. Junge* (Germany), Doctor of historical Sciences, Professor *O.N. Kationov* (Novosibirsk), Doctor of Philosophy, Professor *L. Viola* (Toronto, Canada), Doctor, Professor *K. Matsuzato* (Sapporo, Japan), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.I. Molodin* (Novosibirsk), Doctor, Professor *A. Patnaik* (New Delhi, India), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *I.V. Poberezhnikov* (Yekaterinburg), Doctor of historical Sciences *Jakub Sadowski* (Krakow, Poland), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *A.V. Sirenov* (St. Petersburg), Doctor of historical Sciences, Professor *Ye.B. Sydykov* (Astana, Republic of Kazakhstan), Doctor of historical Sciences, Professor *N.A. Tomilov* (Omsk), Doctor *S. Chatterjee* (Kolkata, India), Doctor of historical Sciences, Professor *M.V. Shilovskiy* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences, Professor *V.I. Shishkin* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences, Professor *A.S. Zuev* (Novosibirsk)

EDITORIAL BOARD

Chief editor – Doctor of historical Sciences *O.N. Shelegina*
Executive secretary – Candidate of historical Sciences *S.N. Andreenkov*

Doctor of historical Sciences *D.A. Ananyev*, Doctor of historical Sciences *I.V. Bystrova*, Doctor of historical Sciences, Professor *M.K. Churkin*, Doctor of historical Sciences, Professor *A.V. Gorbatov*, Doctor of historical Sciences, Professor *N.S. Guryanova* (deputy chief editor), Doctor of historical Sciences, Professor *J.A. Yermekbay*, Doctor of historical Sciences *G.M. Zaporozhchenko*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.A. Zverev*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.I. Isaev*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.A. Isupov*, Candidate of historical Sciences *N.A. Kupershtokh*, Doctor of historical Sciences *L.V. Kuras*, Doctor of historical Sciences *I.V. Lizunova*, Doctor of historical Sciences, Professor *L.N. Mazur*, Doctor of historical Sciences *A.Yu. Maynichева*, Doctor of historical Sciences *N.P. Matkhanova*, Candidate of historical Sciences *T.I. Morozova*, Doctor of historical Sciences, Professor *S.A. Nekrylov*, Doctor of historical Sciences *S.P. Nesterov*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.N. Razgon*, Doctor of historical Sciences *T.A. Saburova*, Candidate of historical Sciences *A.I. Savin* (deputy chief editor), Doctor of historical Sciences *D.N. Shevelev*, Doctor of historical Sciences, Professor *L.N. Slavina*, Doctor of philological Sciences *Ye.M. Yukhimenko*, Candidate of historical Sciences *V.V. Zhuravlev*

Editorial address: Institute of History, SB RAS, office 311, 8 Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090
Russian Federation
tel. 7-383-330-24-31
<http://www.hssiberia.info>; <http://www.sibran.ru>
gumnauki@gmail.com
Editorial staff manager: Vera I. Smirnova

The Journal is registered by the Ministry of Press and Information of Russian Federation on June 17, 1993, N 0110807

The editorial staff of the Journal “Humanitarian Sciences in Siberia” is committed to the international ethical guidelines for scientific publications and declares that it does not abuse its power.

The Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
2 Morskoy Pr., Novosibirsk, 630090 Russian Federation

КУЛЬТУРНАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

DOI: 10.15372/HSS20240201

УДК 39(571)"19/20"+94(571)"19/20"

EDN: ZCZGVU

А.Ю. ЛЕДОВСКИХ, Т.А. КЕБАК

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТРАТЕГИИ ССЫЛЬНЫХ НАРОДНИКОВ В ЭТНОГРАФИИ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Новосибирский государственный педагогический университет,
РФ, 630126, г. Новосибирск, ул. Вилуйская, 28

В статье рассматриваются исследовательские стратегии ссыльных народников, занимавшихся этнографическими проблемами в Сибири во второй половине XIX – начале XX в. На основе мемуарных текстов, переписки и материалов научных работ «невольных поселенцев» охарактеризована специфика постановки ими научных целей и задач. Особое внимание обращено на раскрытие мотивации, вовлекавшей ссыльных народников в изучение населения восточного региона, их теоретической и практической подготовки к научным исследованиям. Кроме того, затрагиваются особенности организации экспедиций с учетом ограниченности прав политических ссыльных, сложностей во взаимодействии с представителями имперской администрации на разных ее уровнях, освещаются трудности с публикацией народниками результатов своих научных исследований.

Ключевые слова: Сибирь, политическая ссылка, народники, исследовательские стратегии, этнография.

Для цитирования: Ледовских А.Ю., Кебак Т.А. Исследовательские стратегии ссыльных народников в этнографии Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2024. Т. 31, № 2. С. 5–11. DOI: 10.15372/HSS20240201

A.Y. LEDOVSKIY, T.A. KEBAK

RESEARCH STRATEGIES OF EXILED NARODNIKS IN THE SIBERIAN ETHNOGRAPHY IN THE SECOND HALF OF 19TH – EARLY 20TH CENTURY

Novosibirsk State Pedagogical University,
28, Vilyuiskaya Str., Novosibirsk, 630126, Russian Federation

Анна Юрьевна Ледовских – канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории, Новосибирский государственный педагогический университет, e-mail: anna_ledovskih@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-1137-5033>.

Татьяна Анатольевна Кебак – канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории, Новосибирский государственный педагогический университет, e-mail: kta_06@list.ru, <https://orcid.org/0009-0004-4279-8310>.

Anna Y. Ledovskiy – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of the National and Foreign History, Novosibirsk State Pedagogical University.

Tatyana A. Kebak – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of the National and Foreign History, Novosibirsk State Pedagogical University.

Ethnographic research in the Russian Empire experienced its heyday in the second half of the 19th century and the beginning of the 20th century, and multiple ethnographers emerged from among the exiled Narodniks during this rise. Their research activities attract special attention because of the contrast between their lack of specialized, and more often even complete higher education, and the successes in science that they managed to achieve. In recent years, the study of the experience of exiled Narodniks as ethnographers has intensified in the fields of intellectual history and the history of ethnography, but their research strategies have not yet become the subjects of special study. Turning to the texts of the memoirs of ethnographers-Narodniks and other political exiles, as well as their articles in specialized magazines and published correspondence, the present article tries to answer the question of how they solved their research tasks without the appropriate basic theoretical and practical training. Considering that the Narodniks were not professional researchers and were spontaneously involved in the study of the indigenous population, special attention is paid to their research motivation, which was not limited to the need to conduct at least some kind of intellectual activity in the conditions of the exile. The success of the “involuntary ethnographers” has led to the attention to the resources they had at the beginning of their research, including full everyday involvement in the life of Siberian indigenous people and knowledge of at least one local language. The authors focused on the transition from “spontaneous” to organized ethnographic research, the difficulties that arose at the stage of organizing the expeditions and the nuances associated with the processing and publication of the gathered materials.

Key words: Siberia, political exile, Narodniks, research strategies, ethnography.

ВВЕДЕНИЕ

Значительный вклад политических ссыльных в изучении Сибири не подлежит сомнению. Особенно выделяется феномен появления целой плеяды этнографов из среды ссыльных народников. Ключевой парадокс этого феномена заключался в том, что большой объем исследований был выполнен не только непрофессиональными этнографами, но и теми, кто не завершил обучение в университете. Вместе с тем глубина проработки предмета свидетельствует о том, что многие работы ссыльных народников выполнены на высоком научном уровне, а некоторые из них заложили базу для изучения отдельных этносов Сибири. Так произошло, например, с трудами В.Л. Серошевского, В.Г. Богораза, В.И. Иохельсона, Л.Я. Штернберга, которые стали одними из основоположников этнографической науки.

Изучение исследовательской активности народников-этнографов осуществляется гуманитариями с двух позиций: 1) истории политической ссылки и ее влияния на развитие Сибири; 2) истории становления и развития отечественной этнографии. Первые попытки обобщить полученный опыт с исторической точки зрения были предприняты в начале XX в. современниками, а именно самими политическими ссыльными. В.И. Николаев, социал-демократ, отбывавший ссылку в Якутской области в 1910–1913 гг., в последний ее год опубликовал краткий исторический очерк «Якутский край и его исследователи» [Николаев, 1913], а в 1927 г. – уже более детальный исторический обзор с целью показать влияние политической ссылки на изучение всей Сибири [Николаев, 1927, с. 87–116]. Отзываясь на его инициативу, ссыльный народник, ученый-статистик С.П. Швецов издает подробное исследование, посвященное культурному влиянию политической ссылки на Западную Сибирь [Швецов, 1928, с. 57–87]. Ф.Я. Кон в своих воспоминаниях неоднократно предрекает, что когда-нибудь будет написана история этнографического изучения Сибири ссыльными народниками, и оставляет свои свидетельства «в помощь» будущим исследователям этого феномена [Кон, 1929, с. 98].

До середины 1930-х гг. авторами трудов по истории политической ссылки являлись в основном бывшие народники, отбывавшие в конце XIX в. наказание в Сибири. В конце 1950-х – начале 1960-х гг. этим направлением занялись профессиональные сибирские историки. Причем чаще всего этнографические работы народников оставались все же на периферии исследовательского внимания. Современные ученые продолжили традицию изучения политической ссылки и ее вклада в развитие сибирского региона, что подтверждает регулярный выход в начале XXI в. тематических сборников «Сибирская ссылка» [Сибирская ссылка, 2017; 2019 и др.], организованных иркутскими историками [Иванов, 2014, с. 100–103; 2018, с. 159–173]. Отход от марксистской идеологии, влияние «антропологического поворота» позволили исследователям обратить внимание на те сюжеты, которые ранее не изучались, например, повседневность политических и уголовных переселенцев, гендерный аспект в политической ссылке и пр. Историк О.А. Милевский в своих многочисленных работах воссоздал биографии нескольких ссыльных народников, опираясь на *personal history* [Милевский, Панченко, 2017; Милевский, 2019, с. 61–71; 2023, с. 101–115].

Еще одна группа работ современных ученых находится на стыке интеллектуальной истории и этнографии. В центре внимания авторов – вклад народников в теорию и практику этнографии как науки. Следует отметить серию работ А.Б. Панченко, посвященных специфике формирования этнологических знаний у ссыльных народников, которые стали знаковыми фигурами в этнографии [Панченко, 2013, с. 78–84; 2020, с. 249–281]. Также нужно упомянуть обзорную статью А.В. Головнева, посвященную истории академической традиции в этнографии [Головнев, 2018, с. 6–39], научные труды, в которых анализируется участие В.Г. Богораза и В.И. Иохельсона в Джесуповской экспедиции 1897–1902 гг. (см., например: [Вахтин, 2005, с. 241–274]).

Теоретическую основу работы составляет интеллектуальная история в ее современной интерпретации, предполагающая изучение не только движения «идей»,

но и социального, политического и культурного контекстов научной деятельности.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТРАТЕГИИ ЭТНОГРАФОВ-НАРОДНИКОВ

Рассматривая научную деятельность народников-этнографов, авторы чаще всего основное внимание уделяют ее результатам – выводам, концепциям, собранным коллекциям, изданным трудам. До настоящего момента исследовательские стратегии народников не были в фокусе внимания историков. Их изучение поможет ответить на вопрос: каким образом, находясь в изоляции, стесненных материальных условиях, испытывая первоначально недостаток в теоретических знаниях, они смогли «пробиться» на передний край этнографической науки? На наш взгляд, исследовательские стратегии народников в этнографии отражали общий план изучения населения Сибири – начиная от организации полевых исследований (финансирование, подбор сотрудников, переводчиков, проводников, знакомство или самостоятельная разработка инструкций и программ для научного описания населения, знакомство с научной литературой по выбранной теме), обработки материалов, их анализа и заканчивая публикацией.

Пытаясь реконструировать пути решения перечисленных задач, мы обратились к мемуарам самих исследователей, которые были опубликованы в журналах «Каторга и ссылка», «Былое», а также в виде отдельных изданий [Кон, 1936; Кроль, 2008 и др.]. Кроме того, нами были использованы публикации материалов этнографов-народников в периодических специализированных и общественно-политических изданиях, а также их редакционные заметки.

В изучении исследовательских стратегий важным является осмысление того, как их авторы ставят перед собой цели и задачи, какие факторы влияют на их постановку. На наш взгляд, наиболее продуктивно начать анализ с выявления мотивации ссыльных народников, которая побуждала их заняться этнографией Сибири. Для установления указанных мотивов определенное значение имеет информация из мемуарных источников, написанных народниками в 1920–1930-е гг. Мемуары содержат в основном обоснование политической идентичности, а также анализ их исследовательской работы в «далекой окраине».

В воспоминаниях самих исследователей и их товарищей по ссылке прослеживается несколько вариантов мотиваций, которые авторами понимаются как значимые. Одним из основных путей вовлечения в исследования была потребность в интеллектуальной деятельности, которой народники были фактически лишены в силу ограничений, наложенных условиями ссылки. Об этом, например, пишет народоволец М.М. Поляков, в 1889–1896 гг. находившийся в якутской ссылке, правда, не ставший затем исследователем: «...целый ряд товарищей вплотную и надолго засели за книги. <...> Двое из колымских ссыльных,

В.Г. Богораз и В.И. Иохельсон, начали свою научно-исследовательскую карьеру также в Колымске. ... В конце концов почти все колымские ссыльные, жившие умственным трудом, рядовые и выдающиеся, спаслись от засасывающих условий ссылки исключительно книгой, научными занятиями» [Поляков, 1928, с. 170]. Ссыльные народники занимались широким спектром исследований, однако наиболее продуктивными они оказались на поле этнографии.

Этнографы-народники часто подчеркивали, что причиной их научных занятий была потребность не столько в интеллектуальной, сколько в общественной деятельности. Ф.Я. Кон, анализируя логику вовлечения в этнографические исследования, замечал, что первоначальным импульсом было желание ссыльных помочь местному населению отстаивать свои права, для чего было необходимо более подробно изучить специфику жизни жителей Сибири. В своих воспоминаниях он утверждал: «Поскольку я мог проследить этот вопрос, большинство начинало либо с составления жалоб от имени якутов, либо с изобличающих корреспонденций. И только потом, пораженные своеобразными формами жизни якутов, своеобразными отношениями, верованиями этих “православных”, сочетающих христианство с шаманизмом, ссыльные переходили к более глубокому изучению и страны, и ее обитателей. <...> Лично я только с того времени, когда начал изучать жизнь местного населения, нашел осмысленное содержание в жизни в Якутске, и когда мне было предложено принять участие в “Сибиряковской экспедиции”, я охотно и с увлечением принял в ней участие» [Кон, 1929, с. 97]. С.П. Швецов отмечал, что «политическая ссылка рассматриваемого периода почти сплошь состояла из социалистов различных оттенков и наименований. Если активное отношение к человеку и его судьбам всех их привело к Сибири, то естественно, что в деле изучения новой для них страны, страны каторги и ссылки, их интересы, их симпатии, их действительность направляются в сторону того же эксплуатируемого и угнетаемого, страдающего человека» [Швецов, 1928, с. 61].

Таким образом, уже сам факт участия в народническом движении с его вниманием к проблемам непривилегированных сословий, с интересом к «народу» являлся своего рода фильтром, собравшим в ссылку многих людей, уже предрасположенных к этнографическим исследованиям.

Другой исследователь – М.А. Кроль – в своих мемуарах рефлексируя по поводу своей исследовательской мотивации, отмечает, что она была связана с особенностью его этноконфессионального окружения в детские и юношеские годы. Кроль начал свои наблюдения с внимания к русскому населению Селенгинска, где он отбывал ссылку в начале 1890-х гг.: «...и население г. Селенгинска представляло для меня новое и крайне интересное поле для наблюдений и не только для наблюдений. Мои детские годы прошли в черте еврейской оседлости. Вокруг себя я постоянно видел евреев и почти только евреев...<...> Позже, в годы

моей юности, когда я учился в гимназии, я знал близко только одну русскую семью... <...> Позже у меня было немало товарищей и друзей неевреев, но наши встречи происходили <...> на нейтральной почве – в университете, на собраниях, в революционных кружках. Не удивительно, что быт и нравы массового русского обывателя мне были совершенно незнакомы» [Кроль, 2008, с. 137–138]. Возможно, приобретенный опыт оказал влияние не только на Кроля, так как среди политических ссыльных-народников была высока доля евреев, однако только автор указанных мемуаров указал эту взаимосвязь.

Еще один интересный мотив вовлечения в исследовательскую деятельность демонстрирует опыт Д.А. Клеменца, который, будучи активным народовольцем и одним из ключевых участников подпольной организации, стремился не столько найти в Сибири аналог такой же бурной деятельности, как и «на воле», сколько переключиться на абсолютно другой род деятельности, который позволял бы сохранить психическое равновесие. Он с удивлением отмечал, что жизнь в отрыве от «цивилизации» и в общении с «дикарями» оказывали на него целительное воздействие. Подобное «чудесное исцеление» В.И. Иохельсона описывал М.М. Поляков: «Иохельсон, постоянно жаловавшийся на разные болезни, на вид изнеженный и привыкший к комфорту европеец (долго жил в эмиграции), оказался необыкновенно выносливым, способным преодолевать чрезвычайно трудные и опасные путешествия, а в своих работах проявил ценнейшие качества объективного исследователя» [Поляков, 1928, с. 171].

Вовлекаясь в исследовательскую деятельность постепенно, иногда случайно, далеко не все этнографы-ссылные сразу смогли четко сформулировать цели и задачи своих исследований. Более или менее спланированными можно считать исследования крестьянской общины в Сибири, так как это был один из ключевых вопросов для народников в период их деятельности в Европейской России. Сибирь представлялась им чем-то вроде «заповедной территории», где могла сохраниться «настоящая крестьянская община» в чистом виде. Так, С.П. Швецов считал: «Вопросы общины и артели занимали слишком видное место в теоретических построениях и практических программах того поколения русских социалистов, чтобы они не получали отражения в исследованиях народной жизни в Сибири, раз вели их революционные социалисты, попавшие в сибирскую ссылку. Это вопросы ими принесены с собою в Сибирь, как часть того, чем они болели и в чем искали исхода» [Швецов, 1928, с. 62].

В дальнейшем большинство ссылных так или иначе переходили от стадии «стихийных» самостоятельных наблюдений к необходимости их систематизации и встраивания в общий исследовательский контекст. Чаще всего это происходило через сотрудничество с различными организациями, занимавшимися изучением региона. В первую очередь, следует назвать региональные отделения Императорского Русского географического общества, Минусинский и Тобольский

губернский музеи, Общество любителей изучения Алтая, в меньшей степени Академию наук, Джесуповскую Северо-Тихоокеанскую экспедицию. В рамках такого сотрудничества этнографы-народники получали не только необходимые методические материалы и рекомендации, но и осознавал необходимость базовых требований к этнографическому исследованию. В то же время опыт первых самостоятельных любительских исследований позволял многим «ученым поневоле» выходить за рамки предложенной методики (не случайно некоторые исследователи истории этнографии уверены, что народники одними из первых интуитивно сформулировали «концепцию поля» и использовали метод «включенного наблюдения» [Головнев, 2018, с. 19]), формировать собственные исследовательские подходы, разрабатывать программы сбора материала.

В качестве примера можно привести труды В.Ф. Трошанского, приговоренного к 20 годам каторги за причастность к убийству шефа жандармов Н.В. Мезенцева. Срок каторжных работ был впоследствии сокращен, и в 1886 г. Трошанский был отправлен на поселение в Якутскую область, в Ботурусский улус. Помимо попыток организации публицистической деятельности, в частности создания рукописного нелегального журнала «Улусный сборник», Трошанский увлекся этнографическими штудиями. Анализируя его работы, можно заметить эволюцию от почти публицистических «Набросков о якутах Якутского округа» или «Якутов в их домашней обстановке» к созданию программы по сбору сведений о дохристианских верованиях якутов и ключевого исследования «Эволюция черной веры (шаманства) у якутов». Эта работа оказалась прорывной для того времени с научной точки зрения. Когда его друзья по ссылке вошли в состав Сибиряковской экспедиции, В.Ф. Трошанский был уже очень болен и не смог принять участие в ней. Однако его программа сбора этнографических данных, написанная в соавторстве с его коллегой В.М. Ионовым, была взята экспедицией на вооружение [Трошанский, 1897, с. II].

Постановка целей и задач своего исследования, оформление его методологии должны предполагать основательную интеллектуальную базу у ссылных, которая позволяла им найти себя в непрофильной сфере, оставаться в этом поле. Однако обращение к биографиям народников показывает, что лишь единицы из них имели высшее образование, и, как правило, юридическое. Например, М.А. Кроль и Л.Я. Штернберг закончили юридический факультет Новороссийского университета, а С.С. Гросс был выпускником Санкт-Петербургского университета. Кроль и Гросс в ссылке занялись исследованиями в той области, в которой уже были экспертами, – обычным правом коренного населения. Еще один невольный поселенец Якутского края – Ф.Я. Кон учился на юридическом факультете Варшавского университета, но курс не успел окончить из-за ареста и отправки на каторгу в Сибирь. Д.А. Клеменц учился в Казанском и Санкт-Петербургском университетах на физико-математическом факультете, В.М. Ионов был студентом Санкт-Петербургского тех-

нологического института, Э.К. Пекарский – Харьковского ветеринарного института, В.И. Иохельсон окончил хедер, Виленское раввинское училище, также посещал лекции К.Е. Дюринга в Германии во время короткого периода эмиграции в 1875 г., но не успел поступить в высшее учебное заведение до ссылки. В.Г. Богораз учился на физико-математическом факультете Петербургского университета, затем перевелся на экономический отдел юридического факультета, где, по его воспоминаниям, половина студентов разделяла социалистические взгляды [Тан-Богораз, 1991, с. 10].

Ф.Я. Кон, размышляя об исследовательском опыте ссыльных народников, тоже задавался вопросом, как человек без специального образования смог не только вести отдельные наблюдения, но полноценно заниматься этнографическими исследованиями. Отвечая на этот вопрос, он описывает феномен «Карийского университета»: «Кара, как и сотни тюрем, разбросанных по всему лицу земли русской, была университетом, в котором недоучившиеся студенты и гимназисты запасались знаниями, а многие рабочие проходили здесь курсы и начального образования, и гимназии, и университета» [Кон, 1936, т. 1–2, с. 359].

С.П. Швецов, не успевший закончить Петербургский учительский институт, также вспоминал о самообразовании в тюремном заключении: «Решение заняться изучением сибирской общины у меня сложилось еще за несколько лет ранее, в Вышневолоцкой “центральной политической пересыльной тюрьме № 2”, где я провел, в ожидании ссылки в Сибирь, значительную часть зимы 1879–80 гг. Здесь я впервые ознакомился с земско-статистическими исследованиями народной жизни в Московской губернии В.И. Орлова и Н.А. Каблукова и получил вкус к статистике вообще, к исследованию форм народно-хозяйственной деятельности, в частности. Мне в этом отношении много помог сидевший одновременно со мною в той же тюрьме Н.Ф. Анненский, благодаря которому, уезжая в Сибирь, я мог запастись литературой по общине и несколькими программами по исследованию общины и других сторон обычного права русского крестьянства: программами Русского географического общества, Вольно-Экономического общества» [Швецов, 1928, с. 66].

Часть ссыльных, направленных в Западную Сибирь и некоторые регионы Восточной Сибири, получили возможность продолжать свое самообразование благодаря поддержке местной интеллигенции, имели доступ к более или менее постоянному почтовому сообщению. В иных условиях пребывали ссыльные в Якутской области. По мнению А.Б. Панченко, именно отсутствие высшего профильного образования, ограниченный доступ к исследовательской литературе, но при этом наличие обширного практического опыта, позволили многим ссыльным-этнографам выйти за рамки существующих теоретических концепций и начать производить новые концепции самим [Панченко, 2020, с. 273–274].

Следует также иметь в виду, что ссыльные были максимально погружены в среду коренного населения,

и это позволяло им частично выключить «колониальную оптику» и посмотреть на инородческий быт изнутри. Важным аспектом такой включенности было знание языков сибирских аборигенов. Выживание в ссылке, особенно в отдаленных регионах, напрямую зависело от успешной коммуникации с местным населением, поэтому ссыльным приходилось, пусть и вынужденно, осваивать хотя бы один местный язык.

В рецензии на книгу Н.М. Ядринцева «Сибирские инородцы, их временное положение» Н.И. Веселовский, профессиональный востоковед, замечает: «Хотя г. Ядринцев и претендует на непосредственное изучение предмета, что, заметим, несколько трудновато без знания восточных языков, тем не менее в книге своей как будто не полагается на собственные сведения и для подкрепления их постоянно прибегает к авторитету других исследователей <...> Для большинства исследователей местные наречия оставались неизвестными, а потому при всем старании эти ученые, лишенные главного средства проникнуть в духовную жизнь инородцев, не могли изучить особенности психической этнографии, оттого инородцы у них мало различаются друг от друга» [Веселовский, 1892, с. 107]. Однако сами этнографы-ссыльные сетовали, что знание языка все же недостаточное. Например, В.Г. Богораз, выполняя исследовательские задачи в составе Сибиряковской экспедиции, отмечал в письме в Восточно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества, что ему пришлось выучить «чукотский язык» и это позволяло общаться без переводчиков, знания которых не отличались полнотой, необходимой для изучения быта и традиций населения [Сирина, 2010, с. 141]. В дальнейшем Богораз углубил свое знание чукотского языка, что сделало его уникальным специалистом и стало одним из основных аргументов для его участия в Джесуповской экспедиции.

Немаловажным фактором, помогавшим ссыльным изучать языки коренного населения, стало вступление многих из них в официальные или гражданские браки с женщинами из коренных народов Сибири. Например, Э.К. Пекарский, составивший впоследствии словарь якутского языка, 13 лет жил с якуткой Анной Петровной Шестаковой. В.М. Ионов, который занимался самостоятельными исследованиями языка и фольклора якутов, а также активно помогал Пекарскому в составлении словаря, был женат на якутке и сказительнице олонхо М.Н. Андросовой. Широко известна история В.Л. Серошевского, который в ссылке женился на якутке Анне Слепцовой.

Большинство ссыльных народников, начиная как стихийные исследователи, постепенно включались в планомерную работу по изучению коренного населения региона. Чаще всего это подразумевало сотрудничество с государственными и общественными организациями, такими как отделы ИРГО, учреждения местной администрации. Исследования, организованные по частной инициативе, например Сибиряковская экспедиция, опирались на активное содействие этих же учреждений в подборе кадров, методическом

обеспечении. Вместе с тем сотрудничество ссыльных с государственными структурами проходило далеко не всегда гладко.

С одной стороны, начиная с декабристов, государство имело опыт использования политических ссыльных для решения исследовательских задач в Сибири, с другой – сотрудничество это было довольно противоречивым и неровным. Власти постоянно искали компромисс между необходимостью привлечения образованных кадров к изучению региона и сохранением контроля за их политической благонадежностью.

Немало сложностей для ссыльных представляли организация экспедиций или участие в них из-за существующего в законодательстве империи ограничения передвижения без разрешения местной администрации. Решались эти вопросы различными способами. К примеру, М.А. Кроль написал на имя губернатора «докладную записку» с описанием плана своих будущих этнографических исследований и получил разрешение на передвижение по Селенгинскому округу, так как, по мнению местных властей, научные изыскания отвлекали ссыльных от их революционной деятельности [Кроль, 2008, с. 146].

Другой опыт взаимодействия с властью освещен в воспоминаниях Ф.Я. Кона: «Когда была организована получившая широкую огласку “Сибиряковская экспедиция”, участники ее для того, чтобы иметь возможность передвижения, получали “звание” сотрудников якутского статистического комитета, председателем которого был губернатор. И вот в Намской управе были получены почти одновременно два предписания. Первое за подписью губернатора, напоминавшее о том, что политические ссыльные без особого на то разрешения не имеют права на отлучки из своего надела, и обязывавшего управу не только наблюдать за этим, но и обязавшего якутов, что они не должны давать ссыльным ни бесплатно, ни за плату лошадей для поездок, каковые им, ссыльным, запрещены» [Кон, 1936. Т. 1–2, с. 337].

В текстах воспоминаний ссыльных исследователей обращает на себя внимание разница в положении «невольных поселенцев» на Северо-Востоке Сибири и в районах, более близких к метрополии. В текстах В.Г. Богораза встречается сюжет, когда исправник, получив секретный циркуляр, предписывающий ограничить разъезды по «колымским пустыням», спрятал его в стол. Другую реакцию вызвало у жандармского управления в 1903 г. участие политически неблагонадежного Л.К. Чермака в Щербиновской экспедиции по исследованию Степного края. Руководство управления инициировало дознание и вынесло вердикт о «вредном направлении деятельности Чермака в качестве заведующего названной экспедицией» [Николаев, 1927, с. 91].

Не до конца решенной проблемой была публикация работ этнографов-ссыльных. Большое подспорье им оказывали местные научные общества, в изданиях которых они могли печатать результаты своих исследо-

ваний, а также местная периодическая печать. Однако такие возможности имелись только у тех ссыльных, которые отбывали свое наказание в незначительном отдалении от крупных сибирских городов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследовательские стратегии народников-этнографов представляют собой уникальный опыт успешного включения в этнографическое изучение окраин Российской империи людей, изначально не планировавших для себя такой деятельности. Тем не менее многие народники воспользовались в ссылке шансом для реализации своего интеллектуального потенциала. Этот шанс стал возможным благодаря потребности имперской администрации в изучении и освоении сибирской окраины. Участвуя в инженерных, геодезических, геологических и других изысканиях, народники нередко обращались к этнографическим исследованиям, хотя эти исследования и находились скорее на периферии интересов центральной власти.

Мотивы вовлечения ссыльных в изучение коренного населения Сибири можно подразделить на группы. К первой группе следует отнести их потребность в интеллектуальной и общественной деятельности. «Быть полезным» для местного сообщества, «эксплуатируемого и страдающего человека», используя для этого свои интеллектуальные ресурсы, являлось важной мировоззренческой позицией для большей части политических ссыльных-народников. Ко второй группе можно отнести изучение «инородцев» как «другого» с этноконфессиональной точки зрения, так как часть «невольных поселенцев» были выходцами из еврейских семей с традиционным для них воспитанием и окружением; их интерес к «дикарям» и нетронутой природе стал средством собственного интеллектуального и эмоционального «обновления».

Вовлекаясь в этнографические исследования, политические ссыльные, с одной стороны, ощущали недостаток своей теоретической подготовки и пытались восполнить его через обращение к научным организациям за методическими материалами и рекомендациями, активно читали вышедшие труды предшественников. С другой стороны, приобретенный вынужденный многолетний опыт проживания среди населения, которое они пытались изучать, воспринимался ими как сильная сторона, компенсирующая недостатки их теоретической подготовки. Важной положительной стороной такого опыта стало знание одного или нескольких местных языков, позволявшее исследовать культуру более глубоко, что соответствовало запросам современной им этнографической науки. Нередко данный аргумент использовался научными обществами для убеждения представителей имперской администрации в способностях политических ссыльных заниматься этнографическими исследованиями. Однако иногда взаимоотношения с разными уровнями региональной и центральной власти складывались непросто, народникам приходилось быть изобрета-

тельными в разрешении бюрократических коллизий. Кроме того, собрав и обработав этнографический материал, они нередко сталкивались с трудностями в его публикации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вахтин Н.Б. Тихоокеанская экспедиция Джесупа и ее русские участники // Антропологический форум. 2005. №2. С. 241–274.
- Веселовский Н.В., Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение // Живая Старина. 1892. № 1. С. 107–109.
- Головнев А.В. Этнография в российской академической традиции // Этнография. 2018. № 1. С. 6–39.
- Иванов А.А. Сорок лет «Сибирской ссылке» // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 2. С. 100–103.
- Иванов А.А. Из истории «Сибирской ссылки», или некоторые итоги к 45-летию юбилею издания // История исторической науки в России XVIII–XXI в. Одиннадцатые Шаповские чтения: материалы Всерос. науч. конф. Иркутск: Оттиск, 2018. С. 159–173.
- Кон Ф.Я. На поселении в Якутской области // Каторга и ссылка. 1929. № 2(51). С. 93–98.
- Кон Ф.Я. За пятьдесят лет. М.: Сов. писатель, 1936. Т. 1–2. 519 с.
- Кроль М.А. Страницы моей жизни. М.: Иерусалим; Мосты культуры: Gerharim, 2008. 734 с.
- Милевский О.А., Панченко А.Б. «Беспокойный Клеменц»: опыт интеллектуальной биографии. М.: РОССПЭН, 2017. 695 с.
- Милевский О.А. Преодолевая расстояния: история дружбы Н.М. Мартынова и Д.А. Клеменца // Вестн. Том. гос. ун-та. 2019. № 62. С. 61–71.
- Милевский О.А. По следам оборванной жизни: ссыльная судьба народника Льва Иванова // Вестн. Сургут. гос. пед. ун-та. 2023. № 4. С. 101–115.
- Николаев В.И. Якутский край и его исследователи: краткий исторический очерк экспедиций в Якутскую область. 1632–1913 гг. Якутск: Якутская окраина, 1913. 77 с.
- Николаев В.И. Сибирская политическая ссылка и изучение местного края // Каторга и ссылка. 1927. № 5(34). С. 87–116.
- Панченко А.Б. Вклад народников в этнологическую теорию // Вестн. Сургут. гос. пед. ун-та. 2013. №3(24). С. 78–84.
- Панченко А.Б. От общего к частному и обратно: особенности производства знания народниками // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2020. Т. 4, № 2. С. 249–281.
- Поляков М.М. Воспоминания о колымской ссылке (1889–1896) // Каторга и ссылка. 1928. № 8–9. С. 158–172.
- Сибирская ссылка: сб. науч. стат. / отв. ред. Л.М. Дамешек, А.А. Иванов, С.И. Кузнецов. Иркутск: Оттиск, 2017. Вып. 8(20). 560 с.
- Сибирская ссылка: сб. науч. стат. / отв. ред. Л.М. Дамешек, А.А. Иванов, С.И. Кузнецов. Иркутск: Оттиск, 2019. Вып. 9(21). 608 с.
- Сирина А.А. Письма В.Г. Богораза из Сибиряковской экспедиции // Этнографическое обозрение. 2010. № 2. С. 138–149.
- Тан-Богораз В.Г. Автобиография // В.Г. Богораз-Тан и Северо-Восток: библиогр. указатель / сост. И.В. Колонтеева. Магадан, 1991. С. 5–17.
- Трошчанский В.Ф. Опыт систематической программы для сбора сведений о дохристианских верованиях якутов. Казань: Типолитография Имп. ун-та, 1897. 64 с.
- Швецов С.П. Культурное значение политической ссылки в Западной Сибири // Каторга и ссылка. 1928. № 3 (40). С. 57–87.

REFERENCES

- Dameshek L.M. [et al.] (eds). (2017). Siberian exile: coll. sci. art. Iss. 8. Irkutsk, Ottisk, 560 p. (In Russ.)

- Dameshek L.M. [et al.] (eds). (2019). Siberian exile: coll. sci. art. Iss. 9. Irkutsk, Ottisk, 608 p. (In Russ.)
- Golovnev A.V. (2018). Ethnography in the Russian academic tradition. Etnografiya, no. 1, pp. 6–39. (In Russ.)
- Ivanov A.A. (2014). Forty years of “Siberian exile”. Gumanitarnye nauki v Sibiri, no. 2, pp. 100–103. (In Russ.)
- Ivanov A.A. (2018). From the history of “Siberian exile”, or Some results to the 45th anniversary of the edition. Istoriya istoricheskoy nauki v Rossii XVIII–XXI vv.: materialy Vseros. nauch. konf. «Odnadtsatye Shchapovskie chteniya» (Irkutsk, 12 okt. 2018 g.). Irkutsk, pp. 159–173. (In Russ.)
- Kon F. Ya. (1929). At a settlement in the Yakut region. (End). Katorga i ssylka: istoriko-revolutsionnyy vestnik, no. 2, pp. 93–98. (In Russ.)
- Kon F.Ya. (1936). For fifty years. Vol. 1/2. 2nd ed. Moscow, Sov. pisatel’, 519 p. (In Russ.)
- Krol’ M.A. (2008). Pages of my life. Moscow, Mosty kul’tury; Jerusalem, Gerharim, 734 p. (In Russ.)
- Milevskiy O.A. (2019). Overcoming distances: the story of friendship between N.M. Martyanov and D.A. Klements. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya, no. 62, pp. 61–71. (In Russ.)
- Milevskiy O.A. (2023). In the footsteps of an interrupted life: the fate of the exiled Narodnik Lev Ivanov. Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, no. 3, pp. 101–115. (In Russ.)
- Milevskiy O.A., Panchenko A.B. (2017). “Restless Klements”. An experience of intellectual biography. Moscow, ROSSPEN, 695 p. (In Russ.)
- Nikolaev V.I. (1927). Siberian political exile and study of the local region. Katorga i ssylka: istoriko-revolutsionnyy vestnik, no 5, pp. 87–116. (In Russ.)
- Nikolaev V.I. (1913). Brief historical sketch of expeditions to the Yakut region, 1632–1913. Yakutsk, Tip. gaz. «Yakut. okraina», 88 p. (In Russ.)
- Panchenko A.B. (2020). From the general to the specific and backward: peculiarities of knowledge production by the Narodniks. Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ehkonomiki, vol. 4, no. 2, pp. 249–281. (In Russ.)
- Panchenko A.B. (2013). The contribution of the Narodniks to the ethnological theory. Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, no. 3, pp. 78–84. (In Russ.)
- Polyakov M.M. (1928). Memories of the Kolyma exile (1889–1896). Katorga i ssylka: istoriko-revolutsionnyy vestnik, no. 8/9, pp. 158–172. (In Russ.)
- Shvetsov S.P. (1928). The cultural significance of the political exile in Western Siberia. Katorga i ssylka: istoriko-revolutsionnyy vestnik, no. 3, pp. 57–87. (In Russ.)
- Sirina A.A. (2010). V. G. Bogoraz’s letters from the Sibiriakov expedition. Ehtnograficheskoe obozrenie, no. 2, pp. 138–149. (In Russ.)
- Tan-Bogoraz V.G. (1991). Autobiography. Vladimir Germanovich Bogoraz-Tan i Severo- Vostok: biobibliogr. ukaz. Magadan, pp. 5–17. (In Russ.)
- Troshchanskiy V.F. (1897). Experience of a systematic program for collecting information about the pre-Christian beliefs of the Yakuts. Kazan, Tipo-litogr. Imp. un-ta, VIII, 63 p. (In Russ.)
- Vakhtin N.B. (2005). The Jesup North Pacific expedition and its Russian participants. Antropologicheskii forum, no. 2, pp. 241–274. (In Russ.)
- (1892). [Review] by N.V. Veselovskiy. Zhivaya Starina, no. 1, pp. 107–109. Book rev.: Yadrinsev N.M. (1891). Siberian aliens, their life and current situation: ethnogr. and statist. study suppl. with statist. tables. Saint Petersburg, I.M. Sibiriyakov, 308 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 13.02.2024

Дата рецензирования 04.03.2024

Статья принята к публикации 24.03.2024

DOI: 1015372/HSS20240202

УДК [39+316.4]:479+436

EDN: ZIXIFV

П.А. КУРИНСКИХ

**ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
В КОНТЕКСТЕ ИНФОРМАЦИОННОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ
РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОГРАММ:
КЕЙС «СОЧИ-2035»***

Субтропический научный центр Российской академии наук,
РФ, 354002, г. Сочи, ул. Яна Фабрициуса, 2/28

В статье раскрываются вопросы взаимодействия локальных этнических групп с органами власти, руководством национальных парков при разработке программ стратегического развития. Одним из основных полигонов исследования стал Сочинский национальный парк как актор устойчивого социально-экономического развития городской агломерации, включающей несколько десятков сельских населенных пунктов с полиэтничным составом населения. Для сравнения привлечены материалы национального парка «Высокий Тауэрн» (Австрия). На основе анализа полевых материалов, а также кибер-полевых материалов устанавливается информативная емкость последних и проводится апробация техник исследования по определению их валидности. Автор приходит к выводу, что при формировании Стратегии «Сочи-2035» не учтена специфика этносоциальной обстановки. Обосновывается мысль о том, что целью таких экспертиз должна стать формируемая на муниципальном уровне концепция этнографического туризма, степень ее ориентации на культуру жизнеобеспечения в границах территории традиционного природопользования с презентацией в интернет-пространстве (сфера киберэтнографии).

Ключевые слова: этнические процессы, система и культура жизнеобеспечения, традиционная культура, локальные этнические группы, стратегическое планирование, устойчивое развитие, национальные парки, киберэтнография.

Для цитирования: Куринских П.А. Этнические процессы в контексте информационного сопровождения региональных социально-экономических программ: кейс «Сочи-2035» // Гуманитарные науки в Сибири. 2024. Т. 31, № 2. С. 12–18. DOI: 1015372/HSS20240202.

P.A. KURINSKIKH

**ETHNIC PROCESSES IN INFORMATIONAL SUPPORT
OF REGIONAL SOCIO-ECONOMIC PROGRAMS: THE CASE “SOCHI-2035”**

Federal Research Centre the Subtropical Scientific Centre RAS,
2/28, Jan Fabritius Str., Sochi, 354002, Russian Federation

In March 2023, “Strategy of Socio-Economic Development ‘Sochi 2035’” was presented on the basis of the city administration by the consortium ‘Leontiev Center – AV Group’. An analysis of the presentation revealed the fact that the specificity of the ethno-social situation was not taken into account while forming the Strategy. It is only about “satisfying a wide range of tourists’ needs”, including “acquaintance with the history and culture” of the resort, namely monuments and sights, local communities, customs, and traditions. The discussion on the

*Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ ШЦ РАН FGRW-2024-0002, № госрегистрации 124022000096-2.

Полина Александровна Куринских – канд. ист. наук, научный сотрудник, заведующая лабораторией этносоциальных исследований, Субтропический научный центр РАН, e-mail: polina_alexandrowna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5756-3643>.

Polina A. Kurinskikh –Candidate of Historical Sciences, Researcher, Chief of Ethnosocial Research Laboratory, the Subtropical Scientific Centre RAS.

development prospects of remote rural enclaves has allowed to find out that the participation of local population, including small indigenous peoples, as full development actors of the territory's recreational potential is not currently provided in the concept. The paradox is that some Strategy developers are familiar with the concept of ethnographic tourism "Archie", developed by researchers of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences with the involvement of specialists of the Subtropical Scientific Center of the Russian Academy of Sciences and St. Anthony's College (Oxford). They consider it effective for the development of remote mountain villages. This connection outlined the task of establishing a databank of local groups to ascertain their ethnic interests. Within this context, the case of the Shapsugs, the indigenous small people of the Western Caucasus, is particularly relevant. The aim of further studies and expertise should be the formation of a concept of ethnographic tourism at the municipal level, the degree of its orientation on the life support standards within the territory of traditional nature management, and its further presentation in Internet (i.e., cyberethnography).

Key words: Ethnic processes, subsistence systems, culture of subsistence, traditional culture, local ethnic groups, strategic planning, sustainable development, national parks, cyberethnography.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время в субъектах Российской Федерации завершается процесс обновления региональных стратегий социально-экономического развития. Его начало было положено в 2014 г., после того как был принят Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации», направленный на решение задач устойчивого социально-экономического развития страны¹. Активная разработка и обсуждение документов регионального развития начались с 2018 г., их реализация (в 47 из 83 субъектов РФ) в основном запланирована в 2030–2032 гг., значительная часть концепций ориентируется на период с 2035 по 2040 г. (28 стратегий) [Шпакова, Городецкий, 2023, с. 133].

Помимо региональных программ на уровне муниципалитетов разрабатываются локальные программы социально-экономического развития. Предполагается, что при разработке концепций любого уровня будут учитываться наиболее актуальные проблемы, первоочередные задачи и пути их решения.

Важно отметить, что при разработке любых проектов, ориентированных на краткосрочную и среднесрочную перспективу, а также при осуществлении своей текущей деятельности органам власти Указом Президента РФ рекомендовано руководствоваться еще одним документом – Стратегией государственной национальной политики Российской Федерации, срок реализации которой завершится в 2025 г.² Она предполагает разработку программ развития, оказание государственной поддержки национальных культур, этнических форм предпринимательства. Обеспечение поддержки коренных малочисленных народов, включая создание необходимых условий для сохранения и защиты их исконной среды обитания и традиционного образа жизни, является одним из приоритетных направлений Стратегии. В 2025 г. ожидается реализация итоговых проектных мероприятий с целью даль-

нейшей корректировки направлений национальной политики. В связи с этим интерес представляет механизм определения приоритетных направлений развития для локальных этнических групп при формировании муниципальных концепций социально-экономического развития на примере Стратегии «Сочи-2035».

В данном исследовании внимание акцентировано на локальных этнических группах и соответствии интересов их представителей разрабатываемой Стратегии социально-экономического развития «Сочи 2035». Целью является определение информативной емкости киберисточников и апробация техник исследования по определению их валидности на основе анализа полевых этнографических материалов. Хронологические рамки затрагивают 2010-е – середину 2020-х гг. Включение в территориальные рамки исследования в качестве одного из основных полигонов – Сочинского национального парка – обусловлено тем, что данная категория особо охраняемых природных территорий является одним из основных акторов устойчивого социально-экономического развития городской агломерации, включающей несколько десятков сельских населенных пунктов с полиэтническим составом населения. Для сравнения были привлечены материалы национального парка «Высокий Тауэрн» (Австрия). Проекты по включению национальных парков в концепцию устойчивого развития успешно реализуются, например, в странах Западной Европы не только на законодательном уровне (межправительственном, федеральном, региональном), но и на локальном – при выстраивании системы коммуникаций «органы власти – национальный парк – местные жители» [Habinc, 2019; Куринских, 2022]. Роль национальных парков в современных концепциях устойчивого развития субъектов РФ уже отражена в нормативных актах федерального уровня. В то же время следует отметить, что апробированные национальными парками Западной Европы и США социальные технологии (практики) по информационному сопровождению экологической и национальной политики, мониторингу изменения этносоциальной и культурной среды находят в российской условиях ограниченное применение. Это прослеживается как по полевым материалам, так и в сети Интернет.

Основными материалами для выявления взаимосвязи между текущими этническими процессами, их

¹ Федеральный Закон № 172-ФЗ от 28 июня 2014 г. «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (дата обращения: 27.03.2024).

² Указ Президента РФ № 1666 от 19 декабря 2012 г. «Стратегия национальной политики Российской Федерации до 2025 года» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512> (дата обращения: 06.04.2023).

проявлением в Интернет-пространстве как следствия информационного сопровождения экологической и национальной политики стали полевые и киберполевые материалы. Использование процессного подхода позволило акцентировать внимание на основных акторах (участниках) изменения социокультурной среды. Основными методами полевой работы стали интервью и наблюдение.

ЗАПАДНЫЙ КАВКАЗ. КЕЙС АИШХО

При рассмотрении влияния программ социально-экономического развития на повседневную жизнь локальных этнических групп важно отметить, что на Западном Кавказе этническая история современного населения насчитывает немногим более 150 лет. В XIX в. Кавказская война и мухаджирство [Кудаева, 2006] стали причинами кардинальной смены этнического состава. В результате доля горцев составила около 10 % от населения, проживавшего до войны. В конце XIX – начале XX в. происходило заселение этих территорий представителями различных народов и этнических групп – русских, немцев, эстонцев, амшенских армян, греков и др. В дальнейшем население формировалось в результате нескольких миграционных волн в течение 1970–2020 гг. Традиционная культура местного, адыго-черкесского населения сохранилась лишь локально. Постоянные волны мигрантов приносили свои культурно-исторические традиции, элементы которых сохранились у этих этнических групп вплоть до настоящего времени [Садовой, 2023; Белозерова, 2018].

В XX в. проявилось несколько острых проблем, связанных с необходимостью сохранения эталонных и уникальных природных комплексов, речных систем, растительного и животного мира (биоразнообразия). Вариантом решения этих проблем стало создание Сочинского национального парка³. Это привело к выведению земель традиционного природопользования локальных этнических групп и трансформации их хозяйственной деятельности и природопользования, традиционной культуры. В настоящее время на территории парка проживают амшенские армяне, греки, эстонцы, грузины, шапсуги. В 2010-е гг. ситуация обострилась в связи с подготовкой и проведением Зимних Олимпийских игр в г. Сочи. Немаловажными факторами для местного населения стали запрет содержать приусадебные садовые участки и ограничение традиционного выпаса скота на летних пастбищах. Этот курс определил распад отраслей традиционной экономики населения – садоводства и животноводства.

Трудности с ведением традиционного хозяйства возникли и у армянской общины. В июле 2019 г. на территории Сочинского национального парка начался снос пастушеских балаганов. Традиционно на летних

пастбищах Аишхо скот содержался с конца мая – начала июня вплоть до первого снега (октябрь–ноябрь). В этих местах практика отгона была традиционной. Отгонным скотоводством занимались ушедшие отсюда абадзехи после Кавказской войны XIX в., затем переселенцы, включая армян. Такая практика существовала и в советский период [Белозерова, 2016]. Тогда скот был как в личной, так и в коллективной собственности. Отгонялся он не только со среднего и нижнего течения р. Мзымта (район Адлера, Красной Поляны и т.д.), но и с более дальних мест – из долины р. Сочи (летние пастбища совхоза «Октябрьский»). Среди занятых пастушеством было много армянских семей (из сел Барановки, Прогресс, Адлера и др.). Пастухов из числа греков и эстонцев было немного – несколько семей. Частный, колхозный и совхозный скот выпасался раздельно. Практики, при которой пастухи выпасали свой скот в колхозном стаде, не было. Стадо (гулевой крупный рогатый скот) и отара совхоза «Октябрьский» насчитывали в 1970-е гг. до 5,0–6,0 тыс. голов. Скот выпасался на балаганах Аишхо I–IV.

«...Мой дедушка Игнатосян Айк Арменакович в молодости работал егерем в Заповеднике на кордоне Пслух. Их семье дали временное жилье в доме «Чайка» от работы, там же и моя прабабушка Игнатосян Заруи работала. Когда дедушка заработал деньги, купил себе жилье в селе Прогресс и стал тогда председателем села. <...> Дедушка организовывал выпас крупнорогатого скота на перевале Аишхо. Жители села гнали пешком трое суток коров и лошадей через Галицино и скальный участок, нарзан и до самого перевала. <...> После войны сыр и масло были очень востребованными, люди сдавали в санатории. <...> Наши бабушки по 40 лет работали доярками. <...> Мы в детстве жили 3 месяца в горах с бабушками и родителями, мы в детстве увидели культуру и видели, как делают сыр и масло. Сейчас мы мечтаем попасть в это же местечко и продолжать жить. Я считаю, что наше детство было самым счастливым, так как проводили много времени в горах. Мы с детства знали все маршруты и ходили с детства на Энгельманову поляну, Отроги, на озеро, а особенно любили ходить на озеро «Клумбочка», озеро с островком. Знали и знаем все названия лечебных трав: зверобой, чабрец, голубика, черника, Melissa, Иван-чай, манжетка и многое другое ...»⁴.

Дороги, по которым шел отгон, строили рабочие совхоза «Октябрьский». Жители пос. Красная Поляна, Эсто-Садок, как и работники национального парка и заповедника, в их строительстве участия не принимали. Но в содержании их в порядке и рабочем состоянии участвовали все жители балаганов. Неблагоприятная для владельцев балаганов ситуация стала разворачиваться с 2012 г., когда руководство Сочинского национального парка ввело запрет на выпас скота.

«...Жители выступали перед нацпарком, чтоб пролонгировали экскурсионный маршрут на Аишхо, но, к сожалению,

³ Приказ Министерства природных ресурсов и экологии РФ № 411 от 27 сентября 2013 г. «Об утверждении положения о Сочинском национальном парке» // Гарант.ру. Информационно-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/70470298/?ysclid=lu9fikoqw5901158931> (дата обращения: 27.03.2024).

⁴ Полевые материалы автора. Село Прогресс, Сочи, Краснодарский край (Россия). 2022 г.

они нарушили все наши традиции. Снесли все балаганы и запретили гнать крупнорогатый скот на Аишхо. Люди хотели бы все эти традиции вернуть и ходить по этим маршрутам ...»⁵.

В 2018 г. против владельцев балаганов началась активная информационная кампания. Акторами этого процесса были представители органов муниципальной власти, бизнес-структур, заинтересованных в участках земли, и Сочинского национального парка. Помимо средств массовой информации материалы распространялись в блогосфере и социальных сетях, в настоящее время выступающих на стыке гуманитарных и общественных наук одним из основных источников информации по мониторингу уже социокультурной среды у этнических групп, вовлеченных в этот процесс; данный источник входит в предметную область киберэтнографии.

Киберэтнография в настоящее время – одно из направлений современной этнологии, изучающих отдельные кейсы проявления этничности в сети Интернет [Hine, 2000]. Исходя из решаемых в ходе исследования задач, интерес представляют методологические подходы Санкт-Петербургской школы киберэтнографии в отражении взаимосвязи (соотношения) времени и пространства. Так, один из ведущих этнологов и этнографов РФ директор МАЭ (Кунсткамера) РАН, чл.-кор. А.В. Головнев в своей работе «Киберскорость» обосновывает теоретическое положение, согласно которому скорость сообщений, реакций и действий в виртуальной среде многократно превышает их реальность. Внимание акцентируется на том, что в киберпространстве генерируется новая социальность, которая складывается в группах по интересам. Одним из алгоритмов работы в виртуальном пространстве являются хештеги – тематические маркеры, инструменты поиска и средства коммуникации [Головнев, 2020; Головнев, Белоруссова, Киссер, 2021].

Опираясь на теоретические разработки А.В. Головневой, С.Ю. Белоруссовой [Белоруссова, 2021], Т.С. Киссер [Киссер, 2021], проиллюстрируем операционные возможности предлагаемых техник исследования на примере ситуации, сложившейся в горных кластерах агломерации Большого Сочи. Так, в телевизионных сюжетах муниципальных и региональных телеканалов, блогах и на страницах социальных сетей владельцев балаганов, следуя за основными положениями кампании, изложенными на сайте городской администрации, владельцам предъявляли претензии в нарушениях в области охраны окружающей среды. Речь шла о самостроях, засорении территорий.

«... Речь идет о 140 самовольных строениях, расположенных в горах Красной Поляны, на Аишхо. Временные шалаши пастухов, оборудованные здесь в 60-х годах прошлого века, были перестроены в дачи.

Возник весь этот хаос не на пустом месте, у селения есть своя история. В советские времена здесь трудились па-

стухи. Они выводили скот на высокогорные пастбища и ночевали в возведенных ими же балаганах. Сейчас пасущегося стада здесь не встретишь. А вместо нескольких временных кочевников вырос целый микрорайон из сараев с горами мусора вокруг ...»⁶.

Информационная кампания вызвала ответную реакцию в блогосфере и социальных сетях в стремлении изложить свою точку зрения. Комментарии были весьма сдержанны (орфография сохранена):

«...Да заберут этот кусок земли «к гадалке не ходи». А через некоторое время появится второй «лагерь холодный» всегда готовый приютить туристов за деньги – это же очевидно. А приемная главы государства отпишется, ссылаясь на занятость ...

Даже этот клочек «бесплатных гор» теперь будет недоступен <...>

Коров там и правда не много было, но были <...>, а какой сыр и масло. А вот меда почти не было, туман и ветер не давал пчелам работать.

Эх, теперь до конца дней не попасть мне снова на 2-й юрт. Местных-то я тут особо и не вижу, временщики одни ...»⁷.

При этом большая часть комментариев относилась к необходимости соблюдения санитарных норм, предъявляемых к местам водозабора воды, или к вопросу об экологичности возможного в дальнейшем масштабного строительства курортного комплекса вместо десятка временных построек. Если сравнивать отклики пользователей блогосферы на эту и другие темы, посвященные сносу любых типов построек местных жителей, относящих себя к категории потомственных сочинцев, то следует отметить, что количество комментариев на тему сноса балаганов Аишхо незначительно. С нашей точки зрения, во многом это могло быть связано с локальностью проблемы: о традиции отгонного скотоводства и проживания в высокогорье женщин, стариков и детей, производства сыра и других молочных продуктов на удаленном горном перевале, перетекшем в практику оздоровления и отдыха, всегда знали ограниченное число лиц.

В качестве попытки сохранить поселение потомственными владельцами балаганов были подготовлены петиция и письмо на имя Президента РФ. Кроме того, они обратились в лабораторию этносоциальных исследований ФИЦ СНИЦ РАН (тогда – лаборатория этносоциальных проблем СНИЦ РАН) с целью получить экспертное заключение и рекомендации. После рабочего выезда сотрудниками лаборатории было предложено проведение этнологической экспертизы, отклоненное инициативной группой в связи с «нежеланием ссориться»⁸. В конце лета 2018 г. начался снос исторического пастушьего поселения.

⁶ Киберполевые материалы автора, 2019–2024 гг.

⁷ Киберполевые материалы автора, 2019–2024 гг.

⁸ Полевые материалы автора. Аишхо. Сочи, Краснодарский край (Россия). 2018 г.

⁵ Полевые материалы автора. Село Прогресс, Сочи, Краснодарский край (Россия). 2022 г.

КЕЙС АВСТРИЙСКИХ АЛЬП

В международной практике существует опыт включения в региональные программы социально-экономического развития интересов локальных этнических групп.

В XX в. в социально-экономическом развитии Австрии в целом и в Альпийском регионе в частности резко обострились проблемы, связанные с недостаточным водоснабжением населенных пунктов. Были разработаны способы их решения. Один из них предусматривал расширение сети особо охраняемых природных территорий, в границах которых режим использования природных ресурсов контролировался администрацией ООПТ, собственниками земель, муниципальными и федеральными органами власти с функцией правовой регуляции земельных отношений, охраны природного наследия, раскрытия рекреационного потенциала ООПТ и привлечения к этим процессам местного населения, в том числе путем сохранения традиционного жизнеобеспечения. Это решение стало приоритетным для органов власти и местного самоуправления [Куринских, 2019].

Основной задачей администрации национального парка являлось сохранение культурного ландшафта на основе развития высокогорных альпийских лугов как отдельного экономического организма с собственной инфраструктурой, домовладениями, продуктами животноводства, местными традициями, способами жизнеобеспечения и «служащими» (пастухами). Это требовало регламентации развития горного сельского хозяйства, сохранения выработанной веками системы жизнеобеспечения и культурных традиций горных крестьян, что было зафиксировано в перечне целей Альпийской конвенции (международного рамочного документа, нацеленного на устойчивое развитие Альпийского экорегиона)⁹.

В европейском сообществе начал формироваться механизм стратегического планирования в сфере природоохранной, национальной и социокультурной политики. Основным объектом демонстрации стали традиционные формы активности населения («живая культура»), проявления взаимосвязи экономической и культурной жизни сельского населения и комплекса природоохранных мероприятий [Куринских, 2012]. Анализ деятельности альпийских общин, федеральных и региональных учреждений позволил выделить внутри- и межгосударственный уровни разработки и реализации концепций регионального устойчивого развития. На межгосударственном уровне формирование подобных концепций продолжается на основе международных нормативных документов (например, Альпийской конвенции)¹⁰. На внутригосударственном уровне выработана концепция сохранения традици-

онной культуры населения Альп на основе традиционных сельскохозяйственных технологий. Было признано, что в системе экономического развития региона нет необходимости создания и реконструкции музеев, т.к. это является дорогостоящим и финансово затратным делом.

Опыт национального парка «Высокий Тауэрн» можно рассматривать как пример для реализации региональных и международных проектов. На локальном уровне жители отдельных общин отмечают, что без национального парка выживать в альпийских поселениях было бы гораздо сложнее. Им импонирует, что национальный парк участвует в сохранении их традиций и обычаев: локальных костюмов, танцев, особенностей строительства, отдельных элементов праздничного календарного цикла [Куринских, 2019; 2022]. Эти вопросы прописаны не только в Стратегиях социально-экономического развития регионов, но и менеджмент-планах национального парка¹¹.

Киберпространство является одним из механизмов создания бренда территорий и налаживания устойчивого туристического потока. Показателен пример кампании федеральной земли Зальцбург с привлечением национального парка, крупных и локальных брендов, общин и локальных культурных объединений. Например, в рамках кампании *Salzburger land* ежегодно во всех населенных пунктах федеральной земли проводится фестиваль *Bauernherbst* («Крестьянская осень»). Это прежде всего традиции, связанные с отгоном скота с горных пастбищ в долины (и наоборот) и проведением праздника «крестьянской осени», ярмарки сельскохозяйственных продуктов и ремесленных изделий, фольклорные праздники и фестивали. Помимо сайта, где объединены возможности ознакомления с полной программой мероприятия, дан перечень мероприятий в горных общинах, бронирования мест проживания, активно работают социальные сети с тематическими хештегами *salzburgerland*, *bauernherbst* и т.д. Посты размещаются не только страницами-организаторами, но и местными жителями¹². Эта тенденция подтверждается и информацией, полученной автором статьи в ходе экспедиционной поездки в Цель-ам-Зее и Капрун (федеральная земля Зальцбург) в 2019 г.¹³

КЕЙС «СОЧИ-2035»

В марте 2023 г. консорциум Леонтьевский центр – AV Group на базе администрации г. Сочи во время Стра-

⁹ Альпийская конвенция // IUCN Engage. URL: <http://data.iucn.org/dbtw-wpd/edocs//2008-006.pdf> (дата обращения: 18.04.2016).

¹⁰ Deklaration „Bevölkerung und Kultur“. Available at: URL: <http://www.cipra.org/de/-/alpmmedia/positionen/87> (accessed: 02.02.2019).

¹¹ Österreichische Nationalpark-Strategie. 2020. Wien: Bundesministerium für Nachhaltigkeit und Tourismus, 2018. 35 s.; Managementplan Nationalpark Hohe Tauern 2016–2024 years. Available at: URL: <https://www.nationalpark.at/de/service/organisation/managementplan-2016-2024/> (accessed: 07.06.2021).

¹² Киберполевые материалы автора, 2019–2024 г.

¹³ Полевые материалы автора. Цель-ам-Зее. Регион Пинцгау, Федеральная земля Зальцбург (Австрия). 2019 г.; Полевые материалы автора. Капрун. Регион Пинцгау, Федеральная земля Зальцбург (Австрия). 2019 г.

тегической сессии представил для обсуждения презентацию муниципальных флагманских проектов¹⁴.

В представленной презентации Стратегии адыги, а также шапсуги (коренной малочисленный народ) проходят только одним пунктом. Не учитывается то, что шапсуги преимущественно проживают в сельской среде, в основном в удаленных горных аулах, окруженных лесами Сочинского национального парка, который существенно ограничивает ведение их хозяйственной деятельности, несмотря на то, что обычно для малочисленных коренных народов особо охраняемые природные территории делают послабления и дают разрешение на ведение традиционной хозяйственной деятельности. Создание национального парка совпало с разрушением системы колхозов и совхозов, поэтому еще одной весомой проблемой для отдаленных аулов стало и ограничение возможности трудоустройства местного населения. После 1990-х гг. модели хозяйств были адаптированы к рыночной экономике, использованию рекреационного потенциала территории. В связи с особенностями почвы, а также нашествием различных вредителей, борьба с которыми осложнена требованиями национального парка к допустимым средствам защиты растений и древесных пород, огородничество в ряде аулов весьма ограничено. Садоводство в последние годы дает ограниченный урожай, что также связано с ростом заболеваний деревьев.

Анализ презентации позволил выявить, что при формировании Стратегии не учтена специфика этносоциальной обстановки¹⁵. Речь идет только об «удовлетворении широкого перечня потребностей» туристов, в том числе их «знакомстве с историей и культурой» курорта, а именно: памятниками и достопримечательностями, местными сообществами, обычаями и традициями. В ходе обсуждений о перспективах развития отдаленных сельских анклавов выяснилось, что участие местного населения, включая коренные малочисленные народы, как полноценных акторов развития рекреационного потенциала территории в концепции в настоящее время не предусмотрено. Подразумевается привлечение сторонних бизнес-структур, различных по направлениям своей деятельности: малый авиационный спорт, йога, спа-центры. При этом не учитывается глобальная тенденция, в соответствии с которой сельские анклавы, особенно с моноэтническим составом, резко негативно относятся к вторжению в систему внутриселовых коммуникаций и на территорию традиционного природопользования внешних бизнес-структур, ориентированных на рекреационное развитие территории.

Туризм рассматривается этой социальной группой в качестве фактора дестабилизации как внутри-, так и межэтнических отношений [Магомедханов, Са-

довой, Ченсинер и др., 2020]. Пилотажное исследование показало, что интеграция в систему внутриэтнических коммуникаций любых социальных институтов, связанных с традиционной хозяйственной специализацией, не входит в систему интересов шапсугов. Они готовы сотрудничать, но к любым формам интеграции настроены осторожно.

Следует отметить, что некоторые разработчики Стратегии знакомы с концепцией этнографического туризма «Арчи» [Этнокультура..., 2022], разработанной исследователями Дагестанского федерального исследовательского центра РАН с привлечением специалистов Субтропического научного центра РАН и Колледжа Святого Антония (Оксфорд), и признают ее эффективность в развитии отдаленных горных аулов. В связи с этим была очерчена задача формирования банка данных по локальным группам, позволяющая определить их этнические интересы. В данном контексте особенно актуален кейс шапсугов – коренного малочисленного народа Западного Кавказа. Представляется, что целью исследования (экспертизы) должна стать формируемая на муниципальном уровне концепция этнографического туризма, степень ее ориентации на культуру жизнеобеспечения в границах территории традиционного природопользования с презентацией в интернет-пространстве (сфера киберэтнографии).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом следует отметить, что специфика этнических процессов заключается в том, что они имеют латентную форму. Но, с другой стороны, можно проследить их «след» и некоторые их проявления в интернет-пространстве. Последнее может рассматриваться как форма обратной связи.

Закрытой, «инсайдерской информацией» в основном является активная политика развития рекреационного потенциала национальных сельских анклавов. Но на основании данных, размещаемых в интернете, можно отследить направление их развития. Вместе с тем, представители локальных этнических групп также отслеживают процессы через социальные сети, блоги и другие медийные проекты. Их реакция – это реакция на процессы, происходящие в киберпространстве. В то же время они готовы сформулировать свою позицию на интернет-площадках. Таким образом, формирование информационного поля, отражающего систему коммуникаций между представителями бизнес-структур, органов власти, этнических групп, будет оказывать опосредованное влияние на процессы изменения этносоциальной обстановки, этнические процессы в рамках города.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

¹⁴ Полевые материалы автора. Стратегическая сессия «Сочи-2035»: Городское Собрание Сочи. Сочи, Краснодарский край (Россия). 2023 г.

¹⁵ Киберполевые материалы автора, 2019–2024 гг.

Белозерова М.В. Некоторые аспекты хозяйственной адаптации переселенцев в Черноморском округе (XIX – первая треть XX столетия) // Экология древних и традиционных обществ. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2016. Вып. 5, ч. 2. С. 189–192.

Белозерова М.В. Этническое предпринимательство в Сочинском Причерноморье: особенности развития в начале XXI столетия // Научный диалог. 2018. № 11. С. 150–162.

Белоруссова С.Ю. Киберэтнография: методология и технология // Этнография. 2021. № 3 (13). С. 123–145.

Головнев А.В., Белоруссова С.Ю., Киссер Т.С. Виртуальная этничность и киберэтнография. СПб.: МАЭ РАН. 2021. 280 с.

Головнев А.В. Киберскорость // Этнография. 2020. № 3(9). С. 13–14.

Киссер Т.С. Киберскорость на Таймыре // Этнография. 2021. № 4 (14). С. 158–185.

Кудаева С.Г. Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа: процессы трансформации и дифференциации адыгского общества (XIX в.): автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. Майкоп, 2006. 26 с.

Куриных П.А. Альпийская конвенция и проблема сохранения культуры жизнеобеспечения (постановка проблемы) // Этнические, экологические и экономические аспекты развития туризма на особо охраняемых территориях горных экосистем мира. М., 2012. С. 122–131.

Куриных П.А. Опыт по сохранению традиционной культуры и взаимодействию общества и государства в национальных парках Австрии (на примере национального парка «Высокий Тауэрн») // Научный диалог. 2019. № 11. С. 366–378.

Куриных П.А. Фольклоризм в культуре жизнеобеспечения населения австрийских Альп в XXI веке // Научный диалог. 2022. Т. 11, № 5. С. 463–481.

Магомедханов М.М., Садовой А.Н., Ченсинер Р., Баканов А.В., Гарунова С.М. «Зеленая дорога» монетизации этнотуризма: Дагестан. Проект «Арчи» // История, археология и этнография Кавказа. 2020. Т. 16, № 1. С. 157–184.

Садовой А.Н. Коренные малочисленные народы. К методам полевых исследований системы внутриэтнических коммуникаций. США (Аляска) – Россия (Причерноморье) // Американистика: актуальные подходы и современные исследования. 2023. № 15. С. 377–391.

Шпакова Р.Н., Городецкий Д.И. Стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации: мониторинг и контроль реализации // Государственное управление: Электронный вестник. 2023. № 99. С. 131–142.

Этнокультура освоения гор: Северный Кавказ / под общ. ред. М.М. Магомедханова. Махачкала: Алеф, 2022. 214 с.

Habinc M. Constructing traditionality of the events the case-study of two Bosnian national parks // Ethnologia slovaca et slavica. 2019. № 4. P. 9–27.

Hine C. Virtual Ethnography. Sage Publications: London, 2000.

REFERENCES

Belorussova S.Yu. (2021). Cyberethnography: methodology and technology. *Etnografia*, no. 3, pp. 123–145. (In Russ.)

Belozeroва M.V. (2018). Ethnic entrepreneurship in the Sochi Black Sea Region: features of development in the early 21st century. *Nauchnyy dialog*, no. 11, pp. 150–162. (In Russ.)

Belozeroва M.V. (2016). Some aspects of the migrants economic adaptation in the Black Sea Region (19th – the first third of the 20th century). *Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv: materialy V Mezhdunar. nauch. konf. (Tyumen, 07–11 noyab. 2016 g.)*. Tyumen, iss. 5, pt. 1, pp. 189–191. (In Russ.)

Golovnev A.V., Belorussova S.Yu., Kisser T.S. (2021). Virtual ethnicity and cyberethnography. Saint Petersburg, MAE RAN, 280 p. (In Russ.)

Golovnev A.V. (2020). Cyberspeed. *Etnografia*, no. 3, pp. 6–32. (In Russ.)

Habinc M. (2019). Constructing traditionality of the events: the case-study of two Bosnian national parks. *Ethnologia Slovaca et Slavica*. Bratislava, t. 40, pp. 9–25.

Hine C. (2000). Virtual ethnography. London, Sage Publ., 178 p.

Kisser T.S. (2021). Cyberspeed in the Taimyr. *Etnografia*, no. 4, pp. 158–185. (In Russ.)

Kudaeva S.G. (2006). Adygs (Circassians) of the North-Western Caucasus: the processes of transformation and differentiation of the Adyghe society (19th century): Dr. hist. sci. diss. abstr. Makhachkala, 47 p. (In Russ.)

Kurinskikh P.A. (2019). Experience of preserving traditional culture and the interaction between society and state in national parks of Austria (using the example of the Hohe Tauern National Park). *Nauchnyy dialog*, no. 11, pp. 366–378. (In Russ.)

Kurinskikh P.A. (2022). Folklorism in culture of life support of the population of the Austrian Alps in the 21st century. *Nauchnyy dialog*, no. 5, pp. 463–481. (In Russ.)

Kurinskikh P.A. (2012). The Alpine Convention and the problem of preserving the culture of life support (formulation of the problem). *Etnicheskie, ekologicheskie i ekonomicheskie aspekty razvitiya turizma na osobo okhranyaemykh territoriyakh gornyykh ekosistem mira*. Moscow, Cheboksary, pp. 122–130. (In Russ.)

Magomedkhanov M.M. (ed.). (2022). Ethnic culture of mountain development: the North Caucasus. Makhachkala, ALEF, 218 p. (In Russ.)

Magomedkhanov M.M., Sadovoy A.N., Chenciner R., Bakanov A.V., Garunova S.M. (2020). The “Green path” of ethno-tourism monetization: Dagestan. The Archi project. *Istoriya, arkheologiya i etnografiya Kavkaza*, vol. 16, no. 1, pp. 157–184. (In Russ.)

Sadovoy A.N. (2023). Native peoples. On the methods of field research of the intraethnic communications system: USA (Alaska) – Russia (Black Sea Region). *Amerikanistika: aktual'nye podkhody i sovremennye issledovaniya: mezhvuz. sb. nauch. tr.* Kursk, iss. 15, pp. 377–391. (In Russ.)

Shpakova R.N., Gorodetsky D.I. (2023). Strategies of socio-economic development of the regions of the Russian Federation: monitoring and control of implementation. *Gosudarstvennoye upravlenie. Elektronnyy vestnik*, no. 99, pp. 131–142. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 05.03.2024

Дата рецензирования 01.04.2024

Статья принята к публикации 11.04.2024

DOI: 10.15372/HSS20240203

УДК 392(571.1)

EDN: WWGVCD

Р.Ю. ФЕДОРОВ

**ВАРИАТИВНОСТЬ ТРАДИЦИОННЫХ СПОСОБОВ ХРАНЕНИЯ
ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ У НАРОДОВ СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ***Тюменский научный центр СО РАН,
РФ, 625026, г. Тюмень, ул. Малыгина, 86

Статья посвящена обобщению и анализу этнографических материалов, характеризующих особенности хранения продуктов питания у народов, проживающих на севере Западной Сибири (ханты, манси, ненцы, селькупы, зыряне, русские). Выделено два основных вида традиционных способов хранения пищи, сложившихся у народов этого ареала. Один из них связан с использованием природных криогенных ресурсов (снега, льда, холодного воздуха и многолетнемерзлых грунтов) для хранения продуктов, которые могут находиться как в необработанном виде (свежее мясо или рыба), так и подвергнуться различным видам обработки. Другой вид связан со специфическими навыками обработки продуктов питания для их длительного хранения (сушение, вяление, копчение, квашение, засаливание, маринование и др.). Сделан вывод о том, что специфика природных условий и биоресурсов в разных ландшафтно-климатических зонах севера Западной Сибири определили сходство и различия традиционных способов хранения и консервации пищи у всех народов, проживающих на этой территории. При этом активные заимствования между русскими и коренными народами Севера в навыках хранения продуктов носили взаимный характер.

Ключевые слова: хранение продуктов, культура жизнеобеспечения, Западная Сибирь, ханты, манси, ненцы, селькупы, зыряне, русские.

Для цитирования: Федоров Р.Ю. Вариативность традиционных способов хранения продуктов питания у народов севера Западной Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2024. Т. 31, № 2. С. 19–24. DOI: 10.15372/HSS20240203.

R.YU. FEDOROV

**VARIABILITY OF TRADITIONAL WAYS OF FOOD STORING
AMONG THE PEOPLES OF THE NORTH OF WESTERN SIBERIA**Tyumen Scientific Centre SB RAS,
86, Malygina Str., Tyumen, 625026, Russian Federation

The article presents an analysis of ethnographic materials characterizing the features of food storage among the peoples living in the north of Western Siberia. The choice of the Khanty-Mansiysk and Yamalo-Nenets Autonomous Districts of the Tyumen Oblast as an administrative-territorial framework for the study was caused by the fact that the territory of these regions covers almost all landscape and climatic conditions typical for the north of Western Siberia, including taiga, forest tundra, and tundra. The variety of natural landscapes and climatic conditions of these regions became a reason for a high degree of variability in the methods of food storing among the peoples living in the territory. Characteristic features of the practice of food storing of Nenets, Khants, Mansi and Russian old-settlers are considered. Two main types of traditional food storage methods have been identified among the peoples of Western Siberia. The first of them is associated with the use of natural cryogenic resources (snow, ice, cold air and underground

*Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ (№ FWRZ-2021-0006).

Роман Юрьевич Федоров – д-р ист. наук, главный научный сотрудник, Тюменский научный центр СО РАН, e-mail: r_fedorov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3658-746X>.

Roman Yu. Fedorov – Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Tyumen Scientific Centre SB RAS.

permafrost) for the long-term storage of products that can be both unprocessed (fresh meat or fish) and having undergone various types of processing. The second type is associated with specific food processing skills (drying, smoking, fermentation, salting, pickling, etc.). It is concluded that the specifics of natural conditions and biological resources in different landscape and climatic zones of the north of Western Siberia largely determined the differences or similarity of traditional methods of storing and preserving food among all peoples living in its territory. In particular, unlike the tundra Nenets, who lead a nomadic lifestyle, special buildings for storing food have become widespread among the indigenous population of the taiga zone of the north of Western Siberia. At the same time, active borrowings in food storage skills were mutual between the Russian and indigenous peoples.

Key words: food storage, subsistence culture, Western Siberia, Khanty, Mansi, Nenets, Selkups, Zyrians, Russians.

ВВЕДЕНИЕ

Навыки хранения и консервации продуктов питания являются важной составляющей традиционной системы жизнеобеспечения любой этнической общности. Как показали недавние исследования влияния изменений климата на состояние погребов и ледяных колодцев на территории Аляски и Якутии, сохранность таких сооружений для этих целей можно рассматривать в качестве одного из важных показателей устойчивого развития народов, в жизни которых важную роль продолжают играть традиционные формы хозяйственной деятельности [Yoshikawa, Osipov, Serikov et al., 2016; Nyland, Klene, Brown et al., 2017; Сулейманов, 2022]. В других современных исследованиях использование традиционных навыков консервации и хранения продуктов питания рассматривается в качестве важного индикатора продовольственной безопасности индигенных и старожильческих сообществ [Андронов, Богданова, Вороненко и др., 2020]. Вместе с тем в отечественной этнологии изучение традиционных способов хранения пищи редко становилось предметом самостоятельных исследований. В большинстве публикаций, посвященных особенностям хозяйственной деятельности и культуре питания народов Западной Сибири, описания традиционных способов хранения пищевых продуктов играют лишь вспомогательную роль. Исходя из этого, большой научный интерес приобретают систематизация и последующий сравнительный анализ столь разрозненных сведений. Данная статья посвящена обобщению имеющихся сведений об особенностях хранения продуктов питания на территории севера Западной Сибири. В задачи статьи входит также оценка степени изученности практик хранения продуктов питания у проживающих здесь народов, а также выявление перспективных направлений их исследования. Территориальные рамки исследования включают Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа Тюменской области. Их выбор был обусловлен тем, что территория данных регионов охватывает практически все типичные для севера Западной Сибири ландшафтно-климатические зоны, включая тайгу, лесотундру и тундру. Многообразие природных ландшафтов и климатических условий этих регионов породило высокую степень вариативности способов хранения продуктов у проживающих на их территории народов.

Источниковая база исследования включает в основном опубликованные во второй половине XX –

начале XXI в. этнографические описания, в которых встречаются упоминания о традиционных способах хранения продуктов у народов севера Западной Сибири. В качестве дополнения к ним были использованы полевые материалы автора, собранные с 2012 по 2022 г. на территории Приуралья, Пуровского и Ямало-Ненецкого автономного округа.

Можно выделить два основных вида традиционных способов хранения продуктов, сложившихся у народов Западной Сибири. Первый из них связан с использованием природных криогенных ресурсов (снега, льда, холодного воздуха и многолетнемерзлых грунтов) для хранения продуктов, которые могут находиться как в необработанном виде (свежее мясо или рыба), так и подвергнуться различным видам обработки. Второй вид связан со специфическими навыками обработки продуктов питания для их длительного хранения (сушение, вяление, копчение, квашение, засаливание, маринование и др.).

ТРАДИЦИОННЫЕ СПОСОБЫ ОХЛАЖДЕННОГО ХРАНЕНИЯ ПИЩИ

Природно-климатические условия севера Западной Сибири способствовали развитию у всех проживавших на ее территории народов приемов охлажденного хранения пищи. Многие исследователи рассматривают морозильные ямы в качестве наиболее архаичного способа хранения продуктов [Крупник, 1989, с. 211]. Как правило, в них в теплое время года хранили скоропортящиеся продукты. Исследуя традиционную экологическую культуру хантов и ненцев, В.А. Адаев отмечал широкое использование ими практики закапывания продуктов охоты и рыболовства в морозильные ямы, вырытые в многолетнемерзлых грунтах [Адаев, 2007, с. 109]. В соответствии с зафиксированными нами в ходе полевых исследований сообщениями информантов, лесные ненцы в летнее время рыли колодцы для хранения мяса, рыбы и ягод. Глубина колодца, подготовленного по сезонно-талому слою, могла составлять 1,5 – 2 м, достигая первых сантиметров кровли многолетнемерзлых грунтов. Для укрепления стен колодца использовались доски или ветви деревьев. В некоторых случаях для лучшего охлаждения продуктов в колодез закладывали лед или снег. Для теплоизоляции использовался мох. На деревянную крышку колодца клали какой-нибудь тяжелый груз для того, чтобы до продуктов не смогли добраться дикие животные.

В зимнее время лесные ненцы хранили скоропортящиеся продукты подвешенными на деревьях, на специальных нартах, а также в лабазах (ПМА–2014, д. Харампур Пуровского района Ямало-Ненецкого автономного округа). На территории Ямало-Ненецкого автономного округа ледники-колодцы также получили широкое распространение среди русских старожилов и зырян. Чаще всего их рыли вблизи от рек и наполняли льдом во время ледохода. Поверх льда настилали березовые ветви, на которые складывались запасы рыбы. Сверху колодец накрывали ветками деревьев, старыми оленьими шкурами или брезентом. Над колодцем могли устанавливать чум, сруб или шалаш [Андронов, Богданова, Вороненко и др., 2020, с. 124].

Ненцы, проживающие на территории Приуральского района Ямало-Ненецкого автономного округа, сохраняют летом оленьё мясо на заснеженных склонах гор, добавляя в него соль (ПМА–2012, п. Горно-князевск Приуральского района Ямало-Ненецкого автономного округа). Подобным образом ненцы сохраняют и запасы рыбы [Харючи, 2001, с. 63]. Гыданские ненцы хранят летом продукты оленеводства в ямах со снегом неподалеку от стойбища. На путях осенней кочевки они часто оставляют некоторые продукты в снегу в ямах с меткой [Ацуси, 1997, с. 136–137]. Проживающие на территории Ямало-Ненецкого автономного округа русские в периоды межсезонья и даже летом устраивали в узких оврагах снежники для непродолжительного (не более месяца) хранения выловленной рыбы. Вырубленный в плотном снегу снежник с запасами рыбы накрывался сверху ветвями деревьев, пластами торфа или мха для того, чтобы замедлить таяние снега [Андронов, Богданова, Вороненко и др., 2020, с. 130].

В холодное время года тундровые ненцы чаще всего хранят скоропортящиеся продукты на нартах и по мере необходимости приносят их в чум для размораживания. Помимо употребления в пищу свежей крови забитого оленя, ненцы также заготавливают ее впрок посредством замораживания (ПМА–2022, п. Новый Порт Ямальского района Ямало-Ненецкого автономного округа). Следует отметить, что у всех народов севера Западной Сибири широкое распространение получили блюда из замороженной рыбы. Из рыбы сиговых пород ненцы, ханты, манси и русские старожилы делают строганину, которая употребляется в пищу с солью. Лакомством селькупов являлась чушь – мороженная стерлядь, нарезанная тонкими пластинами [Селькупы..., 2013, с. 154].

ТРАДИЦИОННЫЕ СПОСОБЫ ОБРАБОТКИ ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ ДЛЯ ДЛИТЕЛЬНОГО ХРАНЕНИЯ

Архаичным способом консервации рыбы у ненцев, селькупов, хантов и манси являлось ее квашение в ямах. Рыба укладывалась в яму слоями, которые пересыпали ягодами (клюквой, брусникой, морошкой). Сверху яму засыпали землей [Народы Сибири..., 1956,

с. 673]. До начала XIX в. большинство самодийцев и обских угров употребляли в пищу мясо и рыбу без соли. Навыки их хранения в засоленном виде были переняты этими народами позднее у русских [Соколова, 2009, с. 264]. Домашнее соление рыбы у ненцев производилось в бочках или ямах. При этом слои очищенной рыбы перемежались со слоями соли [Хомич, 1966, с. 136]. Несмотря на повсеместное распространение соления рыбы, в настоящее время у ненцев, хантов, русских и зырян, проживающих в южной части Обской губы, нижнем течении Оби и Надыма, продолжает сохраняться практика ее квашения в неглубоких ямах, дно которых выстилается осокой. Рыбу, приготовленную таким способом, называют *колодкой*. Срок ее квашения в ямах составляет 30–40 дней [Андронов, Богданова, Вороненко и др., с. 121].

В традиционной культуре самодийцев и обских угров широкое распространение получило хранение рыбы в сушеном, вяленом и копченом виде. Мясо для длительного хранения чаще всего вялили на солнце или коптили на огне. Ненцы, проживавшие на побережье моря, вытапливали жир морских животных (нерп, морских зайцев, моржей и др.). Жидкая ворвань хранилась в бочках [Хомич, 1966, с. 135]. Ханты и манси также вытапливали рыбий жир, который употребляли в пищу в чистом виде или смешивали его с толчеными ягодами черемухи, жарили на нем мучные лепешки или готовили варку [Народы Сибири..., 1956, с. 581]. Заготовка рыбы у коренных народов севера Западной Сибири осуществлялась в течение всего летнего сезона. Наибольшее распространение получила заготовка сушеной рыбы, которую чаще всего называли *юколой*. Для сушки использовали только боковины у рыбы. Перед употреблением в пищу юколу ненцы часто отваривали в рыбьем жиру [Хомич, 1966, с. 136]. У самодийцев и обских угров получила распространение рыбная мука – *порса*, получаемая из толченой в корыте сушеной рыбы. Ее использовали для приготовления похлебки и даже для выпекания заведенного на ней хлеба [Селькупы..., 2013, с. 156; Соколова, 2009, с. 265; Шатилов, 2000, с. 99].

АДАПТАЦИОННЫЕ ПРАКТИКИ И МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ

У тундровых ненцев, ведущих кочевой образ жизни и не всегда имеющих поблизости пригодную для строительства древесину, хозяйственные постройки для хранения продуктов не нашли широкого распространения. Лишь некоторые семьи сооружали на путях кочевков амбары из бревен или плах на высоких подпорках. На зимних и летних стоянках строили дощатые настилы на столбах, куда складывали запасы мяса и рыбы [Народы Сибири..., 1956, с. 620].

В отличие от жителей тундры, у коренного населения таежной зоны севера Западной Сибири специальные постройки для хранения продуктов были широко распространены. Ханты, манси, лесные ненцы и селькупы строили срубные амбары (лабазы) на сваях,

которые позволяли защитить запасы продовольствия от мелких грызунов и других животных. Для хранения различных продуктов, а также для сушки рыбы строились также наземные амбары и навесы [Соколова, 2009, с. 187]. Появление у обских угров построек для хранения продуктов исследователи связывают с заимствованиями у русских благодаря тесным хозяйственным контактам с ними [Населенные места ..., 2005, с. 32].

Следует отметить, что таежные народы запасали гораздо большие объемы консервируемых продуктов, нежели тундровые. В.А. Адаев связывает этот факт с тем, что «тундровики, наряду с более ограниченными возможностями в плане обработки и хранения пищевых продуктов, имели и меньшую потребность в этом, так как основа их благосостояния, олени, всегда находились под рукой. Возвращаясь к зиме в лесотундровые районы, оленеводы согласно вековой традиции, производили с рыболовами обмен титульными видами продукции, осуществляя таким образом взаимный доступ к запасам» [Адаев, 2007, с. 111]. Причем в некоторых ситуациях навыки консервации и хранения продуктов замещались у ненцев более рациональными традициями их распределения, обмена или дара. Японский исследователь культуры питания гыданских ненцев Ёсида Ацуси отмечал, что продукты питания постоянно выполняют у них регулирующую функцию в виде распределения, обмена, дарения на основе реципрокации (обоюдности. – Р.Ф.) [Ацуси, 1997, с. 168]. К примеру, отправляясь зимой в путь по тундре, ненцы, как правило, не брали с собой в дорогу запасы продовольствия, потому что у них существовал обычай угощать остановившихся в пути гостей, а взятые в дорогу продукты быстро замерзали, поэтому их употребление в пищу часто оказывалось затруднительным [Хомич, 1966, с. 139], (ПМА–2014, д. Харампур Пуровского района Ямало-Ненецкого автономного округа). Следует отметить, что такие традиционные практики имели важную рациональную основу, поскольку употребление в пищу сырых мяса и крови оленя во многих случаях являлось для тундровиков единственным источником жизненно важных питательных веществ и витаминов.

Что касается традиционных способов хранения продуктов у русских, основавших свои поселения на севере Западной Сибири в конце XVI–XIX в., то можно проследить две параллельные тенденции. Одна из них состояла в привнесении на осваиваемые ими территории традиционных навыков, которые сложились ранее в местах их выхода. Другая тенденция была связана с заимствованиями традиционных экологических знаний у коренных народов Севера.

Говоря о первой тенденции, следует отметить, что русскими на территорию севера Западной Сибири был привнесен ряд специальных хозяйственных построек для длительного хранения продуктов. Их можно условно разделить на наземные и подземные. В документальных источниках XVII–XVIII вв. среди таких построек наиболее часто упоминаются погреб,

напогребница, амбар, подвал, подполье и чулан [Федоров, Лысенко, Аболина, 2017, с. 361]. В середине XVIII в. в Самаровской волости Тобольского округа «обычной принадлежностью крестьянских дворов являлись погреба, иногда «с напогребницей» (небольшая рубленая клеть с крышей) и амбары» [Шелегина, 1992, с. 87]. В XX в. произошло замещение напогребницы амбаром или погребом, а сам термин «напогребница» вышел из употребления [Федоров, Лысенко, Аболина, 2017, с. 361].

На территории севера Западной Сибири наиболее распространенным видом наземных построек для хранения продуктов у русских являлся амбар. Функциональные назначения амбаров были достаточно широкими. В первых сибирских городах-острогах были построены амбары для хранения хлебных запасов, соли и других видов продовольствия. Амбары являлись неотъемлемой частью приусадебных построек русского населения Сибири. У русских, проживавших в европейской части России, а также в земледельческой зоне Западной Сибири, из подземных сооружений для хранения продуктов наибольшее распространение имело подполье для хранения овощей, которое устраивалось под жилым помещением, а также погреб, располагавшийся под амбаром или во дворе усадьбы. Для хранения скоропортящихся продуктов использовались погреба-ледники. Ранней весной в них закладывали лед или снег, которые не таяли до наступления осени.

На территории севера Западной Сибири эти традиции претерпели ряд трансформаций. Так, из-за недостатка овощей, а также с учетом опасности протавивания многолетнемерзлых грунтов во многих усадьбах русских подполья не делались под жилым помещением. Погреб мог сооружаться под амбаром или навесом. При этом, как отмечала О.Н. Шелегина, «в зоне тундры состав вспомогательных помещений как в XVIII в., так и позднее не отличался разнообразием. Обычно к сениям избы пристраивали амбар, размещали в нем орудия охоты, рыбной ловли, складывали добычу, припасы. Рядом ставили конуру для собаки. Возле дома и на его крыше находились “вешалки” из жердей для сушения рыбы. Как видно, природно-климатические условия (отсутствие строевого леса) и специфика промысловой деятельности населения определили минимум дополнительных построек» [Шелегина, 1992, с. 92].

У русских, основавших свои поселения на севере Западной Сибири в конце XVI – XVIII вв., в связи с адаптацией к ее природно-климатическим условиям и хозяйственными контактами с автохтонами, существенно изменился рацион питания, а также способы хранения и консервации продуктов. Как и у коренных народов Севера, основными продуктами питания у русских стали рыба и мясо. Наиболее распространенным видом хранения рыбы являлась засолка. Поселившиеся на севере Сибири русские часто хранили рыбу в сушеном или вяленом виде, что ранее редко применялось на территории европейской части страны [Этнография русского крестьянства..., 1981, с. 184]. От местных народов были заимствованы основные спосо-

бы и названия заготовки сушеной рыбы: юкола – вяленая рыба с костями, юрок – рыба, вяленая без костей, порса – мелкая сушеная рыба с икрой [Там же]. Русские заимствовали у северных народов еще один способ приготовления и хранения рыбы, который называли *варка*. В соответствии с ним брюшки белой рыбы длительное время разваривались в котле с рыбьим жиром и затем хранились в оленьих пузырях [Там же]. Некоторые проживавшие в Арктике русские переняли у ее аборигенов навыки квашения рыбы в ямах без соли. Вяление также стало одним из наиболее распространенных способов хранения мяса у русского населения севера Западной Сибири.

Анализируя процессы адаптации культуры питания русских, проживавших на севере Западной Сибири, В.А. Липинская отмечала, что «в XVII – начале XVIII русские начали активно осваивать местные продовольственные ресурсы и кулинарные навыки различных народов Сибири. Русское население восприняло практику замораживания продуктов (мясных, молочных, рыбных) и блюд (пельменей, сырчиков, строганины); в значительно больших размерах, чем в европейской части страны, применялось вяление (мяса, рыбы) и квашение (рыбы)» [Там же, с. 199]. Исходя из сказанного, можно сделать вывод о том, что специфика природных условий и биоресурсов в разных ландшафтно-климатических зонах севера Западной Сибири во многом определила сходство и различия традиционных способов хранения и консервации пищи у всех народов, проживающих на ее территории. При этом активные заимствования между русскими и коренными народами Севера в навыках хранения продуктов носили взаимный характер.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предпринятый в статье анализ имеющихся этнографических описаний традиционных способов хранения продуктов у народов Западной Сибири указывает на фрагментарность знаний о них. Чаще всего данная ситуация была связана с тем, что эти описания носили преимущественно вспомогательный характер, лишь дополняя сведения о культуре питания и хозяйственной деятельности проживавших здесь народов. При этом специфические навыки обработки продуктов питания для их длительного хранения достаточно часто упоминаются в этнографических описаниях, а практики использования для этих целей природных криогенных ресурсов до недавнего времени редко попадали в поле зрения исследователей. Следует отметить, что большинство этнологов имели возможность зафиксировать и описать лишь отдельные локальные примеры традиционных практик хранения продуктов питания. Однако, как показал опыт наших полевых исследований, проведенных в Ямало-Ненецком автономном округе, нередко даже на территории одного района можно проследить высокую степень вариативности способов хранения продуктов, как и их названий, что объясняется как ландшафтно-климатическими особен-

ностями конкретной местности, так и этнокультурной спецификой ее населения. В связи с этим большой интерес представляет разработка программы исследований, направленных на систематическое изучение способов хранения продуктов питания на территории севера Западной Сибири и других регионов России в контексте их трансформаций, связанных с такими факторами, как изменения климата, межэтнические взаимодействия, тенденции к модернизации или архаизации отдельных сфер жизни индигенных и старожильческих сообществ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адаев В.Н. Традиционная экологическая культура хантов и ненцев. Тюмень: Вектор Бук, 2007. 240 с.
- Андронов С.В., Богданова Е.Н., Вороненко А.Г., Гриценко В.Н., Деттер Г.Ф., Кобелькова И.В., Кочкин Р.А., Лобанов А.А., Лобанова Л.П., Попов А.И., Федоров Р.Ю., Филант К.Г., Филант П.Н., Южаков А.А. Продовольственная безопасность коренных народов Арктической зоны Западной Сибири в условиях глобализации и изменения климата. Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет, 2020. 373 с.
- Алуси Е. Культура питания гыданских ненцев (интерпретация и социальная адаптация). М.: Изд-во Ин-та антропологии и этнологии РАН, 1997. 252 с.
- Крупник И.И. Арктическая этноэкология. М.: Наука, 1989. 272 с.
- Народы Сибири: этнографические очерки / под ред. М.Г. Левина, Л.П. Потапова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 1084 с.
- Населенные места Салымского края. Выпуск научно-художественного издания / Е.М. Главацкая, М.В. Коноваленко, Е.В. Вершинин [и др.]. Екатеринбург: Баско, 2005. 304 с.
- Селькупы: очерки традиционной культуры и селькупского языка / Н.А. Тучкова [и др.]. Томск: Изд-во Том. политехн. ун-та, 2013. 318 с.
- Соколова З.П. Ханты и манси: взгляд из XXI в. М.: Наука, 2009. 756 с.
- Сулейманов А.А. «Ресурсы холода» в системе жизнеобеспечения сельских сообществ Якутии. Вторая половина XIX – XX в.: Историко-антропологический очерк. Новосибирск: Наука, 2022. 136 с.
- Федоров Р.Ю., Лысенко Д.Н., Аболина Л.А. «Погреб с напогребицей»: дворовые постройки для хранения продуктов в XVII–XXI веках (Ангара-Енисейский регион) // Культура русских в археологических исследованиях: сб. науч. стат. / под ред. Л.В. Татауровой. Омск: ИД «Наука», 2017. С. 357–363.
- Харючи Г.П. Традиции и инновации в культуре ненецкого этноса. Томск: Том. гос. ун-т, 2001. 228 с.
- Хомич Л.В. Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л.: Наука, 1966. 189 с.
- Шатилов М.Б. Ваховские остяки: этнографические очерки. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2000. 288 с.
- Шелегина О.Н. Очерки материальной культуры русских крестьян Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1992. 252 с.
- Этнография русского крестьянства Сибири XVII – середина XIX в. / отв. ред. В.А. Александров. М.: Наука, 1981. 270 с.
- Nyland K.E., Klene A.E., Brown J., Shiklomanov N.I., Nelson F.E., Streletskiy D.A., Yoshikawa K. Traditional Inupiat Ice Cellars (SIGUAQ) in Barrow, Alaska: Characteristics, Temperature Monitoring, and Distribution // Geographical Review. 2017. Vol. 107, N. 1. P. 143–158.
- Yoshikawa K., Osipov D., Serikov S., Permyakov P., Stanilovskaya J., Gagarin L., Kholodov A. Traditional ice cellars (lednik, bulus) in Yakutia: characteristics, temperature monitoring, and distribution // Арктика XXI век. Естественные науки. 2016. № 1 (4). С. 15–22.

REFERENCES

- Adaev V.N. (2007). Traditional ecological culture of the Khanty and Nenets. Tyumen, Vector Book, 239 p. (In Russ.)
- Aleksandrov V.A. (ed.). (1981). Ethnography of the Russian peasantry of Siberia, XVII – mid-XIX centuries. Moscow, Nauka, 270 p. (In Russ.)
- Bogdanova E.N., Lobanov A.A. (eds). (2020). Food security of the indigenous peoples of the Arctic zone of Western Siberia in the context of globalization and climate change: collective monogr. Arkhangelsk, KIRA, 373 p. (In Russ.)
- Atsusi Esida. (1997). Culture of nutrition of the Gydan Nenets (interpretation and social adaptation). Moscow, In-t ehntologii i antropologii RAN, 252 p. (In Russ.)
- Fedorov R.Yu., Lysenko D.N., Abolina L.A. (2017). “Cellar with superstructure”: domestic constructions for storing food in the 17th–21st centuries (Angara-Yenisey region). *Kul'tura russkikh v arkhelogicheskikh issledovaniyakh: sb. nauch. st.* Omsk, pp. 357–363. (In Russ.)
- Glavatskaya E.M., Konovalenko M.V., Vershinin E.V., Ivas'ko L.V., Kardash O.V., Zagorodnyuk N.I., Vizgalov G.P., Yunina M.V. (2005). Populated places of Salym region. Yekaterinburg, Basko, 304 p. (In Russ.)
- Kharyuchi G.P. (2001). Traditions and innovations in the culture of the Nenets ethnic group. Tomsk, Izd-vo Tom. un-ta, 226 p. (In Russ.)
- Khomich L.V. (1976). Problems of ethnogenesis and ethnic history of the Nenets. Leningrad, Nauka, Leningr. otd-nie, 189 p. (In Russ.)
- Krupnik I.I. (1989). Arctic ethnoecology: models of traditional nature management of marine hunters and reindeer herders of Northern Eurasia. Moscow, Nauka, 271 p. (In Russ.)
- Levin M.G., Potapov L.P. (eds). (1956). Peoples of Siberia. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1084 p. (In Russ.)
- Nyland K.E., Klene A.E., Brown J., Shiklomanov N.I., Nelson F.E., Streletskiy D.A., Yoshikawa K. (2017). Traditional Inupiat ice cellars (sigluaq) in Barrow, Alaska: characteristics, temperature monitoring, and distribution. *Geographical Review*, vol. 107, no. 1, pp. 143–158.
- Shatilov M.B. (2000). Vakhovsky Ostyaks: (ethnographic essays). Tyumen, Izd-vo Yu. Mandriki, 286 p. (In Russ.)
- Shelegina O.N. (1992). Essays on the material culture of Russian peasants of Western Siberia (XVIII – first half of the XIX century). Novosibirsk, Nauka, 251 p. (In Russ.)
- Sokolova Z.P. (2009). Khanty and Mansi: a look from the 21st century. Moscow, Nauka, 756 p. (In Russ.)
- Suleimanov A.A. (2022). “Cold resources” in the subsistence system of rural communities of Yakutia, the second half of the 19th – 20th centuries: historical and anthropological essay. Novosibirsk, Nauka, Novosib. otd-nie, 136 p. (In Russ.)
- Tuchkova N.A., Glushkov S.V., Kosheleva E.Yu., Golovnev A.V., Baidak A.V., Maksimova N.P. (2012). Selkups: essays on traditional culture and the Selkup language. Tomsk, Izd-vo Tom. politekhn. un-ta, 318 p. (In Russ.)
- Yoshikawa K., Osipov D., Serikov S., Permyakov P., Stanilovskaya J., Gagarin L., Kholodov A. (2016). Traditional ice cellars (lednik, bulus) in Yakutia: characteristics, temperature monitoring, and distribution. *Arktika XXI vek. Estestvennye nauki*, no. 1, pp. 15–22.

Статья поступила в редакцию 17.02.2024

Дата рецензирования 26.02.2024

Статья принята к публикации 11.03.2024

DOI: 10.15372/HSS20240204
УДК 94:323.3+392(571.1/.5)"17/19"
EDN: WOEQA

Е.В. КОМЛЕВА

ХЛЕБОСОЛЬСТВО КАК ЧАСТЬ КУЛЬТУРЫ ОБЩЕНИЯ В КУПЕЧЕСКОЙ СРЕДЕ СИБИРИ (КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛО XX в.)*

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье представлена характеристика традиций гостеприимства, распространенных в среде сибирского купечества на протяжении конца XVIII – начала XX в. На основе источников разных видов, в том числе эго-текстов, созданных и самими купцами, и представителями других социальных слоев, выявлены такие составляющие приема гостей в купеческом кругу, как организация парадного обеда, сопровождавшие его увеселения, показано отношение к подобным мероприятиям современников. Отмечены происходившие с течением времени изменения в сервировке праздничного стола, вкусовых пристрастиях богатых сибиряков, совместных формах проведения досуга. Подчеркнуто значение хлебосольства как средства взаимопомощи, налаживания дружеских и деловых связей, проявления лояльности и уважения. Все это делало радушную встречу гостей и совместные застолья одним из важнейших элементов культуры общения среди деловых кругов региона, создавая новые возможности для укрепления собственного авторитета, развития отношений с партнерами по бизнесу и региональной администрацией.

Ключевые слова: Сибирь, купечество, культура общения, повседневность, гостеприимство, хлебосольство, питание, парадный обед, купцы и региональная администрация.

Для цитирования: Комлева Е.В. Хлебосольство как часть культуры общения в купеческой среде Сибири (конец XVIII – начало XX в.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2024. Т. 31, № 2. С. 25–32. DOI: 10.15372/HSS20240204

E.V. KOMLEVA

HOSPITALITY AS PART OF THE COMMUNICATIVE CULTURE IN THE MERCHANT ENVIRONMENT OF SIBERIA (LATE 18TH – EARLY 20TH CENTURY)

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The article presents the characteristics of the hospitality traditions common among the Siberian merchants during the late 18th – early 20th century. Until now, insufficient attention has been paid to this topic, meanwhile, the reception of guests played an important role in the daily life and communicative culture of merchants. The article is written in line with historical anthropology, which focuses on the daily practices of ordinary members of society, on persons of the “second and third plan” with their needs and interests. Based on sources of various types, including ego texts created by the merchants themselves and representatives of other social strata, such components of the reception of guests in the merchant circle as the organization of a ceremonial dinner, entertainment accompanying the meal, and the attitude of contemporaries to such events are revealed. The article shows changes in the serving of the festive table and the taste preferences of rich Siberians, as well as joint forms of leisure activities. The importance of hospitality as a means of

*Работа выполнена в рамках проекта FWZM-2024-0007 «Сибирский социум как фактор территориального роста и единства России (конец XVI – начало XX в.)».

Евгения Владиславовна Комлева – д-р. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: feodal@history.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6975-3516>.

Evgeniya V. Komleva – Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History SB RAS.

mutual assistance (which was extremely important for the vast spaces of North Asia), establishing friendly and business ties, showing loyalty and respect is emphasized. On the one hand, the assimilation of the general imperial norms by the regional culture is noted, on the other hand, the specific behavior of Siberians (with openness, sincerity, and willingness to help being more noticeable compared with the population of European part of the country), which has developed under the influence of local factors, is noted as well. All of this combined made a cordial welcome of guests and joint feasts one of the most important elements of the culture of communication among the business circles of the region, creating opportunities to strengthen their own authority, and develop relations with business partners and regional administration.

Key words: Siberia, merchants, communicative culture, everyday life, hospitality, food, ceremonial dinner, merchants and regional administration.

ВВЕДЕНИЕ

Гостеприимство на протяжении веков составляло неотъемлемую часть повседневной жизни и культуры общения многонационального населения России в целом. Сравнивая обычаи в разных частях света, участник первого русского кругосветного плавания приказчик Российско-Американской компании Ф.И. Шемелин писал о жителях Бразилии (в начале XIX в. колонии Португалии): «...народ учтивый и умеющий жить в свете», однако их обыкновение “составляет истинную русскую нашу поговорку: в людях Ананья, а дома не найдешь”» (вариация: в людях Ананья, а дома каналья), т.е. «нет здесь между гражданами никакого хлебосольства, и неизвестно взаимственное обыкновение угощать своих друзей обедом, ужином и тому подобным. Не знают даже, чтобы пришедшему в их дом поднесена была чашка кофе, чаю и проч.» [Шемелин, 1816, с. 70]. Между тем, «как возможно, находясь в обществе людей, жить одному только для себя самого и не знать никакого хлебосольства? Сей приятной обязанности, которою только одной приобретает близкое и толь нужное в общежитии знакомство...»¹.

Особенно ярко в этом отношении проявляло себя купечество: было и чем угостить, было и ради чего. На обширных пространствах Сибири (с присущими региону низкой плотностью населения и значительной удаленностью друг от друга населенных пунктов) радушная встреча гостей вполне приобретать несколько более важное, по сравнению с Европейской Россией, значение для местных жителей, устанавливая и скрепляя связи между ними. Наличие разветвленной сети контактов, да и просто уверенность в том, что тебя примут даже незнакомые люди в самых отдаленных уголках, особенно много значили для непрестанно находившихся в разъездах торговцев (один из них – иркутский купец Н.А. Белоголовый – провел в дороге более семи лет своей жизни, только в Москве побывав 25 раз [Белоголовый, 1988, с. 284–285]). Подтверждение того, что Сибирь действительно выделялась на общероссийском фоне, можно встретить и в высказываниях современников. Примерным называла гостеприимство в Иркутске рубежа XVIII–XIX вв. уроженка города Е.А. Авдеева-Полевая [Авдеева-Полевая, 1990, с. 20]. Спустя сто

лет дочь тарского купца А.М. Рандруп, вспоминая сибирские реалии конца XIX – начала XX в., писала: «...гостеприимство, конечно, было тоже замечательной чертой, как и во всех новых странах» [Цветам былого, 2023, с. 115]. Оно проявлялось, например, в том, что, к удивлению столичных путешественников, сибиряки не считали для себя обременительным принять их даже в ночное время: и предоставить жилье, и накормить [Дегальцева, 2005, с. 29–30].

Обычаи, связанные с приемом и угощением гостей в купеческой среде Сибири, с различной степенью подробности упоминаются в работах ряда современных авторов – Е.А. Дегальцевой [Дегальцева, 2005], Т.А. Кискидосовой [Кискидосова, 2012, с. 164–184], И.В. Шеина [Шейн, 2013], Ю.М. Гончарова [Гончаров, 2014, с. 133–160; 2018а, б] и других, однако целостный взгляд на феномен гостеприимства в деловых кругах региона еще не был представлен. Между тем данное явление играло чрезвычайно важную роль в культуре общения купцов, а трапезы, непременно сопровождавшие встречу знакомых и впервые увиденных, знатных и рядовых посетителей, выходили за рамки совместного проведения досуга, несомненно, обладая более широким значением для повседневной жизни и хозяйственной деятельности купцов. Актуальность этой, на первый взгляд, частной и весьма специфической темы обусловлена также активным развитием в последние годы в отечественной историографии исследований в рамках исторической антропологии с присущим ей интересом к повседневности и образу жизни рядовых членов общества. В частности, культура питания городского населения России второй половины XIX – начала XX в. изучается коллективом сотрудников Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина под руководством В.А. Веременико в рамках проекта по реконструкции истории семьи и детства [Веременико, 2018, 2019, 2022]; рассматривается также развитие учреждений общественного питания в дореволюционной России [Маркевич, Ильнова, 2021]. Применительно к истории купечества на материалах европейской части страны и Урала вопросы, связанные с организацией питания, в том числе в купеческих семьях, затрагивают И.В. Маслова [Маслова, 2010; Маслова и др., 2020], Е.Н. Абдрахманова и Е.В. Бурлуцкая [Абдрахманова, Бурлуцкая, 2024, с. 222–246], и все же в целом можно говорить о недостаточной еще разработке этого направления – изучения норм гостеприимства и угощения, распростра-

¹ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 550 (ОСРК). F. IV. Д. 59/1. Л. 88 об. – 90 об.

ненных не только в кругу купцов, но и в целом среди горожан Российской империи.

Несмотря на главенствующее место приемов пищи в распорядке дня любого человека во все эпохи, раскрыть тематику, связанную с культурой питания, включая проведение праздничных обедов, далеко не так просто. Разрозненная информация разбросана по разным источникам, наиболее значимы из которых эго-тексты, вышедшие из-под пера как самих купцов, так и их современников из других социальных слоев. Редкий пример подробного освещения целого ряда аспектов, связанных со встречей гостей и организацией питания в домах зажиточных сибирских горожан, – воспоминания принадлежавшей к купеческой среде Е.А. Авдеевой-Полевой [Авдеева-Полевая, 1990]. Не претендуя на исчерпывающее освещение всех нюансов традиции хлебосольства, свойственной сибирскому купечеству на протяжении конца XVIII – начала XX в., остановимся лишь на кратком обзоре основных присущих ей черт.

ВСТРЕЧА ГОСТЕЙ И ПОБУДИТЕЛЬНЫЕ МОТИВЫ ГОСТЕПРИИМСТВА

Конечно, нет ничего удивительно в том, что именно в купеческих особняках, часто самых вместительных и красивых, останавливалось светское и духовное начальство, известные отечественные и иностранные путешественники. О чествовании этих лиц сохранилось гораздо больше известий, чем о приеме купцами равных себе горожан. Так, например, дневниковые записи М.М. Сперанского за 1819–1821 гг. изобилуют упоминаниями о приветствиях и проводах его «купечеством и народом», об обедах у «головой градского»² (сибирского генерал-губернатора, кстати, забавляло, что в Сибири на официальных торжествах купцы численно преобладали над чиновниками и чувствовали себя совершенно свободно³; эта демократичность особенно ощущалась в Иркутске, сохраняясь и в конце XIX в. [Гаврилова, 2014, с. 229]). Одной из неотъемлемых составляющих встречи видных лиц (а таковую тоже можно считать элементом культуры гостеприимства) были парадные обеды, часто устраивавшиеся вскладчину от имени всего купеческого общества того или иного города (иногда от имени и на средства всех горожан). Только в Иркутске на эти «общественные кормления» (по выражению Б.А. Милютина, в 1859–1875 гг. занимавшего значимые посты в администрации Восточной Сибири) за десять лет было потрачено около 85 тыс. руб.⁴ Уклониться от участия в подобном мероприятии, если оно носило коллективный характер, считалось

крайне неприличным и даже оскорбительным. И все же такие случаи бывали. Так, красноярский купец М.К. Сидоров, известный своим независимым характером и многочисленными конфликтами с чиновниками разного ранга, в 1860-х гг. во время проезда через Красноярск восточносибирского генерал-губернатора М.С. Корсакова при сборе средств на обед в честь последнего «притворился казанским сиротой и хотел подписать один рубль», затем внес-таки пять рублей, но на встречу не явился [Воспоминания, 2016, с. 192]. В ноябре 1895 г. на чествовании в Енисейске мореплавателя И. Виггинса отказались присутствовать такие авторитетные купцы, как А.П. Кытманов, А.Ф. Петров и А.А. Баландин, возможно, тем самым выражая свое негативное отношение к деятельности иностранцев на сибирском Севере⁵.

Пышные трапезы, которые купцы устраивали прежде всего, конечно, в честь начальства, иногда демонстрировали отнюдь не только чинопочитание и лояльность, но и искреннее уважение. Когда в 1859 г. Енисейск покидал прослуживший здесь четыре года и хорошо себя зарекомендовавший окружной начальник Мордвинов, «проводы его были торжественны, весь февраль прошел в прощальных обедах» [Кытманов, 2016, с. 365]. В свою очередь и представители администрации могли отметить заслуги купцов парадной трапезой. Один из примеров – прием тобольского губернатора Ф.А. фон Бриана в 1810-х гг. в честь тарского купца и крупного казенного подрядчика Е.В. Филимонова [Башкатова, Бойко, Жиров, Дмитриенто, 2013, с. 358]. В конце 1860-х гг. в Тобольске состоялся обед «по случаю представления на Всемилостивейшее воззрение Государя Императора всеподданнейшей просьбы двухсот сибирских купцов о соединении Обского бассейна с Волжским железною дорогою». В напечатанной по этому поводу газетной заметке говорилось: «Тостам за скорейшее соединение Европейской России с Сибирью и за сибирское купечество не было конца»⁶.

Подобные торжественные приемы могли иметь чрезвычайно важное значение, выступая в качестве площадки для обсуждения различных злободневных вопросов, совместных проектов региональной администрации и представителей частного капитала. При этом купцы не стеснялись в отстаивании своей точки зрения, как, например, А.В. Белоголовый, который в марте 1857 г. во время дававшегося в Иркутске обеда в честь направлявшегося в Китай русского посланника «стал ... доказывать, что незачем Путятину так скоро ехать в Кяхту (он хочет ехать во вторник), и что вообще жить ему, русскому посланнику, месяца 2-3 в Кяхте, дожидаясь разрешения ехать в Пекин от китайского правительства – неприлично»⁷.

² Дневник графа Михаила Михайловича Сперанского // В память графа Михаила Михайловича Сперанского. 1772–1872. СПб., 1872. С. 1–332.

³ Письма М.М. Сперанского к его дочери из Сибири // Русский архив. 1868. № 11. С. 1700.

⁴ Милютин Б.А. Генерал-губернаторство Н.Н. Муравьева-Амурского // Исторический вестник. 1888. Т. XXXIV, кн. 11. С. 358–359.

⁵ Енисей. 1895. № 143 (1 дек.). С. 3–4.

⁶ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1050. Оп. 1. Д. 18. Л. 1.

⁷ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 22. Карт. 3. Д. 9. Л. 6 об. – 7.

Теплый прием в Сибири встречали также путешественники, дипломаты, ученые, ссыльные из знати (особым вниманием пользовались декабристы). Гостеприимство сибирских купцов не раз упоминалось в оставленных ими записках. Один из иностранных вояжеров П. Коллинз, побывав в конце 1850-х гг. в Иркутске, отмечал: «Гостеприимство главных граждан было безграничным, люди добрые и вежливые, общество приятное, дамы красивые, вино хорошее и ужины отличные...» [Collins, 1860, р. 49]. Он же писал о поездке по Сибири: «...в путешествии вы без церемонии квартируете у ваших друзей, живете у них настолько долго, насколько сочтете нужным, и уезжаете, когда вам удобно» [Collins, 1860, р. 99]. Иностранцев, кстати, весьма удивляло количество выпивавшегося за обедами шампанского; поражала их и традиция подкидывать человека на руках вверх как выражение особой чести [Collins, 1860, р. 55, 85–88; Кастрен, 1999, с. 271]. Декабристы с теплотой отзывались о забайкальских купцах Кандинских («...обед и угощение были роскошны. Радушие хозяев было полное...» [Мемуары, 1981, с. 105]), Старцевых (которым были присущи «гостеприимство, радушие, самая заботливая внимательность...» [Письма из Сибири, 1929, с. 20]) и др. На рубеже XIX–XX вв. ряд известных путешественников (Н.М. Пржевальский, Г.Н. Потанин, П.К. Козлов, В.А. Обручев и др.), посещавших Монголию и Китай, останавливались на хуторе кяхтинского купца И.И. Корнакова, находя здесь «самый радужный прием и поддержку» [Бараев, 2012, с. 352].

Но не только приезжие могли рассчитывать на купеческое гостеприимство. Среди сибирских купцов находилось немало любителей регулярно собирать в своих домах веселые компании и устраивать застолия для самой разнородной публики, что могло свидетельствовать о тяге к общению, желании развлечься, может быть, о стремлении похвастаться своим состоянием и возможностью жить на широкую ногу, а также укрепить свои позиции в обществе. Примеры такого поведения встречались и в XVIII в. (иркутский купец Ф.О. Медведников, который «наряду с генерал-губернатором “держал открытый стол и давал еженедельно по очереди обеды и балы”» [Зуева, Гаврилова, 2013, с. 36]), и в XIX в. (проживавший в Енисейске А.А. Кобычев, в чьем «прекрасном доме ... часто собиралось ... многочисленное разнообразное общество купцов, золотопромышленников, чиновников и др.» [Кытманов, 2016, с. 297]). Званные обеды могли устраиваться и по специальному поводу – по случаю семейного торжества, приезда или отъезда из города [Тарасенко, 2021, с. 29].

О том, что одним из мотивов выдаваемого купцами хлебосольства выступало намерение использовать его как инструмент для достижения своих весьма прагматических целей, емко и метко сказано в воспоминаниях Б.А. Милютина. Характеризуя одного из наиболее богатых и авторитетных иркутских купцов второй половины XIX в. И.С. Хаминова, мемуарист писал: «Небольшой домик его, который он называл

избушкой, был ареной, на которой происходило ... сближение с нужными людьми. Ежедневно в 2 часа происходили небольшие домашние обеды для избранных, которых он приглашал собственноручными записочками, причем на сочетание лиц он не обращал внимания... По временам он устраивал лукулловские пиры в своем домике или балы в собрании». По словам Б.А. Милютина, таким «закармливанием» И.С. Хаминов приобретал влияние на местный «чиновный люд»⁸.

И все же подобный подход нельзя безоговорочно распространять на все купечество и считать, что в основе купеческого гостеприимства лежали исключительно какие бы то ни было практические интересы. Необходимо учитывать и другие факторы, определявшие поведение купцов. Например, широкое распространение в Сибири обычая подавать милостыню всем нуждающимся, следуя которому, многие состоятельные люди не только привечали представителей начальства, путников или знакомых, но считали своим долгом кормить нищих и шедших отбывать каторгу и ссылку арестантов. Так, в конце XIX в. мать тарского купца М.Ф. Пяткова «очень любила раздавать деньги нищим и беднякам, которые каждый день толпились у окон дома», а в дни поминовения усопших родственников по ее настоянию «каждому нищему, постукавшему в специальное окно, подавали буханочку свежее испеченного хлеба или пирога и немного чая и сахара, а также медную мелочь» [Цветам былого, 2023, с. 118–119].

В целом можно говорить о том, что гостеприимство, открытость, дружелюбие, щедрость нередко встречались среди сибирских купцов, составляя важную особенность распространенных в купеческом кругу коммуникативных практик. Корни этого лежали и в характерах и склонностях конкретных предпринимателей, во внушенных им с детства христианских ценностях и в несомненной практической пользе подобного поведения.

ОБЕД В КУПЕЧЕСКОМ ДОМЕ

Как именно проходил парадный обед в купеческом доме? Приведем два свидетельства, относящихся ко второй четверти XIX в. В одном из них, принадлежащем чиновнику Н.С. Щукину, характеризующему Якутск 1830-е гг., хорошо видно сочетание устоявшихся традиций и новых веяний: «Я был на обеде в первом здешнем купеческом доме. Гостей посадили за стол по чинам и отношениям <...>. Каждый сидел молча, углубив нос в тарелку, изредка кидая недоверчивые взгляды на своих соседей; или, сказав слова два, осматривался на все стороны, не подслушивает ли кто его. Обед был огромный, во вкусе наших предков, и продолжался часа четыре. После стола нас всех пригласили на вечер. Вечерние собрания оживляются европейскими танцами. Нечего говорить о музыке и танцовщиках! Зато здесь каждый танцует; но всего удивительнее, что гости, просидев часу до 2-го, возвращаются домой к своему ужи-

⁸ Милютин Б.А. Генерал-губернаторство... С. 359.

ну» [Шукин, 1990, с. 213–214]. Заметно оживленнее проходили вечера, устраивавшиеся в конце 1840-х гг. енисейским купцом А.А. Кобычевым: «Гости ... играли в карты, на бильярде, курили табак из длинных до пола трубок хозяина. Во время одного бала золотопромышленники Степан Соловьев и Наркиж Зотов пили шампанское из белого атласного башмачка красавицы В.» [Кытманов, 2016, с. 297].

Как из этих, так и из других сохранившихся описаний современников видно, что прием пищи мог сопровождаться танцами (при этом господствовавшая в XVIII в. русская пляска, о которой упоминается в романе И.Т. Калашникова «Дочь купца Жолобова», уже в начале XIX в. сменяется котильоном и другими европейскими танцами⁹ по преимуществу под аккомпанемент полковых музыкантов [Авдеева-Полевая, 1990, с. 46]), разнообразными настольными играми (во второй половине XVIII в. упоминается послеобеденная игра в шашки, в XIX в. популярными становятся карты, бильярд). К середине XIX в. вошло в привычку после обеда раскуривать трубки и сигары, если в доме была оранжерея (а у некоторых купцов в разных сибирских городах они были [см. например: Atkinson, 1970, p. 312]), то курить и беседовать предпочитали среди экзотических растений. Ну и расходиться было принято и в XVIII, и в XIX в. «к полночи»¹⁰.

Сохранились сведения и о сервировке праздничного стола и вкусовых предпочтениях богатых сибиряков. Во второй половине XVIII в. в Тобольске в декабре, во время Рождественского поста, в доме зажиточного торговца гостей потчевали следующим образом: «...на большом лаковом подносе ... в золоте ... стояли менажные тарелки, на которых были кедровые орехи, чернослив, яблоки, виноград, изюм, винные ягоды (т.е. инжир. – Е. К.), финики»; упоминались также «коврижки». Из напитков предлагали (причем все одновременно) пунш, белое и красное вино, водку, балзам; к ним закуски: семгу, соленые грузди, осетровую икру¹¹. Помимо прочего, это свидетельство подчеркивает развитые торговые связи между разными регионами России и граничившими с ней народами (изюм, чернослив, инжир подавались к столу и в Восточной Сибири¹²). Подробное описание званых обедов в Иркутске на рубеже XVIII–XIX вв. оставила воспитывавшаяся в купеческой семье Е.А. Авдеева-Полевая, по словам которой, «готовили множество кушаньев,

блюд 30 и более» [Авдеева-Полевая, 1990, с. 53]. С течением времени парадные трапезы стали выглядеть гораздо проще: как показывает анализ меню праздничных обедов в Красноярске, к концу XIX в. они уже включали не более шести блюд, названия которых проносились на французский манер, но записывались на кириллице: например, «нельма эстуфат», т.е. «тушеная рыба под томатным соусом» [Тарасенко, 2021, с. 33].

Мода на французскую кухню и непривычные ранее гастрономические изделия распространилась в Сибири в середине XIX в. – в период расцвета золотодобычи. Тогда в разных сибирских городах появились самые изысканные продукты. Оказавшийся в 1842 г. в Красноярске путешественник П.А. Чихачев с удивлением отмечал: «Сколько раз, сидя за столом, уставленным привезенными со всех концов света яствами, я не мог не поражаться невероятным контрастам. Вот алтаец в войлочной шапке подает на тарелке японского фарфора апельсины, привезенные на берег Енисея из Мессины или Марселя через Санкт-Петербург и Москву. Вот после обильной трапезы вам предлагают лакомства со всех уголков мира, при этом не забыты даже вина Малаги, Рейна и Бордо. Вы наслаждаетесь ароматным нектаром Аравии и прекрасными гаванскими сигарами» [Чихачев, 1974, с. 243]. Примерно в те же годы в Барнауле продавались «сахар, чай, кофе ... сардины, сыр, приправы, английский портер, шотландский эль, французские вина, портвейн, херес и мадера...» [Atkinson, 1970, p. 283]. Из китайских лакомств на купеческом столе встречалась вкусная пастила [Кытманов, 2016, с. 298], «черные и красные» яблоки, привозившиеся в замороженном виде, при этом не только не утрачивая вкуса, но становясь «сочнее, созревая на морозе»¹³. С «золотой лихорадкой» связана и популярность шампанского, которое пили буквально повсюду, а разгулы золотопромышленников надолго запомнились современникам. В частности, долго говорили об одной свадьбе в Енисейске, когда «выпили все шампанское и с эстафетой выписывали из Томска. С радости напоили не только мужчин, но и дам, кто не пил, тому лили на голову, а на другой день хозяева рассылали с посланцами подарки гостям, у которых было попорчено платье. Поили шампанским прислугу, а потом и лошадей» [Кытманов, 2016, с. 289].

В качестве примеров чисто сибирских съестных продуктов и изделий можно привести пельмени (в начале 1840-х гг. И.Т. Калашников специально для читателей из европейской части страны сделал пояснение, что пельмени – это маленькие пирожки «с говядиной, которые парят в воде и обыкновенно употребляют вместо супа все путешествующие сибиряки»¹⁴), лепешку (о ней, как о диковинке для приезжего в Кяхту из столицы, говорит С.И. Черепанов в повести «Сибирячка», изданной в 1850-х гг.), «каральки» и «витушки» (творожное печенье в форме двух свернутых из длинной полоски теста лепестков и сдобные булочки, за-

⁹ Калашников И.Т. Дочь купца Жолобова: Роман, извлеченный из иркутских преданий. [Электронный ресурс]. URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?url=ya-browser%3A%2F%2F4DT1uXEPRIJRJIUFoewruFIO88vzTe-Y-fEzw1NjSrkuHmseqACyNRjHtAg0ahw-LcF3S4oc3YwWWQYWSJmT_FGjLoHnIOxAoHGySGtm0Y4XfU441CH_bcX1aOcT8Bwdcvt2B5NDnUR4u6t7B-Ma_zg%3D%3D%3Fsign%3DE0P-3tIirPo28TQXDYrrfxioiR7so7nMftv7UtmHa8M%3D&name=Doch-kupca-Zholobova_Kalashnikov.docx&nosw=1 (дата обращения: 05.04.2024).

¹⁰ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1235. Оп. 1. Д. 182. Л. 61 об.

¹¹ РГАЛИ. Ф. 1235. Оп. 1. Д. 182. Л. 60–61.

¹² Калашников И.Т. Дочь купца Жолобова...

¹³ Калашников И.Т. Дочь купца Жолобова...

¹⁴ Там же.

крученные по спирали, – о них упоминается в мемуарах кяхтинского купца М.Ф. Немчинова как о фактах 1840-х гг.¹⁵). Е.А. Авдеева-Полевая называет также другие, распространенные в начале XIX в. в Иркутске лакомства: сосновый сок, выжимки из кедровых орехов, пироги с сухой черемухой, листовничную серу, которую «жуют наиболее женщины почти всех сословий; но в хороших домах стыдятся жевать, особенно при посторонних»; в Иркутске же зимой продавали замороженное молоко «кругами и кусками» [Авдеева-Полевая, 1990, с. 13–14]. Во второй четверти XIX в. в Сибири входит в широкое употребление мед. Соседство с Китаем, среди прочего, способствовало развитию огородничества: красноярские купцы Ларионовы привозили из Иркутска «семя китайское огуречное»¹⁶. Среди прочих овощных и плодовых культур в Сибири уже в начале XIX в. выращивали капусту, тыкву и даже – в парниках – дыни и арбузы. В лесу собирали и заготавливали на зиму рыжики, грузди, из ягод бруснику и голубицу, которые «сохраняли до заморозов в погребках, а после замораживали» [Авдеева-Полевая, 1990, с. 16]. Из рыб предпочитали распространенных в Сибири тайменя и нельму [Тарасенко, 2021, с. 33].

Приготовить яства можно было и по печатным руководствам – книгам уже неоднократно вышеупомянутой уроженки Иркутска, дочери местного купца Екатерины Алексеевны Авдеевой-Полевой. Написанные ею наставления («Ручная книга русской опытной хозяйки», «Карманная поваренная книга», «Полная хозяйственная книга»), начиная с 1840-х гг., неоднократно переиздавались и пользовались большой популярностью по всей стране, включая Сибирь. Кяхтинский купец М.Ф. Немчинов, характеризуя свою супругу – образцовую мать семейства, писал: «...и примерная хозяйка и уважаемая в обществе ... Затем, познакомься с изданиями Авдеевой по роду кухни, и, очень благодарная Авдеевой, сначала говорила: “Дай Бог ей доброе здоровье”, а, узнав из журналистики о смерти, говорит: “Прими Бог в Царство Небесное”»¹⁷. Кухонные хлопоты, часть повседневной рутины, могли восприниматься как наказание в чем-либо провинившихся девочек – именно так поступали на рубеже XIX–XX вв. в семье богатого нерчинского коммерсанта П.Е. Колобовникова, отправляя младшее поколение «за непослушание и малейший проступок ... готовить завтраки, обеды и ужины членам семьи, приказчикам и прислуге» [Шарак, 2021, с. 21]. Если же требовалось пригостить не рядовой, но рассчитанный на большое число гостей званый обед, хозяйки купеческих домов прибегали к услугам известных в городе «своим поваренным

искусством» женщин, реже – поваров-мужчин, а для обслуживания приглашали официантов, для которых сопровождение частных обедов составляло основной заработок. Все необходимое для торжества (скатерти, посуду, столовые приборы) предпочитали иметь свое, но при необходимости могли позаимствовать и у знакомых [Авдеева-Полевая, 1990, с. 46].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, можно констатировать, что двери купеческих особняков с готовностью распахивались как для высокопоставленных лиц, так и для посетителей самых разных званий. Неотъемлемую часть традиции гостеприимства составляло угощение, на которое не скупились, предлагая гостям разнообразный набор блюд, в том числе продукты, доставлявшиеся из Западной Европы, Китая, Средней Азии, с Кавказа. Спрос на дорогостоящую западноевропейскую продукцию возник и широко распространился во время «золотой лихорадки», когда в Сибирь хлынул поток людей самого разного социального и этнического происхождения, а число состоятельных горожан резко возросло. С течением времени в церемонии проведения парадных обедов происходили и другие изменения: уже в начале XIX в. прием пищи сопровождался балными танцами, позднее в употребление вошли послеобеденное курение сигар, карточные игры; число блюд постепенно сокращалось, а в их названиях все чаще стали фигурировать французские слова. При этом обед воспринимался не просто как совместная трапеза и приятное проведение досуга, но и как передача определенной информации: проявление расположения, лояльности. Все это в совокупности составляло важную часть культуры общения сибирских купцов, способствуя укреплению личных и партнерских связей, налаживанию взаимодействия с представителями региональной администрации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

«Цветам былого нет забвенья...»: воспоминания А.М. Рандруп и А.М. Розенплэнтер / авт., вступ. ст., биогр.: А.Г. Киселев, П. Нильсен; сост. А.Г. Киселев, И.И. Крот, П. Нильсен. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2023. 282 с.

Абдрахманова Е.Н., Бурлуцкая Е.В. Ребенок на рубеже столетий. Детская повседневность в Оренбурге второй половины XIX – начала XX в. Оренбург: Оренбургская книга, 2024. 496 с.

Авдеева-Полевая Е.А. Записки и замечания о Сибири: с приложением старинных русских песен // Записки иркутских жителей / сост. М.Д. Сергеев. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1990. С. 7–124.

Бараев В.В. Корнаковы // Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: в 2 т. Новосибирск, 2012. Т. 1. С. 352–353.

Башкатова З.В., Бойко В.П., Жиров А.А., Дмитриенко Н.М. Филимоновы – тарские и томские купцы // Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: в 2 т. Новосибирск, 2013. Т. 2. С. 358.

Белоголовый Н.А. Воспоминания сибиряка. Из детских лет // М.С. Знаменский, Н.А. Белоголовый. Исчезнувшие люди: Повести, статьи, воспоминания. Воспоминания сибиряка / сост. тома, примеч., послесл. Н.Н. Александровой и Н.П. Матхановой. Иркутск, 1988. С. 284–285.

¹⁵ Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 111. Оп. 1. Д. 137. Л. 5. (Опубликовано: Комлева Е.В. «Трудясь неуспынно каждый день...». Воспоминания кяхтинского купца М.Ф. Немчинова (1820–1860-е гг.) // Отечественные архивы. 2023. № 4. С. 73–90).

¹⁶ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 796. Оп. 1. Д. 4495. Л. 2 (Опубликовано: Комлева Е.В. Из наследия красноярских купцов Ларионовых. Новосибирск, 2016. Вып. 1: Письма конца XVIII – первой трети XIX в.).

¹⁷ ГАРБ. Ф. 111. Оп. 1. Д. 137. Л. 9 об.

- Веремко В.А. «Женское царство» – эволюция организации питания городской дворянской семьи в России в конце XIX – начале XX в. // Горожанки и горожане в политических, экономических и культурных процессах российской урбанизации XIV–XXI веков: материалы 22-й Междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН. Нижний Новгород, 2018. С. 187–189.
- Веремко В.А. Городская кухня как социальное пространство в дворянско-интеллигентской среде России во второй половине XIX – начале XX в. // Былые годы. 2019. Т. 3, № 53. С. 1187–1200.
- Веремко В.А. Организация питания в городских дворянско-интеллигентских семьях России во второй половине XIX – начале XX в. // Домашняя повседневность населения России: история и современность: материалы Междунар. науч. конф. СПб., 2022. С. 233–239.
- Воспоминания Парфентьева Ивана Федоровича (1777–1898 гг.): рукопись из фондов Красноярского краевого краеведческого музея / под ред. Т.С. Комаровой, предисл. В.И. Федоровой. Красноярск: Поликор, 2016. 359 с.
- Гаврилова Н.И. Общественный быт горожан Иркутской губернии во второй половине XIX века. Иркутск: Оттиск, 2014. 308 с.
- Гончаров Ю.М. Очерки повседневной жизни горожан Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2014. 348 с.
- Гончаров Ю.М. Кухонная утварь горожан Сибири середины XIX – начала XX в. // Тобольск научный – 2018: сб. материалов XV Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. Тобольск, 2018а. С. 240–245.
- Гончаров Ю.М. Экономическая повседневность горожан Сибири: семейные бюджеты второй половины XIX – начала XX в. // Экономическая история Сибири XX – начала XXI века: сб. стат. по материалам V Всерос. науч. конф. (с междунар. участием). Барнаул, 2018б. С. 354–367.
- Дегальцева Е.А. Образ жизни сибиряков во второй половине XIX – начале XX вв. Барнаул: Изд-во Алт. гос. техн. ун-та, 2005. 188 с.
- Зуева Е.А., Гаврилова Н.И. Медведниковы // Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: в 2 т. Новосибирск, 2013. Т. 2. С. 36–38.
- Кастрен М.А. Сочинения: в 2 т. Тюмень: Мандрика, 1999. Т. 2: Путешествие в Сибирь (1845–1849 гг.). 351 с.
- Кискидосова Т.А. Повседневная жизнь горожан Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX века. Абакан: Бригантина; Журналист, 2012. 312 с.
- Комлева Е.В. «Трудясь неусыпно каждый день...». Воспоминания кяхтинского купца М.Ф. Немчинова (1820–1860-е гг.) // Отечественные архивы. 2023. № 4. С. 73–90.
- Комлева Е.В. Из наследия красноярских купцов Ларионовых. Новосибирск: Академиздат, 2016. Вып. 1: Письма конца XVIII – первой трети XIX в. 324 с.
- Кытманов А.И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии. 1594–1893 год / вступ. стат. Л.П. Бердникова. Красноярск: СПб. федерал. ун-т, 2016. 850 с.
- Маркевич Е.И., Ильинова Е.В. Заведения общественного питания как культурный код русского общества на примере Москвы XVI–XIX вв. // Филологические и социокультурные вопросы науки и образования: сб. материалов VI Междунар. науч.-практ. очно-заочной конф. Краснодар: Кубан. гос. технолог. ун-т. 2021. С. 1307–1312.
- Маслова И.В. Культура повседневности уездного купечества в России XIX – начале XX столетия: на материалах Вятской губернии // Вест. Том. гос. ун-та. История. 2010. № 3 (11). С. 16–25.
- Маслова И.В., Крапоткина И.Е., Мартынова В.А. Питание как способ физического развития человека: исторический ракурс и современное состояние проблемы // Теория и практика физической культуры. 2020. № 6. С. 104–106.
- Мемуары декабристов. Северное общество / сост., общ. ред., вступ. стат. и коммент. В.А. Федорова. М.: Изд-во МГУ, 1981. 400 с.
- Письма из Сибири. Иркутск: изд. Иркут. секции науч. работников, 1929. Вып. I: Селенгинский период 1839–1841 / ред. и примеч. М.К. Азадовского и И.М. Троцкого. 137 с.
- Тарасенко Т.В. Сибирский парадный обед в свете языка // СПб. филол. форум. 2021. № 5 (17). С. 23–37.
- Чихачев П.А. Путешествие в Восточный Алтай / пер. с фр., предисл. и коммент. В.В. Цыбульского. М.: Наука, 1974. 360 с.
- Шарак О.М. История одной семьи. Колобовниковы. Улан-Удэ: НоваПринт, 2021. 176 с.
- Шеин И.В. Сибирский парадный стол. XIX – начала XX в. Красноярск: Ситалл, 2013. 329 с.
- [Шемелин Ф.И.]. Журнал первого путешествия россиян вокруг земного шара, сочиненный под Высочайшим Его Императорского Величества покровительством Российско-Американской компании главным комиссионером, московским купцом Федором Шемелиным: в 2 ч. СПб.: В медицинской типографии, Ч. 1. 1816. 168 с.
- Шукин Н. Поездка в Якутск // Записки иркутских жителей / сост. М.Д. Сергеев. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. из-во, 1990. С. 142–254.
- Atkinson L. Recollections of the Tartar Steppes and their inhabitants. New York: Arno Press, 1970. 392 p.
- Collins P. A Voyage Down the Amoor. New York: D. Appleton and Company, 1860. 390 p.

REFERENCES

- Abdrakhmanova E.N., Burlutskaya E.V. (2024). A Child at the Turn of the Century. Children's Daily Life in Orenburg in the Second Half of the 19th – Early 20th Century. Orenburg, Orenburgskaya Kniga, 496 p. (In Russ.)
- Atkinson L. (1970). Recollections of the Tartar Steppes and their inhabitants. New York, Arno Press, 392 p.
- Avdeeva-Polevaya E.A. (1990). Notes and Remarks about Siberia: with the Appendix of Ancient Russian Songs. Zapiski irkutskikh zhitel'ev. Irkutsk. Pp. 7–124. (In Russ.)
- Azadovskiy M.K., Trotskiy I.M. (1929). Letters from Siberia. Iss. I. Selenginsk Period 1839–1841. Irkutsk, Izdaniye Irkutskoy Sektsii nauchnykh rabotnikov, 137 p. (In Russ.)
- Baraev V.V. (2012). The Kornakovs. Entsiklopedicheskiy slovar' po istorii kupechestva i kommertsii Sibiri: in 2 vols. Novosibirsk. Vol. 1, pp. 352–353. (In Russ.)
- Bashkatova Z.V., Boyko V.P., Zhiron A.A., Dmitrienko N.M. (2013). The Filimonovs. Entsiklopedicheskiy slovar' po istorii kupechestva i kommertsii Sibiri: in 2 vols. Novosibirsk. Vol. 2, p. 358. (In Russ.)
- Belogolovyy N.A. (1988). Memories of a Siberian. From childhood years. M.S. Znamenskiy, N.A. Belogolovyy. Ischeznuvshie lyudi: Povesti, stat'i, vospominaniya. Vospominaniya sibir'yaka. Irkutsk, pp. 284–285. (In Russ.)
- Chikhachev P.A. (1974). Journey to the Eastern Altai. Moscow, Nauka, 360 p. (In Russ.)
- Collins P. (1860). A Voyage Down the Amoor. New York, D. Appleton and Company, 390 p.
- Degaltseva E.A. (2005). The Lifestyle of Siberians in the Second Half of the 19th – Early 20th Century. Barnaul, Izd-vo Alt. gos. tekhn. un-ta, 188 p. (In Russ.)
- Fedorov V.A. (Ed.). (1981). Memoirs of the Decembrists. The Northern Society. Moscow: Izd-vo MGU, 400 p. (In Russ.)
- Gavrilova N.I. (2014). The Social Life of the Citizens of Irkutsk Province in the Second Half of the 19th Century. Irkutsk, Ottisk, 308 p. (In Russ.)
- Goncharov Yu.M. (2018). Economic everyday life of Siberian citizens: family budgets of the second half of the 19th – early 20th century. Ekonomicheskaya istoriya Sibiri XX – nachala XXI veka: sb. statey po materialam V vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiem). Barnaul, pp. 354–367. (In Russ.)
- Goncharov Yu.M. (2014). Essays on the Daily Life of the Citizens of Siberia in the Second Half of the 19th – Early 20th Century. Barnaul, Izd-vo AltGU, 348 p. (In Russ.)

- Goncharov Yu.M. (2018). Kitchen utensils of the citizens of Siberia in the middle of the 19th – early 20th century. *Tobol'sk nauchnyy* – 2018: sb. materialov XV Vserossiyskoy (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchno-prakticheskoy konferentsii. Tobol'sk, pp. 240–245. (In Russ.)
- Kastren M.A. (1999). Works in Two Volumes. Vol. 2: Journey to Siberia (1845–1849). Tyumen', Mandrika, 351 p. (In Russ.)
- Kiselyov A.G., Nielsen P., Krot I.I. (Eds.). (2023). "There is no Oblivion to the Flowers of the Past...": Memoirs of A.M. Randrup and A.M. Rosenplanter. Omsk, Izd-vo OmGPU, 282 p. (In Russ.)
- Kiskidosova T.A. (2012). Daily Life of the Citizens of the Yeniseisk Province in the Second Half of the 19th – Early 20th Century. Abakan, Brigantina, Zhurnalist, 312 p. (In Russ.)
- Komarova T.S. (Ed.). (2016). Memoirs of Ivan Fedorovich Parfentiev (1777–1898): a Manuscript from the Collections of the Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore. Krasnoyarsk, Polikor, 359 p. (In Russ.)
- Komleva E.V. (2016). From the Legacy of the Krasnoyarsk Merchants Larionovs. Iss. 1: Letters of the Late 18th – First Third of the 19th Century. Novosibirsk, Akademizdat, 324 p. (In Russ.)
- Komleva E.V. (2023). "Working Tirelessly Every Day...". Memoirs of the Kyakhta Merchant M.F. Nemchinov (1820–1860s). *Otechestvennye arkhivy*. No. 4, pp. 73–90. (In Russ.)
- Kytmanov A.I. (2016). A brief Chronicle of the Yeniseisk Uyezd and the Turukhansk Region of the Yeniseisk Province. 1594–1893. Krasnoyarsk, SFU, 850 p. (In Russ.)
- Markevich E.I., Ilyinova E.V. (2021). Public catering establishments as the cultural code of Russian society by the example of Moscow of the 16th – 19th centuries. *Filologicheskie i sotsiokul'turnye voprosy nauki i obrazovaniya*: sb. materialov VI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy ochno-zaochnoy konferentsii. Kubanskiy gosudarstvennyy tekhnologicheskii universitet. Krasnodar, pp. 1307–1312. (In Russ.)
- Maslova I.V. (2010). Culture of Everyday Life of the Uyezd Merchants in Russia of the 19th – Early 20th Century: on the Materials of the Vyatka Province. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. No. 3 (11), pp. 16–25. (In Russ.)
- Maslova I.V., Krapotkina I.E., Martynova V.A. (2020). Nutrition as a way of human physical development: historical perspective and current state of the problem. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. No. 6, pp. 104–106. (In Russ.)
- Sharak O.M. (2021). The Story of a Family. The Kolobovnikovs. Ulan-Ude, NovaPrint, 176 p. (In Russ.)
- Shchukin N. (1990). A Trip to Yakutsk. *Zapiski irkutskikh zhiteley*. Irkutsk, pp. 142–254. (In Russ.)
- Shein I.V. (2013). Siberian Ceremonial Table. The 19th – Early 20th Century. Krasnoyarsk, Sitall, 329 p. (In Russ.)
- [Shemelin F.I.] (1816). The Journal of the First Journey of Russians around the Globe, Composed by the Chief Commission Agent of the Russian-American Company under the Highest Patronage of His Imperial Majesty, the Moscow Merchant Fyodor Shemelin. In 2 parts. Part 1. Saint Petersburg, v Meditsinskoy Tipografii, 168 p. (In Russ.)
- Tarasenko T.V. (2021). Siberian ceremonial dinner in the light of language. *Sibirskiy filologicheskii forum*. No. 5 (17), pp. 23–37. (In Russ.)
- Veremenko V.A. (2022). Organization of nutrition in urban noble-intelligent families of Russia in the second half of the XIX – early XX centuries. *Domashnyaya povsednevnost' naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost'*: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Saint Petersburg, pp. 233–239. (In Russ.)
- Veremenko V.A. (2019). Urban cuisine as a social space in the noble and intellectual environment of Russia in the second half of the 19th – early 20th century. *Bylye gody*. Vol. 3, no. 53, pp. 1187–1200. (In Russ.)
- Veremenko V.A. (2018). "Women's kingdom" – the evolution of the organization of catering of urban noble family in Russia in the late XIX – early XX centuries. *Gorozhanki i gorozhane v politicheskikh, ekonomicheskikh i kul'turnykh protsessakh rossiyskoy urbanizatsii XIV–XXI vekov*: materialy Odinnadsatoy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii RAIZHI i IEA RAN. Nizhny Novgorod, pp. 187–189. (In Russ.)
- Zueva E.A., Gavrilova N.I. (2013). The Medvednikovs. *Entsiklopedicheskii slovar' po istorii kupechestva i kommersii Sibiri*: in 2 vols. Novosibirsk, vol. 2, pp. 36–38. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 29.04.2024
Дата рецензирования 13.05.2024
Статья принята к публикации 20.05.2024

DOI: 10.15372/HSS20240205

УДК 93/94+398.1(571.1)

EDN: SMZJVU

Е.В. КОРОЛЕВА

ОБРАЗ ОЙРОТ-КААНА В ИСТОРИЧЕСКИХ ПРЕДАНИЯХ АЛТАЙЦЕВ

Фонд «Сибирский Писатель»,
630083, г. Новосибирск, ул. Грибоедова, 2, офис 11

В статье представлены результаты анализа алтайских фольклорных текстов с участием героя Ойрот-Каана. Установлено, что исторические предания алтайцев описывают историю III Ойратской конфедерации и содержат мессианские мотивы, связанные с ожиданием возвращения Ойрот-Каана и последующим возрождением государства. Определены тексты, описывающие политическое устройство Джунгарии. Выявлены линии передачи преданий, восходящие к политическим противникам (партии Дабачы и Амыр-Саны). Отмечено присутствие мотивов, отражающих Тибетские походы джунгаров. Зафиксировано включение архаичных онтологических мотивов в сюжеты исторических преданий с целью внесения оценочных суждений. Сделан вывод, что образ Ойрот-Каана является сложносоставным, сюжеты с его участием сочетают достоверные исторические реалии и традиционные литературные клише, а также обобщенные представления алтайцев о Джунгарском государстве, в том числе модель идеального будущего.

Ключевые слова: Алтай, алтайские исторические предания, устная история алтайцев, история III Ойратской конфедерации (Джунгарского государства), правитель Джунгарского государства, Ойрот-Каан.

Для цитирования: Королева Е.В. Образ Ойрот-Каана в исторических преданиях алтайцев // Гуманитарные науки в Сибири. 2024. Т. 31, № 2. С. 33–40. DOI: 10.15372/HSS20240205

E.V. KOROLEVA

THE IMAGE OF OIROT-KAAN IN THE CONTEXT
OF THE ALTAI HISTORICAL LEGENDSSiberian Writer Foundation, 11 office,
2, Griboedova str., 630083, Novosibirsk, Russian Federation

The article presents the result of the historical analysis of Altai historical and ontological legends, historical songs and Burkhanist hymns. The main sources used are the bilingual edition of the “Altai folk legends”, carried out by the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, and the collection of Altaic folklore texts by B.Yu. Bedyurov. The author remodels the formation of the folklore image of Oiroot-Kaan, reflecting the ideas of the Altaians about the Zhungar state (III Oirat Confederation), which it symbolizes. The Altaian historical tradition describes the history of the III Oirat Confederation from its creation in 1635 to its collapse in 1658, and contains messianic motifs related to the expected return of Oiroot-Kaan and the subsequent rebirth of the Oiroot Khanate. All the names and epithets of Oiroot-Kaan, such as Kairakhan, Galdan, Kon-Taidi, Konodoi, have been collected and translated from Altai language. The texts describing the political structure of Zhungar state are defined in the article. The lines of transmission of legends belonging to political opponents (Dabachi and Amyr-Sanaa parties) have been revealed. The presence of motifs reflecting the Tibetan campaign of 1717, as well as the earlier ones, is noted. The overlap of folklore images of Tibet and Qing China has been found in the Altai tradition. The inclusion of archaic ontological motifs in the plots of historical legends is recorded in order to make valuable judgments in the narrative. It is concluded that the image of Oiroot-Kaan is complexly composite,

Елена Владимировна Королева – эксперт, переводчик с алтайского языка, Фонд «Сибирский писатель», e.v.koroleva@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2198-2547>.

Elena V. Koroleva – Expert, Translator from Altaian Language, Siberian Writer Foundation.

the plots which include him combine reliable historical realities and traditional literary clichés, as well as generalized ideas of the Altaians about the Oirat Khanate in the past, and a model of an ideal future.

Key words: Altai, Altai historical legends, oral history of the Altaians, history of the III Oirat Confederation (Dzungar state), ruler of the Dzungar state, Oirat-Kaan.

ВВЕДЕНИЕ

В фольклоре современного алтайского народа сохранился корпус исторических преданий, в определенной степени отражающих влияние на национальное самосознание полиэтнического Джунгарского государства¹. Этногенез алтайцев протекал на территории, входившей в состав III Ойратской конфедерации, и под непосредственным влиянием политических событий, связанных с ее становлением и распадом. Вплоть до 1948 г. в рамках Ойротской АО Алтайского края РСФСР коренное население Горного Алтая использовало этноним-политоним «ойрот»².

Л.И. Шерстова выделяет абинско-кумандинскую, телеуто-теленгитскую и саяно-теленгитскую этнокультурные общности ойротского периода, которые приняли участие в этногенезе алтайцев [Шерстова, 2015, с. 145]. Фольклорное наследие алтайцев является ценным историческим источником для изучения традиционных представлений об истории Джунгарского (Ойротского) государства. История изучения алтайского фольклора достаточно подробно освещена в предисловии Н.Р. Ойроткиновой и У.У. Ямаевой к алтайскому тому в серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» [Несказочная проза алтайцев, 2011, с. 11–19], а также в нашей статье [Королева, 2015, с. 34–35].

Представляется актуальным обратить внимание на процесс формирования в алтайских исторических преданиях фольклорного образа правителя Ойротского государства, который носил имена-эпитеты: Ойрот-Каан, Кайракан, Галдан, Конг-Тайды, Конгодой³. Реконструкция образа Ойрот-Каана позволит получить картину представлений алтайцев о прошлом, уточнить оценку исторических событий и ролей их отдельных участников. Источниками служат исторические предания и песни, а также бурханистские гимны, всего около 80 текстов. За основу были взяты билингвальное издание «Несказочная проза алтайцев», осуществленное Институтом филологии СО РАН, и собрание

алтайских фольклорных текстов Б.Я. Бедюрова, в подготовке к переводу и публикации которых автор приняла непосредственное участие [Алтайские исторические предания, 2014; Озогы Тукилер, 2011].

ИСТОРИЧЕСКАЯ ОСНОВА ФОЛЬКЛОРНОГО ОБРАЗА

Прототипами легендарного Ойрот-Каана послужили джунгарские правители Галдан Бошокту Каан (годы правления (г.п.) 1671–1697), Цэван-Рабдан (г.п. 1697–1727), Галдан-Цэрэн (г.п. 1727–1745), сын Цэван-Рабдана Лобсанг-Шуну (годы жизни ок. 1698–1732), а также соперники в борьбе за престол Дабагы (г.п. 1752–1755) и Амыр-Санаа (умер в 1757 г.)⁴. Поступки всех этих героев включены в канву алтайской народной литературной традиции, претерпев этапы стилизации и художественной переработки.

Алтайские исторические предания описывают события на протяжении всей истории государства Тербен Ойрот – III Ойратской конфедерации (1635–1758):

– принятие буддизма и гонение на шаманов (1640-е гг.);

– Тибетские походы и связанные с ними политические интриги (собираательные образы походов ойратских Гуши Хана и Эрдени-Батура Хунтайджи 1630–1640 гг., а также Тибетского похода Цэван-Рабдана в 1717 г.);

– конфликт Цэван-Рабдана и Шуну-Батора в 1720–1730-х гг.;

– гражданская война 1745–1754 гг. на фоне конфликта между наследниками Галдан-Цэрена (Адьяном и Ламой Доржи), а также претендентами Амыр-Саной и Дабагы;

– маньчжурская (Цинская) интервенция 1755–1759 гг., окончательный распад Ойротского государства и вхождение алтайцев в состав Российской империи (1756 г., 1776 г.).

Согласно исследованиям В.И. Вербицкого, исторические предания и песни алтайцев уже в XIX в. содержали мессианские ожидания возвращения Ойрот-Каана и возрождения ойротской государственности в будущем, а также сопутствующие признаки конца прежнего временного цикла [Вербицкий, 1893, с. 113–120]. По свидетельству А.Г. Данилина, такие мотивы легли в основу бурханистского фольклора после 1904 г. [Данилин, 1993, с. 59–75].

В алтайском фольклоре образ ойротского правителя не только воплощает ряд исторических персонажей, но и является обобщенным символом государ-

¹ Джунгарское (Зюнгорское от монг. *зүүн гар*) ханство – в отечественной литературе III Ойратская конфедерация, куда помимо олетов, торгоутов, дербетов, хошутов входили тюркоязычные народы, включая кан-каракольских калмыков – предков алтайцев; в алтайской фольклорной традиции это государство Тербен Ойрот (т.е. Четыре Ойрота).

² Алтайский политоним «ойрот» тождествен общепринятому в литературе этнониму «ойрат», здесь и далее мы употребляем алтайское написание.

³ *Кайракан* или *Кайраканнанг каан* – Каан, имеющий божественных предков; *Галдан* (*Калдан*) – личное имя двух правителей из династии чорос, ставшее нарицательным; *Конг-Тайды* (*Конг-Тайшы*, *Хунтайджи*) – верховный вершитель правосудия, ойротский титул правителя, *Конгодой* – верховный, сокращенный титул.

⁴ Подробно о биографии правителей и членов их семей см.: [Златкин, 1983, с. 159, 214, 235, 282; Тулохонов, 1973, с. 147; Моисеев, 1983, с. 64, 86].

ственной власти, а также фигурой космогонического порядка. Ойрот-Каан – это символ единства и неизбылемости *Тербен Ойрот*, центральный и верховный владыка четырех сторон света *Терт Айас*, хранитель закона и веры *Дьянг*, *Кайраканнаг Каан* – Государь, имеющий божественных предков, чья ставка ассоциирована с центром мироздания на мифологической карте и занимает срединное положение между землями владык четырех сторон света [Королева, 2015, с. 34–40]. Это онтологический хранитель равновесия, позиция которого не должна пустовать и может быть предметом соперничества. Подобные представления опираются на традиционные тюрко-монгольские политические практики и идеологические концепты [Дробышев, 2021, с. 19–30]. Космогоническая составляющая фольклорного образа ойротского государства объясняет стремление современников обозначить *четыре* компоненты конфедерации [Китинов, 2016, с. 54], в то время как народов-участников было намного больше.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО ДЖУНГАРИИ В КОНТЕКСТЕ ПРЕДАНИЙ

Ойротское государство в алтайских преданиях представлено как преемник Золотой Орды. Ойрот-Каан наделен эпитетом *камык калыкты* (многими народами владующий), объявлен потомком Чингисхана, а значит, наследником прав и регалий верховной власти в отношении всех народов Улу Орды [Озоги Туукилер, 2011, с. 128]. Достоверность народной оценки имперских политических амбиций ойротских правителей прослеживается в истории конфедерации, начиная с правления Галдана-Бошокту⁵. Претензии правящей ойротской династии чорос на политическое наследие Чингисхана в отсутствие прямой кровно-родственной связи с легендарным правителем стали одной из причин альянса с тибетской школой гелугпа, которая обеспечила идеологическое обоснование права на власть взамен на активную военную помощь в политической внутритибетской борьбе. Таким образом ойротская династия чорос получила в союзе с Далай-Ламой буддийскую альтернативу чингизидской легитимации [Китинов, 2020, с. 7–8, 39–41] и обрела царственных предков Кайраканов в лице буддийских «благих правителей прошлого».

Алтайская традиция подчеркивает имперскую природу Ойротского государства посредством описания равноправных взаимоотношений с Цинским Китаем и Россией. Дипломатические союзы в контексте преданий устанавливаются путем династических браков. Так, предание о Шуну-Баатыре в версии Табара Чачиякова повествует о *браке* сестры героя Эрке-Шуру и сына Цинского императора Эдьен-Каана. Изначально местом жительства молодых стало государство Эдьен-Каана, однако после ссоры на пиру со сватом Калдан-

Ойрот (каан) просит Шуну вернуть дочь и зятя в ойротский улус. Шуну удовлетворяет просьбу отца, что приводит к эскалации конфликта между двумя государствами [Несказочная проза алтайцев, 2011, с. 317–321]. Исторической основой этой фольклорной истории мог быть брак дочери Цэван-Рабдана и сына светского правителя (гьялпо) Тибета – прямого потомка хошутского Гуши-хана Лхавзана (1658–1717). Сопровождение зятя в Тибет стало предлогом для джунгарского вторжения 1717 г. [Китинов, 2018, с. 23–24].

В версии Тырмая Торбокова отъезду Шуну к калмыцкому хану Аюке предшествует *неудачное сватовство* к дочери Эдьен-Каана [Озоги Туукилер, 2011, с. 87, 120–121]. При этом установление союзнических отношений с российским государем в преданиях трактуют как *удачное сватовство* Шуну к русской императрице Бала-Каан либо *обряд братания* с Ак-Кааном [Несказочная проза алтайцев, 2011, с. 335, 502; Озоги Туукилер, 2011, с. 90, 102–104, 122–124]. Таким образом, предания фиксируют внешнеполитические ориентиры ойротских правителей через описание реальных и вымышленных семейных союзов.

Федеративное устройство государства иллюстрируется мотивом «кааны платят алман». Например, герой предания Шал-Кайракан в самозаписи Г.М. Токмашева «вывел из войны шестьдесят тюменов теленгитов», а затем стал платить подати «своему каану-бию» [Несказочная проза алтайцев, 2011, с. 350–351]. Историческим прототипом героя мог быть князь телеутов Шал, сын Табына [Уманский, 1980, с. 165]. Имеется в виду прекращение войны и заключение военного союза с принятием на себя фискальных обязательств и сохранением независимости внутреннего управления. Позиция верховного правителя в таком союзе может быть оспорена военным путем, что иллюстрирует мотив «битвы со змеем Опо» в преданиях о Шуну-батаре [Несказочная проза алтайцев, 2011, с. 336–337]. Так, в версии Тырмая Торбокова Шуну, побеждая, приводит к присяге *черт* Змея Опо и его народ, таким образом разрешая конфликт в пользу государя-союзника Ак-Каана [Озоги Туукилер, 2011, с. 91].

Высокая степень политической автономии зайсанов в пылу раздора между Дабачы и Амыр-Саной, зафиксированная преданиями, иллюстрирует *распределенную структуру* управления [Озоги Туукилер, 2011, с. 132, 137–138, 152]. Фольклорные сведения в данном случае могут быть соотнесены с письменными источниками, использованными В.А. Моисеевым [Моисеев, 1983, с. 55, 73, 75, 79] и Л.И. Шерстовой [Шерстова, 2005, с. 84–86]. Так, в предании «Сын Эзена – Эр Чадак» возникает мотив о самостоятельном политическом выборе зайсанов, которые отклоняют претензии цинского представителя Эр-Чадака и оказывают ему вооруженное сопротивление, избрав в качестве легитимного наследника Дабачы, а не Амыр-Сану [Несказочная проза, 2011, с. 345–349].

⁵ Подробнее об этом см.: [Златкин, 1983, с. 209–210].

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ ДЖУНГАРИИ С ЦИНСКИМ КИТАЕМ В ТИБЕТЕ

Образ Цинского Китая (улуса Эдьен-Боодо) в алтайских исторических преданиях нередко сливается с образом Тибета (Тангыт-Тюбют). В цикле преданий о Шуну-Бааторе повествуется о походе героя в страну, где народ непрестанно молится и чудесным образом возрождаются земля и посевы на ней [Озоги Туукилер, 2011, с. 105–107, 115; Несказочная проза алтайцев, 2011, с. 297–299]. Табар Чачияков называет ее страной Эдьен-Боодо, Тырмай Торбоков – Тангыт Тюбют. В версии Тырмая Торбокова, странствуя, Шуну попадает на побережье Белого моря, где у подножия Белой горы живет благочестивый народ. Герой вступает в схватку с богатырем Алдай-Мергеном с родинкой промеж глаз, но опутанный чарами отступает. Позднее с помощью *алтын-судур* (Золотой сутры) Шуну узнает, что боролся со своим дядей и духовным наставником, из-за чего не может вернуться на родину [Озоги Туукилер, 2011, с. 88–90].

В версии Табара Чачиякова поход Шуну в благословенную страну Эдьен-Боодо по поручению Ойрот-Каана заканчивается проклятием героя со стороны слепого монаха-отшельника и последующим изгнанием [Несказочная проза алтайцев, 2011, с. 297–303]. Исторический Лобзанг-Шуну, сын Цэван-Рабдана, по возрасту и статусу мог принимать участие в военном вторжении джунгаров в Тибет в 1717 г. [Королева, 2018, с. 59–60]. Равным образом участие героя в Тибетском походе может быть элементом персонификации политики Ойротского государства. При этом мотив схватки с *бурханом* (буддийской статуей) имеет аналогии и в других фольклорных текстах. Например, в Аноском сборнике Г.Н. Потанина и Н.Я. Никифорова в сказании Маадай-Кара, записанном от Чолтоша [Никифоров, 1915, с. 105–106] и в собрании Г.П. Потанина в предании под № 127, записанном от Джамцина в местности Баргу-Солон [Потанин, 2005, с. 410–411].

Наложение фольклорных образов Тибета и Цинского Китая не случайное: исторически интересы чороской династии ойротов и Цинской династии маньчжуров пересеклись в Тибете. Если для правителей Джунгарии буддийская идеология стала альтернативой чингизидству, то для маньчжурских правителей – обоснованием права владения Китаем после захвата Пекина в 1644 г. Обе династии претендовали на возрождение империи Юань, обе поддерживали школу гелукпа⁶. Получив контроль над Тибетом после успешного завоевания в 1720 г., Цинская династия использовала его как инструмент для вмешательства во внутривосточные процессы в Джунгарии и Калмыцком ханстве [Китинов, 2018, с. 24]. Усилия цинской дипломатии были направлены на изоляцию Джунгарии от остальных ойротских народов на фоне обвинений в нападении на Тибет [Китинов, 2020, с. 8–9]. В качестве аргумента против чороской династии маньчжуров ис-

пользовали обвинения в «религиозной нечистоте» [Китинов, 2018, с. 22].

Цинские дипломатические интриги нашли свое образное отражение в алтайских исторических преданиях. В большинстве версий преданий о Шуну именно Эдьен-Боодо Каан⁷ выступает в роли источника посланий в ставку Ойрот-Каана с загадками [Озоги Туукилер, 2011, с. 83–85, 95–97, 116–118; Несказочная проза алтайцев, 2011, с. 321–323]. Цель посланий с загадками – установить, жив или мертв ранее заключенный отцом в темницу Шуну-Батор. В зависимости от исхода проверки Эдьен-Боодо ставит решение о нападении на улус Ойрот-Каана. Поскольку проверка проходит успешно, нападение откладывается, однако последующее изгнание Шуну развязывает противнику руки. Соперничая в мудрости между собой, Эдьен-Боодо и Шуну используют *алтын-судур* для того, чтобы узнать будущее, действуя в рамках буддийской религиозной системы [Несказочная проза алтайцев, 2011, с. 318–319, 322–323]. Причиной заключения героя преданий Шуну, последующего изгнания из земель Ойрот-Каана, равно как и отъезда из улуса родного дяди – калмыцкого Аюки-Каана, становится обвинения в «нечестивом» поведении [Несказочная проза алтайцев, 2011, с. 320–321; Озоги Туукилер, 2011, с. 79; Тулохонов, 1973, с. 166]. Фактической причиной отъезда Лобзанга Шуну в Калмыкию и последующего принятия российского подданства стал конфликт из-за престолонаследия с братом Галдан-Цэрэном. Известно, что маньчжурские посланцы неоднократно, но без успеха взаимодействовали с Шуну, пытаясь принудить его покинуть стан Аюки и начать вооруженный конфликт с братом [Тулохонов, 1973, с. 154–155].

ЛИТЕРАТУРНЫЕ КЛИШЕ В ИСТОРИЧЕСКИХ ПРЕДАНИЯХ

Причиной падения Ойротского государства, с точки зрения алтайской фольклорной традиции, стал конфликт четырех братьев из-за престолонаследия. Этот сюжет присутствует в исторических преданиях о Шуну-Баторе в записях В. В. Радлова [Радлов, 2006, с. 250–252] и Б.Я. Бедюрова [Озоги Туукилер, 2011, с. 79–82], в частности в версии Айылдаша Анатова [Озоги Туукилер, 2011, с. 130]. Имена братьев у Радлова – Амыр-Санаа, Темир-Санаа, Галдан-Черю и младший Шуну; в версии Анатова – Шуну, Адыан, Амыр-Сана и Табачы. В результате соперничества старшие братья оговаривают младшего Шуну, после чего Ойрот-Каан подвергает его ритуальному членовредительству и заключает в подземелье. Напротив, в версиях из собрания Г.Н. Потанина [Потанин, 2005, с. 309–310], а также в версиях Убая Сарикова, Табара Чачиякова [Несказочная проза алтайцев, 2011, с. 296–317, 316–339], Тырмая Торбокова [Озоги Туукилер, 2011, с. 82–92] в качестве героев семейной драмы фигурируют два брата – Шуну и Се-

⁶ Об этом см.: [Китинов, 2020, с. 38; Китинов, Лю Цян, 2018, с. 80].

⁷ В версии Убая Сарикова загадки загадывает Тон-Суур Каан с той же целью [Озоги Туукилер, 2011, с. 109; Несказочная проза алтайцев, 2011, с. 305].

рен-Галда (или Амыр-Санаа), сестра Эрке-Шуру и отец Ойрот-Каан. Здесь также присутствуют мотивы обвинения, суда и заключения в подземную тюрьму-преисподнюю *дьер таамы*, но нет мотива сговора старших братьев⁸. Историческими героями являются Шуну, его брат и соперник Галдан-Цэрэн, сын последнего Адьян (г.п. 1746–1749), его старший брат Лама-Дорджи, который пал жертвой союза Дабычи и Амыр-Саны, родственников, но не прямых наследников Галдана [Златкин, 1983, с. 282]. У Шуну было, как минимум, три родные сестры, которых казнили по приказу Галдан-Цэрэна после его воцарения.

История сохранила множество свидетельств о конфликте Шуну и Галдан-Цэрэна, а также об опале Шуну, причиной которой вполне мог быть оговор. Откуда взялись остальные братья? Возможно, конфликт из-за престолонаследия, который в действительности стал одной из причин гибели Ойротского государства, осмысливался рассказчиками буквально как конфликт *четырех ойротов*. Однако структура сюжета, включающая цепочку взаимосвязанных мотивов (конфликт, оговор, суд и низвержение в подземелье несправедливо обвиненного брата), неизбежно вызывает ассоциации с онтологическим мифом, зафиксированным у алтайцев в различных вариантах и описывающим ту же коллизию.

Собрание «Несказочная проза алтайцев» включает 10 версий онтологической легенды о сотворении земли и человека [Несказочная проза алтайцев, 2011, с. 49–101], которые содержат миф о ныряльщике [Березкин, 2016, с. 22–24]. В версиях №3, 6, 9, записанных соответственно от Э.Т. Тадыкиной (Экинур), Б.И. Марчина (Шибее), П.Е. Ойношева (Беш-Озек), присутствует мотив конфликта четырех братьев Уч Курбустанов и Эрлика, сыновей верховного Бога Кудая. В результате конфликта извлекающий землю из водной глади и принимающий самое активное участие в сотворении мира Эрлик оказывается низвергнут в преисподнюю, где нет ни солнца, ни луны. В версиях № 6 и 9 Эрлик назван младшим братом. Специфика третьей версии в том, что здесь присутствует мотив нечестного спора, в котором проигрывает Эрлик. В версии № 6 присутствует описание суда над Эрликом в стилистике ойротского периода, а также сообщение о временном характере подземного заключения героя. В версии № 2, записанной от Ч. Малчиева (Малый Яломан), речь идет о конфликте семи братьев, ныряльщик Эрлик – младший среди них. Версия № 8, записанная от С.С. Тагизова (Эдербес) содержит мотив конфликта братьев Ульгена и Эрлика и безымянного нечестивого племянника. В версиях № 1, 4, 10, записанных соответственно В.В. Радловым, от Д.К. Сунюшева (Сугаш), от Ч. Малчиева (Малый Яломан), речь идет о конфликте между отцом Кудаем (Бурханом) и сыном Эрликом.

Вероятно, народные рассказчики использовали клише онтологического мифа, включая мотивы «конфликт четырех братьев» и «конфликт отца и сына», для конструирования сюжета о конфликте Шуну и Цэван-Рабдана (с подачи Галдан-Цэрэна), давая таким образом оценку этим историческим персонажам. Так Шуну оказывается на месте несправедливо осужденного героя, а Галдан-Цэрэн – на месте брата, который жгульничал.

ПОЛИФОНΙΑ ВЕРСИЙ В АЛТАЙСКОЙ ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИИ

В большинстве алтайских исторических преданий Ойрот-Каан представлен как «законный правитель», однако существует текст, в котором Ойрот-Каан выступает как пришлый антагонист. Эта история записана на диалекте *туба-кижи*⁹ в с. Яйлю от А.К. Туймешева [Несказочная проза алтайцев, 2011, с. 341–345]. Предки рассказчика, по-видимому, являлись кыштымами енисейских кыргызов, которые в 1680-х гг. приняли участие в столкновении войск Ойрот-Каана и енисейского правителя Иренека (*алт.* Ярынака) на берегу Телецкого озера, о чем повествует предание [Шерстова, 2005, с. 84; 2017, с. 28, 64].

Важно обратить внимание и на предания о гражданской войне 1745–1750-х гг., поскольку в них выступает проблема демаркации «своих» и «чужих» [Королева, 2018, с. 63–64] и связанная с этим проблема определения прототипа последнего правителя. Кого считать последним Ойрот-Кааном и чей исход оплакивают авторы преданий? Галдан-Цэрэна, правившего долго? Его сыновей Адьяна или Ламу-Дорджи? Или претендентов Дабагы и Амыр-Сану? Все они провозглашали себя государями, но пали один за другим в пылу междоусобной войны и цинской интервенции.

Разные предания по-своему отвечают на этот вопрос. В цикле легенд о Шуну под именами Ойрот-Каан/Конгодой скрывается отец героя Цэван-Рабдан, реже брат Галдан-Цэрэн. Последний, как правило, играет роль активного противника, что соответствует исторической действительности. В цикле преданий о разорении Алтая под именем Ойрот-Каана может скрываться как Галдан-Цэрэн, так и оба соперника – дядя и племянник Дабагы и Амыр-Санаа. Когда первый алтайский писатель Михаил Чевалков повествует об ойротском каане, который «бежал, отбыв в земли Кункер-Каана» [Озоги Туукилер, 2011, с. 129; Алтайские исторические предания, 2011, с. 61], он имеет в виду Дабагы. Потерпев поражение от союза Амыр-Саны и Цинской империи, Дабагы тщетно пытался найти укрытие у правителя Уч-Турфана хаджи Себека¹⁰, который аллегорически назван *Кункер-Кааном* – ханом Запада.

Вероятно, Амыр-Санаа, произносил эти горькие слова перед переходом российской границы, пол-

⁸ Подробно о семейно-родственных связях героев алтайских преданий см.: [Королева, 2015, с. 44]. Реконструкция биографии Шуну выполнена М.И. Тулохоновым [Тулохонов, 1973, с. 137–169].

⁹ Северно-алтайская этническая группа, в 2000 г. включена в Перечень коренных малочисленных народов России.

¹⁰ Подробнее об этом см.: [Моисеев, 1983, с. 65].

ностью сознавая невозможность возврата: «Когда верхушка черного тальника взрастет до небес, когда хвост вороного коня до задних копыт опустится, вот тогда я вернусь» [Озогы Туукилер, 2011, с. 125]. Амыр-Сане по характеру и стилю жизни могли принадлежать и эти грозные слова: «Если приду со стороны заката солнца – мягко пройду. Если приду со стороны восхода – у мужчин отрезая кончик большого пальца, пройду, у женщины срезая кончик груди, пройду» [Озогы Туукилер, 2011, с. 125]. Алтайская традиция зафиксировала неоднозначное отношение к Амыр-Сане его современников, поскольку сохранила предания линии передачи сторонников Дабачы. Это тексты № 145, 146 из собрания «Несказочная проза алтайцев», записанные от Ш. Кокпоева и А.К. Туймешева, а также предание из собрания В.И. Вербицкого [Озогы Туукилер, 2011, с. 131–132], где Амыр-Санаа предстает в качестве антагониста.

МЕССИАНСКАЯ ФИГУРА АЛТАЙСКИХ ПРЕДАНИЙ

Для алтайского исторического фольклора характерно наличие мессианской фигуры, Ойрот-Каана, который вернется¹¹ для того, чтобы возродить ойротскую государственность. Это Эр-Шуну из рода чорос¹², именуемый *бурхан укту батыр киж* (божественного рода богатырь-человек) и *Кайракан-нанг каан* [Несказочная проза алтайцев, 2011, с. 310; Королева, 2015, с. 40]. Подобно шаманскому дару божественная природа требует становления и инициации, возможно, традиция подобного описания героев восходит к периоду, когда функции *каана* и *кама* были совмещены, как у ойротского Хубуха Беки [Китинов, 2016, с. 52]. Легендарный Шуну-Баатыр заслужил при жизни славу и любовь народа [Озогы туукилер, 2011, с. 82], однако взойти на престол «потомку Хормусту» не удалось [Тулохонов, 2011, с. 166]. Согласно преданию проклятие Эдьен-Каана, слепого старца, дяди-наставника или собственного отца не позволило герою обрести полную силу и стать государем. Срок исполнения предназначения героя традиция переносит в будущее, в новый временной цикл *чак*¹³, когда Ойротское государство возродится. Вернуться через семь поколений обещает и лама Боор¹⁴, не для того ли, чтобы стать наставником будущего *каана*?

В бурханистских песнях [Озогы Туукилер, 2011, с. 68–77], а также в финале большинства преданий о Шуну встречается мотив грядущего воплощения ку-

*булгазын киж*¹⁵ [Озогы Туукилер, 2011, с. 104] после завершения текущего временного цикла *чак* или *ка-лап*. Подробно обстоятельства и приметы завершения цикла описаны и наполнены буддийской символикой в предсказаниях ламы Боора [Озогы Туукилер, 2011, с. 158]. Провидец повествует о наступлении «*Боро Тююки, калганчы чак*» – «Волчьем веке, последнем сроке», когда в страшной войне вся поверхность земли сгорит дотла, а затем все живые существа возродятся [Озогы туукилер, 2011, с. 188]. Далее упоминается о разгуле стихий, измельчании народа и сокращении продолжительности жизни. В буддийской традиционной космогонии продолжительность жизненного цикла напрямую связана с размерами тела живого существа. Конец калпы сопровождается нарушением равновесия стихий и катастрофами [Ермакова, Островская, 2009, с. 124–131]. Но как бы ни был страшен *Боро Тююки*, затем снова наступит *амыр* – мир и покой [Несказочная проза алтайцев, 2011, с. 360].

Боро Тююки – не случайное наименование для периода бедствий. Волк – традиционная поэтическая метафора военной угрозы. В контексте алтайской литературной традиции Волчий век может завершиться лишь возвращением праведного государя, появлением золотой кукушки *алтын кююк* на священном дереве *Бай-Терек*, восстановлением государства Тербен Ойрот с его храмами *сюме* и геральдическими атрибутами после победы в решающем сражении в междуречье Бии и Катунь [Озогы Туукилер, 2011, с. 68–77, 190].

Таким образом, Ойрот-Кааном будущего становится герой, прототип которого имел право на престол, но так и не унаследовал его. При этом вхождение в состав России осмысливается традицией как результат договора Шуну и российского императора, заключенного на период до его возвращения. Можно уверенно утверждать, что тексты алтайских преданий в начале XX в. подверглись переработке бурханистами, которые провозгласили мессию Шуну. В настоящее время Шуну – это не столько исторический персонаж, сколько религиозный символ, фокусирующий представления алтайцев об их национальной идентичности – в будущем алтайского народа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ойрот-Каан – собирательный образ исторических преданий алтайцев, аккумулирующий представления народа об истории Джунгарского государства. Впервые это утверждение было сформулировано в диссертации и затем развито в монографии Л.И. Шерстовой [Шерстова, 1985, с. 6–10; 2010, с. 192–194, 204]. Этот фольклорный персонаж имеет исторические прототипы и воплощает традиционные представления о верховной власти и сакральной роли правителя как фигуры онтологического порядка

¹¹ Возвращаться/воплощаться – *айлан* и *кубул* алт. (отсюда *ку-булган*).

¹² Ожидание мессии из рода чорос объясняет особое внимание к исторической фигуре Г.И. Чорос-Гуркина.

¹³ *Чак* алт. (*цаг* монг.) – цикл, срок; термин употребляется в преданиях о крушении Ойротского государства и оттого приобрел в современном алтайском языке негативную коннотацию наряду со словом *калап* (от санскр. *кальпа*).

¹⁴ Сообщение Таныша Бардина из рода кара-майман, 1919 г.р., архив автора.

¹⁵ *Кубулган*, *кубулгазын киж* алт. (монг. *Хубилган*) – эпитет Шуну, в буддийской философии – высокий дух, способный многократно воплощаться по собственному желанию из сострадания к живущим.

ка. На пути от исторических реалий к фольклорному персонажу образ правителя Джунгарии подвергался художественной обработке. Выбор традиционных сюжетов для конструирования повествования отражает оценку, которую алтайский народ давал конкретным историческим героям и событиям. Процесс превращения представителей правящей династии *чорос* в собирательный фольклорный образ Ойрот-Каана облегчала исходная символическая составляющая роли правителя, характерная для менталитета тюрко-монгольских народов.

Алтайская фольклорная традиция допускает различные трактовки образа Ойрот-Каана и связанных с ним исторических событий, поскольку включает линии передачи преданий, восходящие к представителям разных этнических групп ойротского периода и к политическим противникам. Полифония культурной памяти и ее внутреннее семантическое единство позволяют нам, используя термин М.Ю. Лотмана, говорить о наличии «диалектов памяти» [Лотман, 1992, с. 200] в алтайской фольклорной традиции. Образ правителя Джунгарии является актуальным элементом этнического самосознания, позволяет охарактеризовать представления алтайцев о прошлом, восприятие исторических событий, личностей и ожидаемые сценарии будущего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алтайские исторические предания Ойротской эпохи: XVII–XIX вв. / гл. ред. и сост. Б.Я. Бедюров; пер. Е.В. Королевой. Новосибирск: Гео, 2014. 205 с.

Березкин Ю.А. Результаты обработки данных о распространении фольклорно-мифологических мотивов в Северной Азии (южноазиатские и американские связи) // Языки и фольклор коренных народов Сибири, 2016. № 2(31). С. 21–32.

Вербицкий И.В. Алтайские инородцы. Сборник этнографических статей и исследований алтайского миссионера, протоиерея В.И. Вербицкого / под ред. А.А. Ивановского. М.: Т-во Скоропечатни А.А. Левенсон, 1893. 221 с.

Данилин А.Г. Бурханизм. Из истории национально-освободительного движения. Горно-Алтайск: Изд-во Ак-Чечек, 1993. 208 с.

Дробышев Ю.И. Отражение монгольских имперских идей в средневековых сирийских источниках // Восток (Oriens). 2021. № 1. С. 19–30.

Ермакова Т.В. Островская Е.П. Классический буддизм. СПб.: Азбука-Классика; Петербургское Востоковедение, 2009. 256 с.

Златкин И.Я. История Джунгарского ханства: 1635–1758. Издание второе. М.: Наука, 1983. 334 с.

Китинов Б.У. К вопросу о составе ранних ойратов // Вестн. РУДН. Сер.: Всеобщая история, 2016. № 3. С. 52–57.

Китинов Б.У. Тибетский контекст в хошутско-цинских отношениях: от равенства к подчинению // Вестн. Калм. ин-та гуманитар. иссл. РАН, 2018а. Т. 36, № 2. С. 20–28.

Китинов Б.У. Лю Цян. К вопросу о раннем взаимодействии маньчжурских правителей и тибетских лам // Вестн. РУДН. Сер.: Всеобщая история, 2018б. Т. 10, № 1. С. 79–85.

Китинов Б.У. Буддийский фактор в политической и этнической истории ойратов (середина XV в. – 1771 г.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2020. 53 с.

Королева Е.В. Алтайские исторические легенды и предания на рубеже XX–XXI веков: среда бытования и специфика воспроизводства фольклорных текстов // Языки и фольклор коренных народов Сибири, 2015. №1(28). С. 34–40.

Королева Е.В. «Зоны умолчания» алтайских исторических преданий: генезис и эволюция во времени // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2018. № 1 (35). С. 58–65.

Лотман М.Ю. Память в культурологическом освещении // Лотман М.Ю. Избранные статьи. Таллин: Александра, 1992. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. С. 200–202.

Моисеев В.А. Цинская империя и народы Саяно-Алтая в XVIII в. М.: Наука, 1983. 149 с.

Несказочная проза алтайцев. / сост. Н.Р. Ойроткинова, И.Б. Шинжин, К.В. Яданова, Е.Е. Ямаева. Новосибирск: Наука, 2011. 576 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока, т. 30).

Никифоров Н.Я. Аноосский сборник. Собрание сказок алтайцев с примечаниями Г.Н. Потанина. Омск: Тип. штаба Омск. воен. окр., 1915. 293 с.

Озогы Туукилер. Алтайские легенды и предания ойротской и царской эпох. Горно-Алтайск: Алтан-Туу, 2011. 424 с.

Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Изд. 2-е. Репринт. воспроизвед. изд. 1883 г. Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 2005. 1025 с.

Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи. Изд. 2-е, испр. Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 2006. 496 с.

Тулохонов М.И. Бурятские исторические песни. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1973. 245 с.

Уманский А.П. Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. Новосибирск: Наука, 1980. 296 с.

Шерстова Л.И. История формирования этноконфессиональной общности: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1985. 16 с.

Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. 312 с.

Шерстова Л.И. Бурханизм – истоки этноса и религии. Томск: ТГУ, 2010. 285 с.

Шерстова Л.И. Этнокультурные общности Горного Алтая в XVII–XVIII вв.: этническая идентичность в историческом контексте // Вестн. Том. гос. ун-та, 2015. № 395. С. 142–146.

Шерстова Л.И. Аборигенная политика России и этнополитические процессы в Сибири: конец XIX – начало XX в. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2017. 252 с.

REFERENCES

Bedyurov B.Ya. (ed., comp.). (2014). Altai historical legends of Oirats state period. Novosibirsk, Geo, 205 p. (In Russ.)

Berezkin Yu.A. (2016). Results of processing the data on the areal distribution of folkloric and mythological motifs in North Asia (South Asian and American links). *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri*, no. 2, pp. 21–32. (In Russ.)

Danilin A.G. (1993). Burkhanism: from the history of the national liberation movement in Gorny Altai. Gorno-Altaysk, Ak Chechek, 206 p. (In Russ.)

Drobyshev Yu.I. (2021). Reflection of Mongolian imperial ideas in medieval Syrian sources. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'*, no. 1, pp. 19–30. (In Russ.)

Ermakova T.V. Ostrovskaya E.P. (2009). Classical Buddhism. Saint Petersburg, Azbuka-klassika, Peterburg. vostokovedenie, 252 p. (In Russ.)

Kitinov B.U. (2016). On the issue of the composition of the earliest Oirats. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Vseobshchaya istoriya*, no. 3, p. 52–57. (In Russ.)

Kitinov B.U. (2020). The Buddhist factor in the political and ethnic history of the Oirats (mid-15th century – 1771): Dr. hist. sci. diss. abstr. Moscow, 53 p. (In Russ.)

Kitinov B.U. (2018). The Tibetan context in Khoshut-Qing relations: from equality to subordination. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*, vol. 11, no. 2, pp. 20–28. (In Russ.)

- Kitinov B.U. Liu Qiang (2018). On the issue of the early interaction between Manchu rulers and Tibetan lamas. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Vseobshchaya istoriya*, vol. 10, no. 1, pp. 79–85. (In Russ.)
- Koroleva E.V. (2015). Altai historical legends at the turn of the 20th–21st centuries: the environment and peculiarities of the reproduction of folklore texts. *Yazyki i fol'klor korenykh narodov Sibiri*, no. 1, pp. 34–40. (In Russ.)
- Koroleva E.V. (2018). “Zones of silence” in the Altai historical legends: genesis and evolution in time. *Yazyki i fol'klor korenykh narodov Sibiri*, no. 1, dd. 58–65. (In Russ.)
- Lotman Yu.M. (1992). Memory in cultural coverage. *Izbrannye stat'i*. Tallinn, vol. 1, pp. 200–202. (In Russ.)
- Moiseev V.A. (1983). The Qing Empire and the peoples of Altai-Sayan in the 18th century. Moscow, Nauka, 149 p. (In Russ.)
- Nikiforov N.Ya. (1915). Anos collection : a collection of Altai fairy tales. Omsk, Tip. Shtaba Om. voen. okr., 293, XIV p. (In Russ.)
- Oynotkinova N.R. [et al.] (comps.). (2011). Altai non-fabulous prose. Novosibirsk, Nauka, 576 p. (In Altaian and Russ.)
- Ozogy Tuukiler. (2011). Altai legends and stories of the Oirot and Tsarist periods. Gorno-Altaysk, Altan-Tuu, 424 p. (In Altaian)
- Potanin G.N. (1883). Essays on Northwestern Mongolia: the results of a travel carried out in 1879 on behalf of the Imperial Russ. Geogr. Soc. by its member G.N. Potanin. Vol. 4. Ethnographic materials. Saint Petersburg, Tip. V. Kirshbauma, 1026 p. (In Russ.)
- Radlov V.V. (comp.). (2006). Samples of folk literature of Turkic tribes living in Southern Siberia and Dzungarian steppe. [P. 1]. Repr. ed. 2nd ed., rev. Gorno-Altaysk, Ak Chechek, 494 p. (In Russ.)
- Sherstova L.I. (1985). The Altai-kizhi in the late 19th – early 20th centuries: the history of the formation of an ethno-confessional community: Cand. hist. sci. diss. abstr. Leningrad, 20 p. (In Russ.)
- Sherstova L.I. (2005). Turks and Russians in Southern Siberia: ethnopolitical processes and ethnocultural dynamics in the 17th – early 20th centuries. Novosibirsk, Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN, 311 p. (In Russ.)
- Sherstova L.I. (2010). Burkhanism – the origins of ethnicity and religion. Tomsk, Tom. gos. un-t, 285 p. (In Russ.)
- Sherstova L.I. (2015). Ethnocultural communities of Gorny Altai in the 17th–18th centuries: ethnic identity in a historical context. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 395, pp. 142–146. (In Russ.)
- Sherstova L.I. (2017). The aboriginal policy of Russia and ethnopolitical processes in Siberia: late 16th – early 20th centuries: textbook. Tomsk, Izd-vo Tom. un-ta, 252 p. (In Russ.)
- Tulokhonov M.I. (1973). The Buryat historical folk songs. Ulan-Ude, Buryat. kn. izd-vo, 244 p. (In Russ.)
- Umansky A.P. (1980). Teleutes and Russians in the 17th–18th centuries. Novosibirsk, Nauka, Sib. otd-nie, 296 p. (In Russ.)
- Verbitsky V.I. (1893). Altai aliens: coll. of ethnogr. art. and studies by the Altai missionary, Archpriest V.I. Verbitsky. Moscow, Skoropech. A.A. Levenson, XIV, 221 p. (In Russ.)
- Zlatkin I.Ya. (1983). The history of Dzhungar khanate, 1635–1758. 2nd ed. Moscow, Nauka, 332 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 16.02.2024

Дата рецензирования 28.02.2024

Статья принята к публикации 11.03.2024

DOI: 10.15372/HSS20240206

УДК 94+913(571.1)"196"

EDN: SLLTBF

Т.К. ЩЕГЛОВА

ИССЛЕДОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И МЕТОДЫ ПОЛЕВОЙ РАБОТЫ ВОЕННО-НАУЧНОГО ОБЩЕСТВА НА ЮГЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1960-х гг.*

Алтайский государственный педагогический университет,
РФ, 656031, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55

В центре настоящего исследования находятся методы полевой работы с памятью, используемые в экспедициях Алтайского отделения Военно-научного общества (ВНО) при Сибирском военном округе на базе Новосибирского дома офицеров. Экспедиции проводились по местам сражений партизанской армии Ефима Мамонтова в Степном Алтае. Дается сравнение с аналогичными методами экспедиций Новосибирского отделения ВНО. Выявляется близость указанных методов работы с технологиями современной устной истории, определяются этапы, их содержание и особенности в советских коммуникативных общественных и исследовательских практиках 1920–1960-х гг. Предлагаются оценки опросным методом, выборке респондентов, способам фиксации материалов, их хранения. Показана связь состава и маршрутов экспедиций с задачами ВНО по формированию системы коммуникации, коммемораций и гражданского патриотизма.

Ключевые слова: память, Алтайское и Новосибирское отделения Военно-научного общества, экспедиции, методы полевой работы, устная история, советские общественные и исследовательские практики.

Для цитирования: Щеглова Т.К. Исследование исторической памяти и методы полевой работы Военно-научного общества на юге Западной Сибири в 1960-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2024. Т. 31, № 2. С. 41–50. DOI: 10.15372/HSS20240206

T.K. SHCHEGLOVA

THE STUDY OF HISTORICAL MEMORY AND THE METHODS OF FIELD WORK OF MILITARY RESEARCH GROUP IN THE 1960s IN THE SOUTH OF WESTERN SIBERIA

Altai State Pedagogical University,
55, Molodezhnaya Str., Barnaul, 656031, Russian Federation

The objective of the conducted research is the analysis of techniques of field study of military and revolutionary memory of the population of the south of Western Siberia with the use of methods of “oral history” by the regional branch of Military research group at Siberian military district. The basic sources are the materials of the expeditions of 1961, 1962, and 1963 (headed by Major General M.T. Karnachev) to Steppe Altai, which are compared to the Soviet practices of interviewing from 1920 to 1940s, including those by Party History Committee. They are compared with the expeditions of Novosibirsk branch of Military research group to the region adjacent to the Chumysh and Altai Mountains (headed by Major General Sokurov), as well. The basis of the research materials was formed by the documents from the regional archives of Altai Krai and Novosibirsk Oblast, as well as by materials of the expeditions,

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01443, <https://rscf.ru/project/23-28-01443/>.

Татьяна Кирилловна Щеглова – д-р ист. наук, профессор, заведующая кафедрой отечественной истории Алтайского государственного педагогического университета, e-mail: tk_altai@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2738-414X>.

Tatiana K. Shcheglova – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of National history at Altai State Pedagogical University.

reports and protocols of sessions. Conceptions of memory anthropology and anthropology of Sovietness, as new trends of ethnological research, were the primary theoretical and methodological approaches. The research has demonstrated that the main methods of field work were individual and group interviews, such as public recollections, in no particular form, recorded on tapes. The respondents were the participants of guerilla movement, who had lived in the area where the guerilla army of E.M. Mamontov operated. The participants of the expeditions were themselves veterans of the Civil War and the Great Patriotic War, retired military officers, members of Military research group, primarily those who participated in military campaigns in the areas under research. Members of other public organizations such as Russian Army, Air Force and Navy Volunteer Society, Society of Promotion Knowledge, etc., were involved as well, assisted by the Communist party and Komsomol authority bodies. The platforms for communications were local Houses of Culture, Communist party authority bodies, schools, and, in cities, local museums. The peculiar feature of their oral history was the combination of research projects and military patriotic activities that determined the participation of historians and writers who popularized the Civil War. Their major achievement was the understanding of historical significance of oral materials that were stored in the state local museums and archives, as well as their preparation for publication and subsequent introduction into the scientific circulation. The peculiar feature of "Soviet-type" oral history was ideologization of the history of the Civil War in order to use the oral sources in morale building activities and interaction between authorities and society, the senior and the younger generations. Another peculiar feature was immortalization and memorialization of reminiscences and memory sites of guerilla movement: hundreds of participants were interviewed, thousands of tape meters recorded, hundreds of guerillas, battlefields and memorials photographed.

Key words: Memory, Altai and Novosibirsk branch of Military research group, expeditions, field work methods, oral history, Soviet public and research practices.

ВВЕДЕНИЕ

Устная история («oral history») как исследовательское направление в гуманитаристике, в том числе в этнографии, социальной антропологии, истории, прочно утвердилась в отечественной исследовательской практике последних тридцати лет. Свою самостоятельность она получила благодаря влиянию практики зарубежных историков. Однако это утверждение не учитывает опыт развития опросных технологий в отечественных исследованиях. На наш взгляд, «устная история» в России рождалась из краеведческо-этнографических исследований XIX – начала XX столетия, а оформляться стала как «устная история по-советски» в 1920–1960-е гг., пережив ряд этапов, каждый из которых оказал влияние на рассматриваемую в статье полевую работу по изучению и мемориализации памяти участников военно-революционной истории членами Военно-научного общества при Сибирском военном округе, базирующегося в Доме офицеров (далее ВНО при СибВО) и его региональных отделений в 1960-е гг.

Первый этап – 1920-х гг. – связан с деятельностью Истпарта и его региональных отделений. На этом этапе были предложены первые методические рекомендации по проведению индивидуального и коллективного интервью, разработаны требования к фиксации информации и изданию материалов интервью, опубликованные в номерах журнала Истпарта «Пролетарская революция». Впервые обсуждены особенности создания новых источников на основе памяти очевидцев и участников революций 1905 и 1917 гг. Их опыт работы с памятью еще не был предметом научного анализа [Щеглова, Дрожецкий, 2014], имеющиеся даже диссертационные исследования касаются в основном состава, структуры и конкретной деятельности региональных испартов, несмотря на солидную источниковую базу Центрального Истпарта¹ и его отделений, включающую материалы членов ВНО, бывших партизан².

Второй этап в развитии «устной истории по-советски» начался в годы Великой Отечественной войны с организацией интервьюирования с целью изучения памяти советского народа о героической борьбе на боевом и трудовом фронте. Были скомплектованы группы историков из Института истории АН СССР, которые выезжали в тыл, на фронт, в места партизанского движения, на ранее оккупированные территории и т.д. Этот архив хранится в Институте истории РАН и уже широко используется академическими исследователями [Вклад историков..., 2017].

Третий этап в «устной истории» охватывает 1950–1960-е гг., когда широкое развитие получило поисково-исследовательское и общественное движение по изучению и увековечиванию памяти о военно-революционной истории и ее героях. Первыми обратились к зарубежному опыту «oral history» отечественные архивисты, осваивая опыт по созданию такого рода источников в США [Кузнецов, Суринов, 1980]. Но вплоть до конца 1980-х годов устная история в СССР развивалась в русле отечественных традиций [Щеглова, 2017]. На протяжении всех этих лет она являлась одним из эффективных способов формирования системы коммуникации по вертикали – между государством и обществом и по горизонтали – между старшими и младшими поколениями с опорой на традиции советских общественных практик, связанных с обращением к памяти участников и очевидцев исторических событий.

В Сибири существенный вклад в развитие устной истории гражданской войны в 1950–1980-е гг. внесли общественные организации отставных военных и офицеров запаса – ВНО при СибВО. Их опыт использования методов устной истории в полевой работе по изучению памяти все еще остается вне поля зрения

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 70. Оп. 1.

² Государственный архив Алтайского края (ГAAK). Ф. П-1061. Оп. 1.

исследователей. Имеются лишь отдельные публикации, относящиеся к периоду создания ВНО в 1920-е гг. [Фабрика, 1999, с. 77], которое было сформировано и тогда по принципу сетевой организации вплоть до реорганизации его в 1927 г. в ОСОАВИАХИМ, а затем в 1948 г. – в ДОСААФ. Далее ВНО выпало из поля зрения историков, в том числе в период воссоздания и работы ВНО в 1958 – 1997 гг. Памятниками его деятельности остались дома офицеров в областных и столичных городах Российской Федерации и ряда бывших союзных республик и единичные публикации [Фабрика, 2003, с. 158]. Между тем научный интерес представляет анализ места «устной истории» в полевых исследованиях ВНО, методов работы с памятью, целей и задач экспедиционной работы, выборки респондентов, способов фиксации интервью, документирования материалов, их хранения и публикации. В совокупности все это позволит оценить место ВНО и методов «устной истории» в системе коммуникации регионального общества и администраций разного уровня.

В центре нашего исследования развития методов устной истории находятся экспедиции Алтайского отделения ВНО при СибВО (далее АО ВНО). Всего обществом было проведено три экспедиции – в 1961, 1962 и 1963 гг.³ Основой источниковой базы данного исследования послужили экспедиционные материалы в фондах ГААК⁴ и ГАНО⁵, среди них – дневники, отчеты участников экспедиции, фотоматериалы, материалы интервью, протоколы заседаний ВНО. Целью исследования является оценка методов «устной истории» в формировании коммемораций и коммуникация между властью и обществом в ходе экспедиционной деятельности. Основными теоретико-концептуальными подходами являются положения формирующегося направления «антропология памяти», в рамках которого разработаны понятия видов памяти (социальная, коллективная, историческая и др.), закономерностей ее развития, формирования и затухания; а также основы «антропологии советскости» (журналы Антропологический форум/ Forum for Anthropology and Culture; Антропологии/Anthropologies), которая пришла из философии и культурологии и прочно обосновалась в этнологии/антропологии⁶ через поиск путей проникновения в коллективную и индивидуальную память и идентичность советской эпохи как самостоятельной цивилизации с особым типом советского человека (Б. Илизаров [1985], А. Ассман [2014], А.К. Байбурина [2018], С.С. Алымов). Определенный потенциал содер-

жится в разработке таких понятий, как коммуникация и коммеморации, которые используются для решения поставленных задач, в частности в анализе использования коммуникативных практик для поддержания живой связи с прошлым и настоящим в практике ВНО [Каминская, 2019].

АЛТАЙСКОЕ И НОВОСИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЯ ВНО И ЭТАПЫ ИЗУЧЕНИЯ ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПАМЯТИ НАСЕЛЕНИЯ ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

АО ВНО было создано в апреле 1961 г. при Алтайском крайвоенкомате, оно позиционировало себя добровольным «самодетельным» объединением отставных военных и офицеров запаса, входило в неформальное объединение ВНО при СибВО⁷. Само общество возникло 5 августа 1958 г. В него вступили 42 генерала и офицера запаса и в отставке⁸. Наряду с ним в ВНО входили Новосибирское, Омское, Томское, Красноярское отделения и комитеты содействия в Бийске и Кемерово. Координировал их деятельность Совет ВНО при Новосибирском доме офицеров. В первый же год в АО ВНО были выбраны Совет в составе 9 чел., редакционная группа – 3, ревизионная комиссия – 3 чел. В начале 1963 г. в составе АО было 38 членов, из них: 2 генерала, 11 полковников, 21 подполковник, 2 майора и 2 капитана. По партийной принадлежности 37 чел. (из 38) являлись членами КПСС. По военной специальности преобладал командный состав – 10 политработников, 20 командиров и 8 технических специалистов. По образовательному уровню – менее половины (12 чел.) имели высшее образование, остальные – среднее.

По возрасту, боевому опыту и мотивации в общественной работе можно выделить три группы – участники гражданской войны, фронтовики Великой Отечественной войны и почти половину из всего состава представляли те, кто воевал и в гражданскую, и в Отечественную войну. Все они были убежденными борцами за социализм, в преимуществах которого убедила Победа 1945 г. Социально-политический и культурный портрет членов АО ВНО во многом определял содержание и акцентуацию полевой работы на тех или иных вопросах в изучении военно-революционной памяти и в интерпретации полученных материалов. Структура АО ВНО была представлена тремя секциями: военно-политической, военно-исторической и военно-учебной. Изучением памяти занималась военно-историческая секция, как и в других региональных отделениях.

В работе с памятью в АО ВНО, как и во всех отделениях ВНО, в 1960–1980-е гг. выделяются два этапа. На первом этапе, в конце 1950-х–1960-е гг., проводились экспедиции в местах формирования и действия крестьянских партизанских армий с целью опроса и записи на магнитофонную пленку бывших партизан. Пример показало Новосибирское отделение ВНО

³ ГААК. Ф. Р-1578. Оп. 1. Д. 31, 26.

⁴ Там же. Ф. Р-1578. Оп. 1; Ф. Р-1540. Оп. 1.

⁵ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-2371. Оп. 1. Д. 1-372.

⁶ Например, альманах «ЭТНОДИАЛОГИ». Раздел «Антропология советскости». 2011 – 2023 гг. Создан на базе Интеллектуальной системы тематического исследования наукометрических данных Истина (МГУ). Этнодиалоги: альманах-журнал // Интеллектуальная система тематического исследования наукометрических данных [Электронный ресурс]. URL: <https://istina.msu.ru/journals/930841/?p=2> (дата обращения: 15.02.2024).

⁷ ГААК. Ф. Р-1578. Оп. 1. Д. 26. Л. 34.

⁸ ГАНО. Ф. Р-2371. Оп. 1. Д. 310.

(далее НО ВНО), которое организовало экспедицию в 1959 г. в Причумышье⁹ и в последующие годы две экспедиции в Горный Алтай. 12 декабря 1959 г. в составе НО ВНО была организована секция истории гражданской войны. Первая экспедиция АО ВНО состоялась в 1961 г. в Степном Алтае (под ним подразумевались бывшие Барнаульский, Каменский и Славгородский уезды). Второй этап начался с 1967-х гг. и продолжался в 1980-х гг. Основным объектом стала память о Великой Отечественной войне. 3 октября 1970 г. на общем собрании Новосибирского ВНО было принято решение о создании секции истории Великой Отечественной войны. Одной из причин перехода от изучения памяти о гражданской войне к памяти об Отечественной войне стала смена поколений. Вслед за корректировкой содержания и направлений исследований изменялись характер и формы исследовательской работы – от полевых экспедиционных исследований на территории Сибири на первом этапе к исследованию истории дивизий, сформированных в Сибири и воевавших в европейской части СССР на втором этапе с активным участием членов ВНО – фронтовиков и ветеранов, с развитием поискового молодежного движения в рамках возникшего в 1966 г. Всесоюзного похода молодежи по местам боевой и трудовой славы советского народа. На обоих этапах работа с памятью оставалась ведущей в деятельности региональных отделений ВНО.

Анализ экспедиционных материалов показывает, что отличием советских общественных практик работы с памятью в полевой работе являлось переплетение исследовательских и воспитательных задач. Что было первично, что вторично – научные результаты или диалог поколений, диалог власти и общества с молодежью – вопрос сложный: задачи по изучению военно-революционной памяти одновременно предполагали «воспитание стойких защитников завоеваний Октябрьской социалистической революции» на примерах героической борьбы советского народа «в духе славных боевых и трудовых традиций социалистической революции, в духе советского патриотизма»¹⁰. Среди исследовательских установок на первое место в 1960-е гг. вышло «установление исторической правды о партизанском движении на Алтае и событий периода гражданской войны» с опорой на память участников с целью «показать молодежи все трудности, героизм и беззаветную преданность делу революции сознательных трудящихся, рабочих и крестьян»¹¹. Переплетение поисково-исследовательских и просветительно-воспитательных задач закрепляла мемориально-охранная работа в экспедициях, в том числе мониторинг «мест памяти» – памятников героям революций и гражданской войны, мест сражений и мест захоронений партизан; их мемориализация и увековечивание. Основой всех этих практик служила устная история.

ЭКСПЕДИЦИИ, МАРШРУТЫ И РАЙОНЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ЭКСПЕДИЦИЙ ВНО

Экспедицией АО ВНО в 1961 г. были охвачены районы формирования и действия партизанской армии Е.М. Мамонтова. Проходила она с 20 июля по 1 августа¹². Маршрут экспедиции пролегал «по историческим местам периода гражданской войны на Алтае в Рубцовском, Новоогорьевском, Волчихинском районах. Работа экспедиции посвящалась XXII съезду КПСС и ставила задачи: 1. Сбор и обобщение материалов по истории героической борьбы партизан Алтая за восстановление Советской власти в районе действия партизанского отряда, а затем и армии Мамонтова Е.М. 2. Встречи с партизанами, беседы с ними, запись на магнитофоне их воспоминаний и фотографирование, а также посещение мест боев и сбор сведений для составления схем боевых действий партизан»¹³. Обобщая маршруты экспедиции, участники писали: «Партизанское движение в Алтайском крае в годы интервенции и гражданской войны занимает очень важное место в истории Западной Сибири. Центром партизанского движения и зарождения Крестьянской Партизанской Красной Армии в Западной Сибири являлись Степной Алтай: это Барнаульский, Каменский, Славгородский уезды»¹⁴.

Села Барнаульского уезда, охваченные экспедицией, «проведенной по историческим местам боев армии Е.М. Мамонтова», и формы работы перечислены в докладе председателя АО ВНО генерал-майора М.Т. Карначева (Протокол 4. От 2 августа 1961 г.): «1. Беседы с партизанами и запись выступлений на магнитофоне в Рубцовске, Новоогорьевске, Волчихе, Вострово, Солоньковке, Малышев Лог, Селивестрово. Всего состоялась встреча с 90 товарищами. Записанные на магнитофоне воспоминания имеют историческую ценность, для хранения переданы в краевой исторический музей [совр. АГКМ]. 2. Участники встреч партизаны сфотографированы, сделаны фотографии памятников и исторических мест боев. Собран материал для фотоальбома. 3. Собраны материалы для составления топографических схем боев армии Мамонтова. 4. Среди населения проведено 20 бесед и прочитано 8 лекций. Предстоит большая работа по обобщению собранного материала»¹⁵. Было принято решение продолжить работу и «в 1962 году провести экспедицию по местам боев партизан Алтая в Павловском, Шелаболихинском, Тюменцевском, Каменском, Баевском, Завьяловском, Родинском, Шарчинском, Рибрихинском районах. Экспедиция намечена на июль–август месяцы. Собирать материал для сборника «Воспоминания партизан Алтая»»¹⁶.

Выбор Степного Алтая был связан с тем, что в 1959 г. Новосибирское отделение ВНО начало поле-

⁹ ГАНО. Ф. Р-2371. Оп. 1. Д. 42, Д. 310.

¹⁰ ГААК. Ф. Р-1578. Оп. 1. Д. 26. Л. 3.

¹¹ Там же.

¹² ГААК. Ф. Р-1578. Оп. 1. Д. 26. Л. 31.

¹³ Там же. Л. 21.

¹⁴ Там же. Л. 23.

¹⁵ Там же. Л. 31.

¹⁶ Там же. Л. 29.

вую работу на юге Западной Сибири с Причумышья, а в 1960 г. – в Горном Алтае: в 1960 г. «группой офицеров Новосибирского ВНО совершена экспедиция по местам партизанских боев в Горном Алтае. Собран богатейший материал. Установлена связь с живыми свидетелями этих событий». И как писали члены АО ВНО, их «экспедиция не могла охватить весь Алтайский край. Многие еще остаются недостаточно полно исследованным»¹⁷. Согласование районов полевых исследований на Алтае двумя отделениями (Алтайским и Новосибирским) нашло отражение в документах: «Совет ВНО (г. Новосибирск, Дом офицеров) утверждал: план экспедиций по историческим местам гражданской войны на Алтае... Принимал участие в организации встреч ветеранов войны с молодежью... В смотре с ... партизанами и ветеранами войны в краевом музее [совр. АГКМ]»¹⁸.

**ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ, СОСТАВ ЭКСПЕДИЦИЙ ВНО
И МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ
ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПАМЯТИ
НАСЕЛЕНИЯ ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ**

Акцентуация на памяти партизан, продиктованная происходящей в 1950–1960-е гг. сменой поколений, по своей сути являлась продолжением работы Истпарта в 1920-е гг. по опросу и записи бывших участников гражданской войны для формирования источниковой базы и публикации воспоминаний. Но в 1960-е гг. при работе с памятью внимание обращалось не столько на пополнение архивов, сколько на ликвидацию белых пятен военно-революционной истории. В материалах экспедиции прослеживается акцент на призыве выявить в памяти участников подтверждения руководящей роли партии большевиков. Эта проблема входила в ту зону интерпретаций, в которой «по многим историческим данным освещены не полно и не объективно», «как обсуждалось на заседании военно-исторической секции, нашими историками отражены поверхностно большая работа подпольных организаций большевиков по подготовке населения к вооруженному восстанию против колчаковщины, за восстановление Советской власти, острая политическая борьба с анархо-кулацкими настроениями и действиями. Выступающие говорили, что многие большевики-подпольщики, сделавшие очень много для победы Советской власти, незаслуженно забыты. Многие из них зверски замучены и расстреляны колчаковцами, а некоторые остались, но их подвиги, героизм остались не отмеченными. Бывшие живые участники партизанского движения Игнат Громов, Маздрин и другие много сделали лично для народов Алтая для победы над врагом. Мы чтим их подвиги и уважаем как борцов за власть Советов, но необходимо отметить, что и они допускают большую историческую ошибку, принижая роль и значение работы подпольщиков большевиков»¹⁹.

Основными методами работы являлись опросы «живых свидетелей». Технологии работы включали встречи с бывшими партизанами, коммунистами, подпольщиками с целью записать их воспоминания на магнитофонную пленку, сфотографировать ветеранов, места боев и памятников на местах захоронения партизан, собрать материалы для составления схем боев и организации соединений партизанской армии. Вся эта работа строилась на выявлении живых носителей информации на маршрутах экспедиции. В своих отчетах участники экспедиции отмечали, что беседы с жителями сел и партизанами показали, что «отдельные бои не описаны и не вошли в летопись гражданской войны на Алтае. Так, например, бой у Малых Бутырок, Бой у Новогорьевска, бой на разъезде №35»²⁰. Наряду с фиксацией новой информации члены экспедиции занимались уточнением у живых свидетелей на местности сведений, записанных ранее, в том числе в 1920-е гг. позиций сторон, условий ведения боев, результатов сражений, фамилий участников и погибших, в с целью занести их фамилии на старых и новых памятниках и т.д.²¹ Так, «на местности произведена рекогносцировка и записи условий ведения боя, сделаны фотографии, в некоторых местах обнаружены следы бывших окопов, это на опушке леса у Малышева Лога, на окраине Волчихи и в других местах. Экспедицией установлено, что очень многие большевики подпольщики, выполнявшие очень важные задания ЦК КПСС²² по организации в Сибири вооруженной борьбы против интервентов и погибшие в этой борьбе... В истории Алтая не отмечены Пимен Иванович Вдовин, Алексей Иванович Куц, зверски замученные колчаковцами в Селиверстово, Павел Васильевич Яковлев, Никишин, Пахомов и др.».

О месте, которое занимали экспедиции в системе коммуникаций общества и власти, свидетельствует финансирование и состав экспедиций АО ВНО. В организации и проведении полевых выездов участвовало несколько общественных организаций и государственных учреждений. Средства формировались «в складчину» – кто чем мог поддержать деятельность экспедиции – от транспорта и магнитофонной пленки до денежных средств. Такой подход был характерен для советских общественно-государственных практик. Представительный состав экспедиции во главе с генерал-майорами М.Т. Карначевым (АО ВНО) или Г.П. Сокуровым (НО ВНО) сам по себе был убедительным аргументом для оказания помощи в ее работе на местах – с предоставления помещения для встреч или ночевки членов экспедиции до сбора партизан, трудового коллектива или сельского общества ко времени приезда экспедиции. Авторитетный состав подкреплялся тем, что «крайком КПСС – обеспечил документом, в котором указывалось, что секрета-

¹⁷ Там же. Л. 3.

¹⁸ Там же. Л. 10.

¹⁹ Там же. Л. 15.

²⁰ Там же. Л. 25.

²¹ Там же. Л. 26.

²² В марте 1918 г. РСДРП(б) была переименована в РКП(б), в 1925 г. – ВКП(б), с октября 1952 г. – в КПСС.

ри райкомов обязаны нам содействовать выполнению задач экспедиции»²³. Выстроенная коммуникация от высших региональных партийных органов до сельского общества, между которыми коммуникаторами выступали члены экспедиций, позволяла заниматься исследовательской, просветительско-агитационной и мемориально-охранной работой в каждом населенном пункте. По приезде в то или иное село или город экспедиция находилась под опекой парторганизаций разных уровней, которые обязаны были обеспечить ее всем необходимым; предоставить архивные и музейные фонды, помещения.

Материальные потребности экспедиции АО ВНО также удовлетворялись с привлечением в полевые исследования других общественных организаций, которые в системе советских практик существовали за счет взносов. А.М. Карначев писал «Военно-научное общество своих материальных возможностей не имеет, поэтому экспедиция была организована совместно с крайкомом ДОСААФ, Обществом по распространению политических и научных знаний²⁴ и Краевым музеем [АГКМ]»²⁵. Каждая из организаций, привлеченная к участию в экспедиции, вкладывалась по своим возможностям. Так, для экспедиции 1961 г. «Крайком ДОСААФ выделил агитмашину. Краевой музей обеспечил магнитофонной пленкой, Общество по распространению политических и научных знаний – средствами»²⁶. Сами члены ВНО, как общественники, «командировочных не получали» и поэтому «выехали в экспедицию за свой счет», более того, они вложили собственные средства, в частности, «фотоматериалы закуплены за счет участников экспедиции»²⁷.

Состав участников экспедиций утверждался крайкомом КПСС, который утвердил и руководителя экспедиции – генерал-майора запаса М.Т. Карначева. В составе экспедиции также участвовали представители крайкома ДОСААФ и крайкома ВЛКСМ²⁸. М.Т. Карначев, возглавлявший все три экспедиции, являлся председателем АО ВНО. Он работал с 1952 г. заведующим военной кафедрой Алтайского сельскохозяйственного института и находился в центре общественной жизни региона, в первую очередь уделяя внимание работе с молодежью [Щеглова, 2023а, б].

Состав других участников экспедиции определялся ее задачами. В полевой работе с военно-революционной памятью важное значение имело привлечение ветеранов гражданской войны – партизан, участников изучаемых событий, заинтересованных в мемориальной работе. Как правило, они «работали» на местности, выявляя «места памяти», связанные со сражениями и захоронениями погибших партизан, определяли

состояние памятников погибшим в годы войны, проводили «ревизию» документов, хранившихся в местных муниципальных архивах. Сам М.Т. Карначев был участником гражданской войны. Вместе с ним активно трудился «бывший партизан Зайцев Е.З.» из армии Е.М. Мамонтова, который по маршруту экспедиции работал в местных архивах, выявляя и оценивая состояние документов, связанных с историей революций и гражданской войной²⁹. Остальные также были военными, но уже участниками Великой Отечественной войны, среди них – члены Совета ВНО подполковник Л.Н. Мазуров, подполковник запаса М.Г. Тищенко, от крайкома ДОСААФ инженер, капитан первого ранга В.И. Каличенко.

Важным для коммуникации власти и общества стало участие в экспедиции известного алтайского писателя Г.В. Егорова³⁰. Он много знал о партизанском движении благодаря своему отцу, в доме которого часто собирались бывшие партизаны и устраивали своего рода «вечера воспоминаний»³¹. Для него участие в экспедициях было связано со сбором материала, на основе которого он писал художественные произведения, популяризируя через них героизм участников гражданской войны. Он благодаря участию в «экспедиции по историческим местам гражданской войны в степном Алтае в 1962 году закончил исторический роман о партизанском движении в Степном Алтае «Солона ты земля» о чем он докладывал совету ВНО»³².

Обсуждение чернового варианта романа на заседании секции показало, что писатель сосредоточил свое внимание на «белых пятнах» в истории гражданской войны, прежде всего на освещении роли большевистского подполья в организации партизанского движения. В отчете говорилось: «работая в районах действия армии Мамонтова... Георгий Васильевич Егоров написал повесть о партизанском движении на правом берегу Оби, о работе большевиков подпольщиков под руководством барнаульского подпольного комитета большевиков и непосредственного руководителя большевиков – Воронцова Анатолия»³³. Повесть рассматривалась на совете ВНО и рекомендована к печати, «художественному слову уделялось большое внимание»³⁴. Такую же попытку предпринял и член ВНО, бывший партизан Егор Захаревич Зайцев, который писал «повесть о большевиках подпольщиках Славгородского уезда»; подполковник запаса

²⁹ Там же. Л. 15.

³⁰ Георгий Васильевич Егоров (28.12.1923 – 28.02.1992 гг.) – ветеран Великой Отечественной войны. Книги «Солона ты, земля!», «Крушение Рогова», «Колчак Александр Васильевич. Последние дни жизни» и др..

³¹ Отец, Василий Григорьевич Егоров, – партизан гражданской войны, сподвижник Федора Колядо, командира полка «Красных Орлов».

³² ГААК. Ф. Р-1578. Оп. 1. Д. 26. Л. 17.

³³ Формируя места памяти в советское время, одной из улиц Барнаула присвоили название им. Анатолия.

³⁴ ГААК. Ф. Р-1578. Оп. 1. Д. 26. Л. 17.

²³ ГААК. Ф. Р-1578. Оп. 1. Д. 26. Л. 22.

²⁴ Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний (Всесоюзное общество «Знание») возникло в 1947 г.

²⁵ ГААК. Ф. Р-1578. Оп. 1. Д. 26. Л. 35.

²⁶ Там же. Л. 22.

²⁷ Там же. Л. 31.

²⁸ Там же. Л. 36.

А.А. Полухин (1917 – 1978 гг.), заместитель председателя ВНО, «написал воспоминания о партизанском движении на Алтае, о борьбе с врагами Советской власти»; он, как и Г.В. Егоров, был сыном алтайского партизана А.Д. Полухина. Следует отметить, что важную роль в полевой работе играло личностное отношение к военно-революционной памяти. Это проявилось и в том, что в экспедициях сложился коллектив единомышленников и почти семейная атмосфера; в первой экспедиции участвовали сын М.Т. Карначева – ученик 10-го класса 27-й школы г. Барнаула, который выполнял функции фотографа, и его жена³⁵. В следующей экспедиции принимал участие сын писателя Г.В. Егорова – Юрий, в настоящее время известный журналист и писатель.

Подбору членов экспедиции с учетом условий и задач полевой работы уделялось первостепенное внимание. Так, в экспедиции новосибирцев в Причумышье из 10 ее участников 7 чел. являлись бывшими партизанами, причем все (за исключением руководителя генерал-майора Г.П. Сокурова) – Т.С. Мухачев, Г.Н. Николаев, И.М. Дрожжин, И.С. Бугров, Д.Т. Поташев и Т.А. Мукин – активно участвовали в партизанском движении именно на Чумыше. Корреспондентами были писатели Г.В. Егоров и В.В. Завалишин. По материалам экспедиции написаны повесть Г.В. Егорова «Весной распускаются почки» и 20 очерков В.В. Завалишина «Причернские партизаны»³⁶.

ТЕХНОЛОГИИ РАБОТЫ ПО СОЗДАНИЮ ПОЛЕВЫХ УСТНЫХ ИСТОЧНИКОВ И ВЫБОРКИ РЕСПОНДЕНТОВ

Общая стратегия полевой работы состояла в «сборе и обобщении материала по героической борьбе тружеников Алтая за восстановление Советской власти в районах степной части Алтая»³⁷. Основными методами полевой работы были опросы партизан в вольной форме, без использования вопросников, с записью рассказа на магнитофонную пленку. Определяя технологии работы, участники экспедиции так отмечали особенности работы с памятью: «Больше всего экспедицию интересовали люди – живые свидетели героических событий 1919 г. незабываемых дней партизанской войны в Сибири»³⁸. На основе опросов этих «живых свидетелей» создавались источники, которые в документах АО ВНО назывались «голоса живых людей». В экспедиции 1961 г. с целью опросов с записью на магнитофонную ленту было проведено «более 200 встреч», в результате чего участники привезли в Барнаул «более 8000 метров записи на магнитофоне». О том значении, которое придавали этим интервью члены экспедиции, воспринимая их как важнейшие источники информации, свидетельствует заключительная фраза: «эта запись сдана

в краевой музей, где должна храниться века». Туда же были сданы и сделанные в экспедиции 1961 г. «более 200 (двух сот) фотоснимков, 36 схем проведенных боев партизанами с белогвардейцами»³⁹. Часть материалов передана на хранение в Государственный архив Алтайского края.

Наряду с записями интервью и бесед с партизанами участники экспедиций практиковали и коллективные формы опроса. Такая практика позволяла провести параллели с опытом организации Истпартом вечеров встреч участников и очевидцев тех или иных событий. Коллективные встречи партизан в селах позволяли провести обсуждение в группе партизан для уточнения информации, которую собирали в маршрутах экспедиции. Площадками коллективных встреч воспоминаний в экспедициях становились сельские клубы и дома культуры, школы, райкомы и парткомы, где выступали ветераны гражданской войны. В экспедиционных дневниках имеются записи воспоминаний, сделанных вслед за рассказом партизана, в присутствии других партизан, в случае необходимости вносились уточнения, проводилось обсуждение той или иной версии рассказа. В Барнауле таким местом стал краевой краеведческий музей. Так, по завершении экспедиции «в сентябре 1961 г. в краевом музее (совр. АГКМ) состоялось собрание партизан, проживавших в г. Барнауле, на котором был сделан доклад о работе экспедиции. На стендах были вывешены схемы боев партизан, составленные участниками экспедиции. Причем эти схемы составлялись впервые, «ранее в архивных документах таких схем не было»⁴⁰.

В последующие годы краеведческий музей регулярно предоставлял площадку для обсуждения полевых, издательских и писательских проектов членов АО ВНО, являясь важнейшим звеном в коммуникации власти и общества. В отчетах о работе указывалось, что «военно-историческая секция ВНО поддерживает связь с краевым музеем. Совместно с сотрудниками краевого музея были проведены встречи с партизанами, проживающими в Барнауле. Сделаны доклады по итогам экспедиции по историческим местам боев в период гражданской войны на Алтае. Члены ВНО принимали участие в оформлении отдела в музее гражданской и Великой Отечественной войны»⁴¹.

Наряду со сдачей полевых материалов интервью на хранение в фонды краевого музея и краевого архива одной из форм работы с ними была их подготовка к публикации. В соответствии с советскими практиками процессов увековечивания и мемориализации их издание приурочивалось к юбилеям партизанского движения. В частности, члены АО ВНО писали, что «предстоит задача к 50-летию партизанского движения в Западной Сибири 1969 подготовить сборник “Рассказы партизан”, часть материала

³⁵ ГААК. Ф. Р-1578. Оп. 1. Д. 26. Л. 22.

³⁶ ГАНО. Ф. Р-2371. Оп. 1. Д. 41, 43.

³⁷ ГААК. Ф. Р-1578. Оп. 1. Д. 26. Л. 35.

³⁸ Там же. Л. 23.

³⁹ К сожалению, пока не удалось найти материалы АО ВНО в фондах АГКМ.

⁴⁰ ГААК. Ф. Р-1578. Оп. 1. Д. 26. Л. 23.

⁴¹ Там же. Л. 38.

для такого сборника имеется и продолжается работа по его обработке...»⁴². Подготовкой воспоминаний, записанных в экспедиции 1961 г., к печати занимались не только члены военно-исторической секции, но и редакционная группа региональных отделений ВНО. Эта работа велась в тесном контакте с историками Томска и Новосибирска. В частности, одним из активных участников обсуждения материалов являлся известный сибирский историк, доктор исторических наук В.Л. Соскин (Институт истории СО РАН), который участвовал в заседаниях ВНО в Новосибирском доме офицеров и проявлял интерес к полевым материалам. Он также был участником Великой Отечественной войны. Видимо, участием в работе ВНО объясняется его увлечение методами «устной истории» в русле его профессиональных интересов – изучении культуры и интеллигенции нового советского типа с использованием методов опроса и интервьюирования [Соскин, Осташко, 1973]. Позже он сам стал респондентом и давал интервью о «своей войне»⁴³.

Кроме того, материалы интервью использовались в просветительско-агитационной работе, в том числе через общество «Знание», которое было активным участником экспедиций. Члены АО ВНО (в т.ч. и Карначев), входившие в руководящий состав этого общества, принимали активное участие в его деятельности, выступали с лекциями и беседами на встречах с молодежью. Их выступления выстраивались на региональной исторической и культурной информации, записанной в селах во время экспедиций на магнитофонную пленку. Подготовкой этих материалов для лекций занималась редакционная комиссия ВНО – «редакционная группа во главе с Василием Ивановичем Калиниченко проделала большую работу по рассмотрению и редактированию воспоминаний бывших партизан Алтая, текстов лекций»⁴⁴. Следующая за экспедицией стадия – стационарная работа с материалами интервью, которые имеют важное значение для проведения массовой работы. Эта особенность «устной истории» фиксировалась в отчетах АО ВНО: «Членами ВНО проводилась большая работа среди молодежи: в школах, на призывных пунктах, в институтах города и техникумах», а в основе «патриотических тем» лежат «воспоминания бывалых воинов, Героев Советского Союза, ветеранов войны». В 1961 г. членами АО ВНО было «проведено более 550 таких бесед». Активное участие в этой работе принимали: генерал майор запаса Герой Советского Союза Н.Д. Козин, генерал майор Карначев, полковник запаса, Герой Советского Союза Г.М. Левин, полковники запаса Поправченко, Тимофеев, Груздов,

Кузмин, Стрельцов, полковники запаса Стахнов, Чернов, Тищенко, Полухин и др.⁴⁵

Носителями военно-революционной памяти в экспедициях выступали бывшие партизаны – сельские жители, о которых в полевых дневниках говорилось: «волнующие встречи с людьми, которые в тяжелых условиях колчаковского террора поднимали тружеников Алтая на вооруженную борьбу с врагом. Участники – живые свидетели минувших событий. Верно, они пенсионеры, говорят, ушли на заслуженный отдых, но говорить так было неправильно. Не ушли, а еще с большей энергией каждый из них на трудовом посту показывает пример молодежи в борьбе за коммунизм»⁴⁶.

Анализ списков респондентов в каждом населенном пункте, где работали экспедиции, показывает, что численность бывших партизан была в них разной – от 3 до 20 чел., но практически в каждом селе. Среди них присутствовали как рядовые участники, так и известные командиры крестьянских партизанских отрядов: «Мы встречали бывшего комиссара и руководителя подпольной организации большевиков партизанского отряда, затем армии Мамонтова т. Копань. Он больше часа рассказывал, как большевики работали в тылу врага и поднимали сибиряков на вооруженную борьбу. Встречали бывших командиров полков партизанской армии, командиров батальонов, рот, взводов и рядовых»⁴⁷.

В отношении к респондентам со стороны членов экспедиции проявлялся не только интерес как к носителям информации. Члены экспедиции, как коммунистаторы, формирующие диалог сельского и регионального общества и общества с властью, становились пропагандистами жизни и деятельности своих респондентов. Как отмечалось в одном из отчетов: «главный итог работы экспедиции – это товарищеская встреча с живыми участниками героической борьбы за власть Советов. Мы встречали замечательных людей, которые, несмотря на возраст, продолжают трудиться. Жена бывшего начальника штаба партизанского отряда Мамонтова – Мария Егоровна Чеканова – пенсионерка 78 лет, но она безвозмездно работала в поле по выращиванию бобов для учебного хозяйства Алтайского сельскохозяйственного института. Это она вырастила дочь трудового Алтая Нину Игнатьевну Чеканову, Героя Социалистического Труда, как ее назвал Н.С. Хрущев: “певец кормовых бобов”. Марья Егоровна Чеканова вырастила сирот детей погибших партизан. Когда созрели бобы и приступили к их уборке Марья Егоровна Чеканова идет с ведром за комбайном и подбирает упавшие бобы: «вот – говорит она – набрала два ведра семян, а сколько можно посеять этими семенами»⁴⁸. Трудно определить, что в этой информации важнее – воспитательный, агитационно-просветительский или исследовательский контент. Этот

⁴² Там же.

⁴³ Все для Победы! Ветераны Академгородка о Великой Отечественной войне / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2005. Проект Непридуманные истории о войне. Ощущение войны // Вторая Мировая война [Электронный ресурс]. URL: <http://www.world-war.ru/oshushhenie-voyny/> (дата обращения: 15.02.2022).

⁴⁴ ГААК. Ф. Р-1578. Оп. 1. Д. 26. Л. 9.

⁴⁵ ГААК. Ф. Р-1578. Оп. 1. Д. 26. Л. 12.

⁴⁶ Там же. Л. 36.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. Л. 36.

вопрос можно адресовать и другим экспедициям ВНО. Они носили комплексный характер, но, несомненно, работали в русле общих направлений исследований – изучение общества и человека нового советского типа с использованием методов опроса и интервьюирования, одновременно решая задачи пропагандистско-просветительского характера.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Полевую работу по изучению военно-революционной практики в 1950–1960-е гг. вели Алтайское и Новосибирское отделения Военно-научного общества (ВНО) при СибВО с использованием методов «устной истории», которые формировались на протяжении 1920–1940-х гг. с участием советских ученых и интеллигенции. Их опыт был использован в экспедициях 1961, 1962 и 1963 гг. АО ВНО в Степном Алтае, а с 1959 г. НО ВНО в Причумышье и Горном Алтае. Их участниками являлись ветераны гражданской и Отечественной войн, привлекались также партизаны – участники изучаемых событий, воевавшие в Степном Алтае или Причумышье. Экспедиции организовывались на средства коллективных участников полевой работы и индивидуальные средства членов экспедиции: среди них – ДОСААФ, общество «Знание», краеведческий музей; координацией их деятельности занимались крайкомы и райкомы партии и комсомола. В соответствии с развитием общественных практик советского времени эти общества существовали за счет взносов, которые использовались прежде всего для организации экспедиций.

В полевой работе утвердились технологии индивидуального и коллективного интервью без вопросов, в вольной форме, с записью на магнитофонную ленту с последующей сдачей этих оригиналов интервью на хранение в краеведческие музеи и архивы, нередко с подготовкой отдельных материалов к публикации в виде наиболее ярких воспоминаний, которые широко использовались в научной работе. Для повышения эффективности рассматриваемой деятельности привлекались ученые и писатели, каждый из них вносил свою лепту в героизацию и увековечивание памяти участников гражданской войны. Акцентуация на изучении военно-революционной памяти населения была обусловлена актуальностью использования материалов «устной истории» не только в научной, но и в воспитательной работе. Отличием «устной истории» по-советски являлись идеологизация устной истории гражданской войны с привлечением устных источников в воспитательной работе, а также выстраивание коммуникации власти и общества, старшего и младшего поколений. Эти особенности полевой работы АО ВНО были обусловлены составом ВНО, которые, будучи общественной организацией, создавались на добровольных началах из отставных военных и офицеров запаса, участников гражданской или Отечественной войны, а многие из них участвовали в обеих войнах. Их мировоззрение определяло цели,

задачи, способы и методы работы по изучению и мемориализации исторической памяти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М.: НЛЮ, 2014. 328 с.
- Байбурин А., Келли К. Эпоха Брежнева в антропологической ретроспективе // Антропологический форум. 2018. № 37. С. 11–19.
- Вклад историков в сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне. На материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, 1941–1945 гг. / отв. ред. С.В. Журавлев. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 383 с.
- Илизаров Б.С. Роль ретроспективной социальной информации в формировании общественного сознания // Вопр. философии. 1985. № 8. С. 60–65.
- Каминская Т.Л. Современные коммуникативные практики в процессе коммеморации // Коммуникативные исследования. 2019. Т. 6. № 2. С. 280–291.
- Кузнецова Н.П., Суринов В.М. «Устная история» в практике работы зарубежных архивов и научных учреждений // Советские архивы. 1980. № 1. С. 73–76.
- Соскин В.Л., Осташко Т.Н. Из опыта собирания воспоминаний представителей советской интеллигенции // Археографический ежегодник на 1973 г. М., 1974. С. 341–343.
- Фабрика Ю.А. Служить народу своему: К 70-летию Новосибирского окружного Дома офицеров. Новосибирск, 1999. 145 с.
- Фабрика Ю.А. Военно-научное общество // Новосибирск: энциклопедия / гл. ред. В.А. Ламин и др. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 2003. С. 158.
- Щеглова Т.К. Становление и развитие российской устной истории (oral history) в 1980–2010 годы в контексте общественно-политической и научной жизни России и в сравнении с международными традициями устной истории // Устная история в современной исследовательской практике на постсоветском пространстве: сб. науч. стат. Барнаул: Алт. гос. пед. ун-т, 2017. С. 60–106.
- Щеглова Т.К. «Краеведы-инициаторы по изучению истории событий»: председатель Алтайского отделения ВНО генерал-майор Михаил Титович Карначев в общественном движении Алтайского края в 1950–1980-е годы // Актуальные вопросы истории Сибири. Четырнадцатые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина: сб. науч. стат. Барнаул: Азбука, 2023а. С. 154–163.
- Щеглова Т.К. Новое – не забытое старое: «устная история» в совместной деятельности Алтайского отделения ВНО и АГКМ по изучению памяти о революциях и гражданской войне на Алтае в 1960-е годы // Новое краеведение. Место и роль музеев в социокультурном пространстве России: материалы Всероссийской (с международным участием) науч.-практ. конф. Барнаул, 26–28 июня 2023 г. Барнаул: Азбука, 2023б. С. 391–398.
- Щеглова Т.К., Дрожецкий Д.А. Устная история (oral history) в российской исторической практике 1920–1930-х гг.: к дискуссии о понятии и времени возникновения устной истории // Изв. Алт. гос. ун-та. 2014. № 4–2 (84). С. 254–260.

REFERENCES

- Assmann A. (2014). Long shadow of the past: memorial culture and historical politics. Moscow, Novoe lit. obozrenie, 323 p. (In Russ.)
- Baiburin A., Kelly K. (2018). The Brezhnev era in anthropological retrospective. *Antropologicheskii forum*, no. 37, pp. 11–19. (In Russ.)
- Fabrika Yu.A. (2003). Military scientific society. *Novosibirsk: entsiklopediya*. Novosibirsk, Novosib. kn. izd-vo, p. 158. (In Russ.)
- Fabrika Yu.A. (1999). To serve your people: (to the 70th anniversary of the Novosibirsk District House of Officers). Novosibirsk, 145 p. (In Russ.)

Ilizarov B.S. (1985). The role of retrospective social information in the formation of public consciousness. *Voprosy filosofii*, no. 8, pp. 60–65. (In Russ.)

Kaminskaya T.L. (2019). Modern communicative practices in the process of commemoration. *Kommunikativnye issledovaniya*, vol. 6, no. 2, pp. 280–291. (In Russ.)

Kuznetsova N.P., Surinov V.M. (1980). “Oral history” in the practice of foreign archives and scientific institutions. *Sovetskie arkhivy*, no. 1, pp. 73–76. (In Russ.)

Shcheglova T. K. (2017). The formation and development of Russian oral history in 1980–2010 in the context of the socio-political and scientific life of Russia and in comparison with international traditions of oral history. *Ustnaya istoriya v sovremennoy issledovatel'skoy praktike na postsovetskom prostranstve: sb. nauch. st.: XII Kongress antropologov i etnografov Rossii (Izhevsk, 02–06 iyulya 2017 g.)*. Barnaul, pp. 60–106. (In Russ.)

Shcheglova T.K. (2023a). “Local historians-initiators in the study of the history of events”: Chairman of the Altai branch of the Military Scientific Society, Major General Mikhail Titovich Karnachev in the social movement of the Altai Territory in the 1950s–1980s. *Aktual'nye voprosy istorii Sibiri: Chetyrnadtsatye nauch. chteniya pamyati prof. A.P. Borodavkina (Barnaul, 06–07 okt. 2023 g.): sb. nauch. st.* Barnaul, pp. 154–162. (In Russ.)

Shcheglova T.K. (2023b). The new is not the forgotten old: “oral history” in the joint activities of the Altai branch of the Military Scientific Society and Altai State Museum of Local Lore to study the memory of revolutions and the Civil War in Altai in the 1960s. *Novoe kraevedenie. Mesto i rol' muzeev v sotsiokul'turnom prostranstve Rossii: materialy Vseros. (s mezhdunar. uchastiem) nauch.-prakt. konf. (Barnaul, 26–28 iyunya 2023 g.)*. Barnaul, pp. 391–398. (In Russ.)

Shcheglova T.K., Drozhetsky D.A. (2014). Oral history in Russian historic research of the 1920s–1930s: discussion of the concept of “oral history” and the time of its origin. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4–2, pp. 254–260. (In Russ.)

Soskin V.L., Ostashko T.N. (1974). From the experience of collecting memories of representatives of the Soviet intelligentsia of Siberia. *Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1973 g.* Moscow, pp. 341–343. (In Russ.)

Zhuravlev S.V. (ed.). (2015). The contribution of scientists-historians to the preservation of the historical memory of the war: based on the materials from the Commission on the History of the Great Patriotic War of the USSR Academy of Sciences, 1941–1945. Moscow, Saint Petersburg, Tsentr gumanitar. initsiativ, 381 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 02.02.2024

Дата рецензирования 26.02.2024

Статья принята к публикации 11.03.2024

DOI: 10.15372/HSS20240207
УДК 94+572(571.150)"195/196"
EDN: QDNIKZ

А.В. РЫКОВ, И.Ю. АКСЕНОВА

**«НИ ТЫ ИХ ТУДА ВЕШАЛ, НИ ТЕБЕ ИХ СНИМАТЬ»:
СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
В РАМКАХ БОРЬБЫ С ИКОНАМИ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ В 1950–1960-х гг.***

¹Алтайский государственный педагогический университет,
РФ, 656031, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55

²Новосибирский государственный университет,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1

Предметом данной статьи являются стратегии поведения сельского населения в рамках антирелигиозной кампании 1950–1960-х гг. Главный акцент авторами сделан на изучение поведения сельского населения Алтайского края в ходе кампании против использования икон в повседневной жизни. В методологическом плане авторы опирались на положения крестьяноведов Т. Шанина и Дж. Скотта. Отношения власти и общества по религиозным вопросам остаются малоизученными в рамках антропологии. Источниками для работы стали справки и отчеты районных органов государственной и партийной власти, а также устные исторические источники. Проведенное исследование позволило установить, что сельское население Алтайского края в 1950–1960-е гг. использовало три основные стратегии поведения: продолжение верующими проведения обрядов с использованием икон в тайне от надзорных органов; открытое противостояние представителям власти; полное подчинение требованиям властей.

Ключевые слова: стратегии поведения, взаимоотношения власти и общества, антирелигиозная кампания, борьба с иконами, 1950–1960-е гг., Алтайский край.

Для цитирования: Рыков А.В., Аксенова И.Ю. «Ни ты их туда вешал, ни тебе их снимать»: стратегии поведения сельского населения в рамках борьбы с иконами в Алтайском крае в 1950–1960-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2024. Т. 31, № 2. С. 51–58. DOI: 10.15372/HSS20240207

¹A.V. RYKOV, ²I.Yu. AKSENOVA

**“YOU DIDN’T PUT THEM THERE, YOU ARE NOT THE ONE TO REMOVE THEM”:
STRATEGIES OF BEHAVIOR OF THE RURAL POPULATION
WITHIN THE FRAMEWORK OF THE FIGHT AGAINST ICONS IN THE ALTAI KRAI
IN THE 1950s–1960s**

¹Altai State Pedagogical University,
55, Molodezhnaya Str., Barnaul, 656031, Russian Federation

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01443, <https://rscf.ru/project/23-28-01443/>.

Алексей Викторович Рыков – канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры отечественной истории, Алтайский государственный педагогический университет, e-mail: avrykov@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5051-3849>.

Ирина Юрьевна Аксенова – младший научный сотрудник, преподаватель, Центр непрерывного образования Гуманитарного института Новосибирского государственного университета, e-mail: a_history@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7831-7815>.

Alexey V. Rykov – Candidate of Historical Sciences, Assistant of the Department of National history at Altai State Pedagogical University.

Irina Yu. Aksenova – Junior Researcher, Lecturer at the Continuing Education Center of the Institute of Humanities of the Novosibirsk State University.

The article discusses the strategies of behavior of the rural population within the period of the anti-religious campaign from the 1950s to the 1960s in the Altai Territory using the example of the iconoclasm. There are significant differences between the strategies that were used by authorities and society in different periods of existence of the Soviet state as well as in the relationship between the authorities and society concerning religious issues. Due to the wideness of these relations, the main emphasis is placed on the consideration of the process of iconoclasm among the population. The methodological basis of the study was made by peasant scholars T. Shanin and J. Scott. They consider the process of building relations between the authorities and the traditional peasantry. From the authors' point of view, the behavioral patterns of the peasantry in the 1950s and the 1960s related with religion mainly remained within the old tradition. In modern historiography, the "view from below" in the relations between the authorities and society on religious issues remains poorly studied, despite the significant potential of regional subjects in this regard. The source base of research is archival materials from the Altai Krai State Archives, which were presented by references and reports of district bodies of state and party power, as well as oral historical sources and field materials collected during historical and ethnographic expeditions of the Altai State Pedagogical University. The article's conclusion is that the rural population of the Altai Krai used three main strategies during the 1950s and the 1960s. The most common practice was for believers to continue performing ceremonies using icons in secrecy from the supervisory authorities, which aligned with the traditional peasant worldview. Other identified strategies were open opposition to those in authority and complete submission to the demands of the authorities to stop the use of icons in everyday life. The traditional peasant mentality led to a decrease in the popularity of these strategies.

Key words: behavioral strategies, relations between the authorities and society, anti-religious campaign, iconoclasm, 1950s–1960s, Altai Krai.

ВВЕДЕНИЕ

Взаимоотношения власти и сельского общества в области религии являлись крайне непростыми на протяжении всего периода существования советского государства. Их отношения, а также стратегии поведения, используемые как властью, так и обществом в разные периоды, имели значительные отличия. В данной статье авторов интересует, какие стратегии поведения использовало сельское население Алтайского края в рамках антирелигиозной кампании 1950–1960-х гг. Основной акцент сделан на освещении хода борьбы против использования икон населением.

Предметом внимания авторов стали стратегии поведения крестьянства, в качестве методологической основы исследования используются положения, изложенные в работах крестьяноведов Т. Шанина [1992а, б], Дж. Скотта [1992]. С их позиций, крестьянство рассматривается как категория, подчиненная властным органам политически, культурно и экономически. Причем такое подчинение сопряжено с мерами самозащиты крестьян – как «оружие слабых» используются саботаж, уклонение, бойкот и т.д. [Шанин, 1992б, с. 13]. Позицию Т. Шанина в своей работе развивает Дж. Скотт [Скотт, 1992, с. 285–287]. Согласно их парадигме, поведение крестьянства во многом обусловлено традиционными установками, которые им передают предыдущие поколения [Шанин, 1992б, с. 12–13]. Кроме того, важно учитывать, что жизнь в небольшой сельской общности, «особенности существования, социальная структура и сознание связаны и взаимозависимы» [Шанин, 1992б, с. 12]. В связи с этим при характеристике стратегий поведения важно учитывать также традиционное мировоззрение, которое частично сохранилось у сельских жителей в рассматриваемый период.

По мнению авторов статьи, указанные теоретические положения, относимые, прежде всего, к традиционному крестьянству, вполне применимы для описания стратегий поведения сельского населения Алтайского края в 1950–1960-е гг. Несмотря на процесс раскрестьянивания, поведенческие стратегии, связанные с духовной составляющей, оставались в течение рассматриваемого периода в высокой степени сохраненными. К тому же крестьяне, воспитанные в парадигме традиционных ценностей, составляли значительную (хоть и старших возрастов) долю в сельском населении региона.

Хронологические рамки исследования определяются, прежде всего, изменившейся политикой государства в отношении верующих. Период 1950–1960-х гг. выделяется исследователями как самостоятельный вследствие проводимой в то время активной антирелигиозной кампании. Несмотря на то, что цели государства оставались во многом прежними, сами методы, применяемые для их достижения, значительно изменились.

Разными аспектами рассматриваемой темы занимались историки, антропологи и этнографы. Исследователи – историки интересовались некоторыми аспектами государственной религиозной политики в разных регионах Сибири – П.К. Дашковский, Н.П. Зиберт [2020], Н.С. Дворянчикова [2015, 2022]; антирелигиозные практики в регионах освещали А.В. Горбатова [2008], Л.И. Сосковец [2013]; с позиций исторической психологии И.С. Кузнецовым анализировались стратегии поведения сибирских крестьян, но в более ранний период – в 1920-е гг. [2001].

Изучаются с 1990-х этнографами вопросы почитания икон в повседневной и праздничной жизни крестьян. Об использовании икон в обрядах жизненного

цикла, различных событиях жизни крестьян писали Т.А. Листова [2001а; 2001б], Т.С. Макашина [2001], С.А. Иникова [2001], и др. Сохранение икон и включение их в обрядовые практики во второй половине XX в. отмечала Л.А. Тульцева [2001].

Исследования М.В. Васехи посвящены рассмотрению различных сторон проведения антирелигиозной работы среди женского населения на сибирских материалах [Васеха, 2021]. Исследования Г.В. Любимовой посвящены бытованию православной иконы в Сибири (исторический аспект) [Любимова, 2007б], а также вопросам восприятия иконы в XX–XXI вв. в условиях стремительных изменений окружающей среды (на сибирских материалах) [Любимова, 2007а]. Л.Б. Матхеевой анализируется почитание икон у семейских Забайкалья [Матхеева, 2002].

В коллективной монографии «Семья и семейный быт украинского сельского населения Западной Сибири в конце XIX – XX веке» [2017] авторами отмечаются факты присутствия (отсутствия) икон в семейно-бытовой, календарной, свадебной, похоронной обрядности у жителей Алтайского края. Важное значение для разработки данной темы имеют работы исследователей-гендерологов, в частности Н. Киценко [Киценко, 2012]. Отношение к иконам в послевоенные годы освещается в разделе коллективной монографии исследователей ИЭА РАН [Листова, 2021], а также в отдельных статьях [Листова, 2009; Шляхтина, 2009]. Самостоятельный пласт исследований представляют работы К.В. Цеханской [1998, 2004], посвященные иконам и иконопочитанию в традиционной культуре.

Таким образом, взаимоотношения власти и сельского общества Алтайского края по религиозным вопросам в 1950–1960-е гг. изучались в основном с позиций реализации государственной политики. Отношение сельского населения к поднятой нами проблеме остается малоизученным.

Источниковой базой исследования послужили, во-первых, архивные материалы из Государственного архива Алтайского края из фонда П-1 «Алтайский краевой комитет КПСС»: это справки и отчеты районных органов государственной и партийной власти, собранные краевым комитетом в 1964–1965 гг. – в период очередной смены государственной политики в религиозной сфере. Во-вторых, использованы устные исторические источники, собранные во время историко-этнографических экспедиций АлтГПУ. В работе также анализируются материалы из личного полевого архива И.Ю. Аксеновой.

СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В ХОДЕ АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ КАМПАНИИ (НА ПРИМЕРЕ БОРЬБЫ С ИКОНАМИ)

Несмотря на длительный период борьбы с церковью, проведение массовой антирелигиозной пропаганды, уровень религиозности населения в сельской местности в 1950–1960-е гг. оставался на достаточно высоком уровне. Это подтверждают как данные офи-

циальных документов, так и воспоминания респондентов. Опираясь на материалы отчетов о проведении атеистического воспитания среди населения, в которых особое внимание уделялось характеристике религиозности местного населения, приведем несколько примеров. В Топчихинском районе было всего выявлено 1502 верующих¹, в Благовещенском районе – около 800 чел.² В отдельных населенных пунктах эта доля была еще выше. Так, в с. Мало-Угренево Бийского района из общей численности населения в 1409 чел. верующих было 204 чел.³

Данные отчеты, составленные по результатам проверок в 1964–1965 гг., позволяют также сделать вывод о степени распространенности икон у населения. В Бийском районе из 1766 обследованных семей иконы были выявлены у 748. Больше всего икон имелось у семей в селах Сростки, Мало-Угренево и Верх-Катунское⁴. В Тюменцевском районе местным партактивом посещено 595 квартир, иконы выявлены в 269 квартирах⁵.

Проведение таких проверок было связано с усилением антирелигиозной работы среди населения. Для этого использовались разные меры. В официальных отчетах акцент сделан на разъяснительной работе среди сельского населения. Согласно информации идеологического отдела Родинского парткома от декабря 1964 г. местными партийными организациями за каждым верующим были закреплены агитаторы для проведения индивидуальной работы. Кроме того, с коммунистами, которые имели иконы, «состоялся разговор на партийных собраниях»⁶.

По рассказам респондентов, ситуация была несколько иной. Они отмечают использование местными властями разных способов воздействия на верующих. Чаще всего упоминаются угрозы, связанные с отказом подключения электричества или выплаты пенсии. Так, З.С. Жилинкова, 1937 г.р., вспоминает: «А так притесняли: ага, у тебя иконы в доме?! Когда свет начали проводить. Тебе свету не будет, пока иконы не выбросишь»⁷. Также Ю.А. Истомин, 1941 г.р., рассказывает: «Раз сказали, кто дома икону держит, тому пенсию платить не будут»⁸. Однако о фактах реализации данных угроз респонденты не упоминают. Вероятно, угрозы существовали только на уровне разговоров.

В этих условиях сельское население было вынуждено выстраивать разные стратегии взаимодействия с представителями власти, которые реализовывали

¹ Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф.П-1. Оп. 117. Д. 70. Л. 177.

² Там же. Л. 96.

³ Там же. Л. 82.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 115.

⁶ Там же. Л. 118.

⁷ Полевые материалы И.Ю. Аксеновой, 2022 г.: Краснощековский район, с. Новошипуново. Жилинкова Зоя Семеновна, 1937 г.р.

⁸ Полевые материалы И.Ю. Аксеновой, 2017 г.: Усть-Пристанский район, с. Коробейниково. Истомин Юрий Александрович, 1941 г.р.

установки государства, направленные на снижение религиозности населения. По воспоминаниям респондентов и материалам архивных документов, основную работу по проверке наличия икон выполняли представители местных советов, комитетов партии, общественных организаций. Согласно данным отчета партийного комитета Топчихинского производственного управления, подворные обходы населения проводились силами партийно-советского актива, пропагандистов и агитаторов⁹.

Можно выделить три основные стратегии поведения сельского населения в данных условиях: борьба за возможность иметь икону дома; сокрытие наличия иконы в доме и тайное продолжение отправления обрядов; подчинение представителям органов власти с прекращением проведения религиозных обрядов.

Первая стратегия не являлась основной, она не была характерной для крестьянства как социальной группы. Подчиненное положение крестьянства не позволяло открыто противостоять представителям властей. Лишь в отдельных случаях крестьянам удавалось отстаивать свои права. В оценке таких действий крестьян авторы статьи солидарны с точкой зрения Дж. Скотта, считающего, что отказ от пассивного сопротивления и переход к активным действиям – «это всегда крайнее отчаяние» [Скотт, 1992, с. 286]. Решимость со стороны крестьян показывает место религии в целом и икон в частности в повседневной жизни сельского населения рассматриваемого периода.

Яркое воспоминание о подобном случае оставила Е.М. Зинякова: «Я помню к нам пришли, а у мамы иконы хорошие, старинные <...> надо снять, а мама берет скалку: “Да вы мне еще и за иконы, да я вам руки потломаю”. <...> Но не сняли, ну вот так, кто...бросали иконы, боялись, ну кто принесет, стали собирать...»¹⁰.

Главная мотивация открытого противодействия крестьян может быть выражена в фразе респондентов: «Ни ты их туда вешал, ни тебе их снимать». Непосредственными владельцами икон она использовалась, чтобы подтвердить, что согласно традиции, иконы находятся на своем месте. Логика респондентов основывалась на традиционных представлениях о месте иконы в жизни крестьянской семьи: икона была помещена «на свое место» еще прежними поколениями, и ни у кого нет права убирать ее оттуда. Респондент М.А. Костина рассказывает: «Партийные все ходили. То вот идут: “Убирайте иконы”. <...> А мама как раз у нас боялась, живая еще была. Забоялась, заплакала и ушла. Я говорю: “Вон дверь – идите. Ни вами она поставлена, ни вами снимется. Давайте, матайте отсюдова”. Ушли»¹¹.

Более мягким вариантом противодействия представителям власти в их попытках заставить убрать ико-

ны было использование «отговорок» со сходным смыслом и содержанием. По рассказам респондентов в ряде случаев представители младшего поколения семьи применяли их для пояснения ситуации представителям органов власти. По мнению авторов, здесь не следует искать попыток перекалывания ответственности. Скорее всего, данные ситуации являются примером сохранявшейся семейной иерархии, характерной для традиционного поведения крестьян. М.Т. Дегилева вспоминала: «Да, конечно. Боялись. У Зои Григорьевны, вон, пришли двое. У нее муж работал главным агрономом в совхозе. Увидели иконы, говорят: “Ты коммунист. Убери эти иконы, чтобы их не было”. “Я их не ставил. Кто ставит, тот уберет, а не уберет, я не хозяин”. Убрали, хранили несколько лет, пока это все не устроилось»¹².

К самым редким случаям проявления открытого противодействия представителям общественности следует отнести выражение несогласия на общественном собрании. Приведем любопытное воспоминание Н.П. Щаповой об открытом заявлении мужчины по поводу наличия икон в его доме, использующего этот факт в качестве аргумента о нежелании вступать в партию. «Собрание было. Посадили нас, сперва прочитали нам закон-то, потом началось. Давай подряд: почему не встаешь в партию? И вот до Черникова Николая дошли, он – “каку партию? У меня ж иконы висят!” – “А почему висят? Щас же сбросил эти иконы!” – “Я, гыг, их не весил и сбрасывать не буду”»¹³.

Второй стратегией верующих сельских жителей в условиях давления со стороны властей было сохранение икон для отправления ритуалов с их тайным использованием. Данная стратегия – проявление «оружия слабых»; охарактеризованная Дж. Скоттом, она, по сути, представляла собой форму повседневного крестьянского сопротивления, обусловленную адаптацией к тем условиям, которые устанавливало государство [Скотт, 1992, с. 285].

Анализ рассказов респондентов позволяет сделать вывод о том, что данная стратегия была самой распространенной. Ю.А. Истомин вспоминал: «Кто скажет, если ... в райком ли в партком пожалуется, дознания будут. Были случаи. Дома чтоб икон не было, ну а старые люди... отцова мать прожила 97 лет, ну че же ее переубедишь? Она прятала в уголок икону, занавеской занавесит, иконушку, и там она у нее стоит»¹⁴. Л.Н. Скубко рассказывал: «Да ходили по дворам, у кого иконы заставляли убирать, все равно люди, бабушки прятали, молились богу»¹⁵.

¹² Там же. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 1998 г.: Залесовский район, с. Залесово. Дегилева Мария Трофимовна, 1927 г.р.

¹³ Полевые материалы И.Ю. Аксеновой, 2013 г.: Мамонтовский район, с. Островное. Щапова Надежда Петровна, 1937 г.р.

¹⁴ Полевые материалы И.Ю. Аксеновой, 2017 г.: Усть-Пристанский район, с. Коробейниково. Истомин Юрий Александрович, 1941 г.р.

¹⁵ Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2010 г.: Романовский район, с. Закладное. Скубко Леонид Николаевич, 1936 г.р.

⁹ ГААК. Ф.П-1. Оп. 117. Д. 70. Л. 177.

¹⁰ Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2011 г.: Волчихинский район, с. Усть-Волчиха. Зинякова Екатерина Михайловна, 1929 г.р.

¹¹ Там же. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2004 г.: Чарышский район, с. Сентелек. Костина Мария Ануфриевна, 1918 г.р.

Важно отметить, что, по воспоминаниям респондентов, к данной стратегии прибегали даже некоторые представители государственных и партийных органов. По воспоминаниям Е.Ф. Гребневой: «Прятали, у меня вот брат партийный был, так он вообще маленькую икону держал там наверху, а сверху портрет какой-нибудь ставил, привлекали за это, особенно партийных»¹⁶.

Непосредственным следствием данной стратегии была организация совместных тайных молений, которые еще больше распространяются в данное время. Подробно об этом рассказала Г.Я. Рукина. Особый интерес ее воспоминания имеют потому, что в ее семье произошло разделение по отношению к вере и соответственно содержанию икон в доме: «Мама эту икону в кладовочке хранила, не было у нас в доме красного угла, а у бабушки было много: большие деревянные иконы <...> и собирались как-то у бабушки молиться вечерами. И у бабушки поэтому, чтобы люди не видели и не выдали властям, что там молятся, у нее... вот... ну, тогда как... подшторнички были, задербушечки <...> задергиваешь и не видно, что горит лампа»¹⁷.

Еще одним следствием данной стратегии было продолжение использования икон для отправления ритуалов. По опросам информантов, фиксируется, что при проведении уборки к Пасхе, в первую очередь, мыли божницы, «обновляли» иконы. «В первую очередь божницы мыли <...> А икона-то была – фальга-то была вот как... венчик! Она к Паске ее натрет так эту фальгу-то, так все говорили: “Ооо! У Натальи икона обновилась”»¹⁸.

Распространенной практикой было освящение пасхальных куличей (пасок) «на дому» с использованием икон, свечей, лампад во время всенощной службы. Приведем воспоминание М.А. Проценко из ее детства об участии в освещении пасок: «Наши бабушки обычно собирались: человек 10–12 женщин. В с. Сибиряке (от Борового 3 км) с вечера и начинали читать божественные книги. Это было перед Пасхой. Даже я читала сама»¹⁹.

В некоторых старожиловских семьях кулич устанавливался около иконы с Пасхи до родительского дня [Аксенова, 2015, с. 67]. Аналогичные воспоминания информантов относятся и к другим праздникам: так, за икону клали ветки вербы на Вербное Воскресенье, березы на Троицу и т.д.

Сложнее ситуации возникали в многопоколенных семьях. Нередко члены такой семьи в силу принадлежности к разным поколениям и убеждениям имели противоположные взгляды на религию и наличие икон в доме. Верующим прятаться не только приходилось от представителей органов власти и общественности,

но и искать компромиссы с членами своей же семьи. Ярким примером сказанного являются воспоминания Е.И. Мишиной: «Дед на колени утром и вечером садился молился. Отец пришел и сказал, все иконы убрать на чердак. Дед умопомрачился, как так? А тут убрали большие иконы (под стеклом были цветы). Маленькую поставили на полку, закрыли занавеской, деду откроет, помолится и закроет»²⁰.

Третьей стратегией было подчинение представителям органов власти с прекращением исполнения религиозных обрядов. Как отмечено в работах Т. Шанина, крестьянство является категорией, подчиненной властным органам политически, культурно и экономически. Следовательно, одним из вариантов этого подчинения могло быть и полное соблюдение запретов, установленных властью.

Данные о такого рода случаях в большом количестве присутствуют в официальных отчетах об антирелигиозной пропаганде, подчеркивающих успешность данной политики. В частности, в докладе идеологического отдела родинского парткома от декабря 1964 г. сообщается: «В партийной организации Даниловского совхоза было выявлено 9 человек верующих, в колхозе «Рассвет» в 32 домах имелись иконы. Партийные организации закрепили за каждым верующим для индивидуальной работы агитаторов. А с коммунистами, в домах которых есть иконы, состоялся разговор на партийных собраниях. Такой метод работы оказался эффективным. Почти все коммунисты сняли иконы»²¹.

Отдельные случаи указанной стратегии отмечены и в рассказах респондентов. На самом деле сельские жители крайне редко полностью отказывались от использования икон в повседневной практике. Значительно сложнее сделать это было представителям старшего поколения, для которых икона как непосредственный символ православной веры являлась неотъемлемой частью повседневной жизни. Г.Ф. Самохвалова вспоминает: «Женсоветы собирали и ходят по дворам, то учеников проверяют как учатся. А у меня иконка висела. Вот она в душу: “Сними, убери иконку”, и все. Что ж не жалко <...> Ну а потом Коля уже в комсомол поступил. “Мама, убери!” Ну не ругаться, а то будут все смеяться, тогда что ты, Бога совсем провернули. Я ее спрятала в шифоньер, поставила»²². Н.И. Коваленко в своем воспоминании отмечала, что запреты действовали преимущественно на молодых, а старшее поколение фактически им не подчинялось: «Ну мы – то этого выполняли, что они нам говорили, а старые-то ведь нет. Ну старые, как они верили, так и верили. Как висела в уголку икона, так она и висела»²³.

¹⁶ Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2005 г.: Шелаболихинский район, с. Макарово. Гребнева Евдокия Федоровна, 1926 г.р.

¹⁷ Там же. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2019 г.: Курьинский район, с. Казанцево. Рукина Галина Яковлевна, 1946 г.р.

¹⁸ Полевые материалы Аксеновой И.Ю. 2013 г.: Мамотнговский район, с. Островное. Щапова Надежда Петровна, 1937 г.р.

¹⁹ Полевые материалы И.Ю. Аксеновой, 2016 г.: Крутихинский район, с. Крутиха. Проценко Мария Акимовна, 1947 г.р.

²⁰ Полевые материалы И.Ю. Аксеновой, 2016 г.: Шипуновский район, с. Кособокое. Мишина Екатерина Ивановна, 1927 г.р.

²¹ ГААК. Ф.П-1. Оп. 117. Д. 70. Л. 118.

²² Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2011 г.: Волчихинский район, с. Пятков Лог. Самохвалова Галина Федоровна, 1928 г.р.

²³ Там же. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2008 г.: Поспелихинский район, с. Калмыцкие Мысы. Коваленко Нина Ивановна, 1922 г.р.

В рамках этой стратегии некоторые сельские жители старались максимально дистанцироваться от религиозности, следовать установленным властью нормам. Н.М. Сапронова отмечала, что даже во внутрисемейных разговорах тема религии никак не поднималась: «У нас икон не было абсолютно [с. Качусово]. И я никогда не слышала, чтобы мама говорила про Бога, про веру. Я часто находилась у бабы Ули и бабы Ани, я у них никогда не видела икону»²⁴.

Постепенно сакральное значение красного угла размывается, происходят изменения в отношении представителей младшего поколения к этому особому месту [Аксенова, 2023, с. 44–45].

Одной из главных причин выбора данной стратегии являлось участие в работе государственных, партийных и общественных органов. Представители этих сфер подвергались и более тщательному контролю со стороны властных органов, должны были полностью соответствовать своему статусу, поэтому, по мнению опрошенных сельских жителей, именно они находились под самым жестким контролем. Вместе с тем этот факт облегчал ситуацию для обычных сельских жителей. Так, В.З. Дряпчико вспоминает: «У нее [соседки] иконка весела в спальне (не в переднем углу и не в красном углу). А у них спаленка была, тумбочка стояла и в углу за занавесочкой. Вот там стояла иконочка. Вот так держали иконы коммунисты <...>. Мы не прятали. К нам никто не ходил»²⁵. В.Г. Комарова, в своем воспоминании подробно останавливается на мерах, которые применялись к членам партий, продолжавшим исполнять определенные религиозные обряды: «Боже избавь тогда, ох, какие иконы были. Муж был коммунист. Что вы, что вы! У нас даже дети не крещенные были, не разрешали»²⁶.

Следует отметить, что в некоторых случаях, по рассказам респондентов, сами представители власти и общественности могли снисходительно относиться к наличию икон в домах сельских жителей. М.Е. Харлова, 1936 г.р., вспоминала об одной встрече, когда «главный начальник» не возражал против сохранения икон: «Комнатушечка маленькая была и эти иконы были, и начальники приехали и говорят: “Мам, ты хоть взяла бы да сняла их или кого, люди же приезжают ко мне, такие начальники, из-за тебя меня это...”». А этот стоит сам начальник самый главный: “Не бойтесь, не бойтесь, ни ты их туда вешал, ни тебе их снимать”. Вот так вот сказал, и больше ни че, и так бабушка с иконами была»²⁷. По рассказу П.И. Горбенко, встреча с представителями райкома закончилась благополучно, потому что с ними жила бабушка, ко-

торая этим иконам молилась: «Иконы тоже запрящали, но иконы были, потому что у нас жила бабушка. Приезжают с райкома: О! У вас еще иконы! – У нас есть бабушка»²⁸.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, исследование показало, что в условиях усиления антирелигиозной политики со стороны государства сельское население Алтайского края в 1950–1960-е гг. использовало три основные стратегии поведения. Наиболее распространенной из них было продолжение верующими проведения обрядов с использованием икон в тайне от надзорных органов. Данная стратегия укладывается в рамки традиционного крестьянского мировоззрения, которое было направлено на поиск альтернативных мирных путей решения данной проблемы, а также являлось проявлением использованием «оружия слабых». Гораздо менее распространенными были стратегии как открытого противодействия представителям власти, заставлявшим сельских жителей убирать иконы, так и полного подчинения требованиям властей и порывания с обычаем использования икон в повседневной жизни. Это объясняется тем, что крестьянство в рамках традиционной культуры и сложившегося менталитета не стремилось к открытой борьбе с государством за свои права, но также не было готово (особенно представители старшего поколения) окончательно порвать с таким символом традиционной веры, как икона. Такое поведение прослеживается и в процессе подготовки к большим календарным праздникам (омовение икон, приготовление красного угла, закладывание за икону куличей и пр., использованию иконы в освящении «пасок» (в домашних собраниях, на всенощную службу). Полный отказ от использования икон в повседневном быту информанты связывают, прежде всего, с представителями молодого поколения, которые нередко являлись членами партии, сотрудниками государственных и общественных организаций и находились под более пристальным контролем этих организаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аксенова И.Ю. Пасхальные традиции у потомков старожилов и южнорусских переселенцев Алтая в середине XX – начале XXI века // *Этнография Алтая и сопредельных территорий*. Барнаул: АлтГПА, 2015. Вып. 9. С. 66–74.

Аксенова И.Ю. Календарная обрядность восточнославянского населения Алтайского края в 1940-х–1960-х гг. как результат трансформации этнокультурного самосознания // *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. 2023. № 4(66). С. 42–53.

Васеха М.В. Антирелигиозная работа с женщинами в 1920-е годы и процессы феминизации Русской православной церкви (на сибирских материалах) // *Том. журн. лингвистических и антропологических исследований*. 2021. № 3(33). С. 105–117.

²⁸ Полевые материалы И.Ю. Аксеновой, 2014 г.: Шипуновский район, с. Первомайск. Горбенко Прасковья Ивановна, 1929 г.р.

²⁴ Полевые материалы И.Ю. Аксеновой, 2024 г.: Шипуновский район, с. Суслово. Сапронова Надежда Михайловна, 1950 г.р.

²⁵ Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013 г.: Егорьевский район, с. Шубинка. Дряпчико Валентина Захаровна, 1933 г.р.

²⁶ Там же. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013 г.: Егорьевский район, с. Малая Шелковка. Комарова Валентина Григорьевна, 1937 г.р.

²⁷ Там же. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2015 г.: Краснощековский район, с. Усть-Козлуха. Харлова Мария Евдокимовна, 1936 г.р.

Горбатов А.В. Государство и религиозные организации Сибири в 1940–1960-е гг. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2008. 408 с.

Дашковский П.К., Дворянчикова Н.С. Региональные аспекты атеистической пропаганды в Алтайском крае в 1953–1964 гг. // Религиоведение. 2015. № 4. С. 43–51.

Дашковский П.К., Дворянчикова Н.С. Советская и российская государственно-конфессиональная политика на юге Западной Сибири. Барнаул: Из-во Алт. ун-та, 2022. 153 с.

Дашковский, П.К., Зиберт Н.П. Государственно-конфессиональная политика на юге Западной Сибири в конце 1917 – середине 1960-х гг. Барнаул: Из-во Алт. ун-та, 2020. 140 с.

Иникова С.А. Почитание святителя Николая Чудотворца в русской народной традиции // Православие и традиционная народная культура Рязанской области. Рязань. 2001. С. 127–141.

Киценко Н. Исповедь в советское время // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2012. Т. 30, № 3–4. С. 10–33.

Кузнецов И.С. На пути к «Великому перелому». Люди и нравы сибирской деревни 1920-х гг.: (Психонисторические очерки). Новосибирск, 2001. 233 с.

Листова Т.А. Обряды и обычаи, связанные с рождением и воспитанием детей // Русский Север. Этническая история и народная культура XII–XX века. М., 2001а. С. 575–660.

Листова Т.А. Религиозно-нравственное отношение к деторождению в русской семье // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX веков. М., 2001б. С. 36–52.

Листова Т.А. Православная атрибутика в русской народной культуре // Очерки русской народной культуры. М., 2009. С. 575–614.

Листова Т.А. Меняющийся мир православия // Границы советского традиционализма: из опыта русского народа в XX веке. М.: Алетей, 2021. С. 187–215.

Любимова Г.В. Икона и телевизор: народно-православные и старообрядческие традиции Сибири в меняющихся условиях современного мира (XX – начало XXI вв.) // Этносоциальные процессы в Сибири. Новосибирск: Сибирское Научное Издательство, 2007а. С. 202–205. Вып. 8.

Любимова Г.В. Православная икона в Сибири // Сибирь. Атлас Азиатской России. Новосибирск-Москва: Феория, 2007б. С. 816–817.

Макашина Т.С. Свадебный обряд // Русский Север. Этническая история и народная культура. XII–XX века. М., 2001. С. 473–574.

Маткеева Л.Б. Почитание икон у семейских Забайкалья // Живая старина. 2002. № 3. С. 20–25.

Семья и семейный быт украинского сельского населения Западной Сибири в конце XIX–XX века / Н.С. Грибанова, И.В. Чернова, Н.В. Люля, А.С. Свидовская. Барнаул: АлтГПУ, 2017. 306 с.

Скотт Дж. Оружие слабых: повседневное сопротивление и его значение // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. М.: Прогресс – Прогресс-Академия, 1992. С. 285–287.

Сосковец Л.И. Антирелигиозные практики советского государства: цели, структура, этапы, средства // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопр. теории и практики. 2013. № 9/2 (35). С. 178–182.

Тулъцева Л.А. Рязанский месяцеслов. Рязань, 2001. 279 с.

Цеханская К.В. Икона в жизни русского народа. М.: Паломник, 1998. 317 с.

Цеханская К.В. Иконопочитание в русской традиционной культуре. М., 2004. 254 с.

Шанин Т. Крестьянство как политический фактор // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. М.: Прогресс – Прогресс-Академия, 1992а. С. 269–278.

Шанин Т. Понятие крестьянства // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. М.: Прогресс – Прогресс-Академия, 1992б. С. 8–20.

Шляхтина Н.В. Отражение религиозного сознания в оформлении жилого пространства современных православных семей // Очерки русской народной культуры. М., 2009. С. 615–654.

REFERENCES

Aksenova I.Yu. (2015). Easter traditions among the descendants of old-timers and South Russian settlers of Altai in the mid-20th – early 21st centuries. *Etnografiya Altaya i sopredel'nykh territoriy: materialy 9-y Mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 25-letiyu Tsentra ustnoy istorii i etnografii Laboratorii istoricheskogo kraevedeniya Alt. gos. ped. un-ta* (Barnaul, 28–30 okt. 2015 g.). Barnaul, iss. 9, pp. 66–74. (In Russ.)

Aksenova I.Yu. (2023). Calendrical rites of the East Slavic population of the Altai Territory in the 1940s – 1960s as a result of transformation of ethnocultural identity. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, no. 4, pp. 42–53. (In Russ.)

Dashkovsky P.K., Dvoryanchikova N.S. (2015). Regional aspects of atheistic propaganda in the Altai Territory in 1953–1964. *Religiovedenie*, no. 4, pp. 43–51. (In Russ.)

Dashkovsky P.K., Dvoryanchikova N.S. (2022). Soviet and Russian state-confessional policy in the south of Western Siberia. Barnaul, Izd-vo Alt. gos. un-ta, 152 p. (In Russ.)

Dashkovsky P.K., Zibert N.P. (2020). The state-confessional policy in the south of Western Siberia at the end of 1917 – mid-1960s. Barnaul, Izd-vo Alt. gos. un-ta, 140 p. (In Russ.)

Gorbatov A.V. (2008). The state and religious organizations of Siberia in the 1940s–1960s. Tomsk, Izd-vo TGPU, 406 p. (In Russ.)

Gribanova N.S., Chernova I.V., Lyulya N.V., Svidovskaya A.S. (2017). Family and family life of the Ukrainian rural population of Western Siberia at the end of the 19th – 20th centuries. Barnaul, Alt. gos. ped. un-t, 305 p. (In Russ.)

Inikova S.A. (2001). Veneration of Saint Nicholas the Wonderworker in the Russian folk tradition. *Pravoslavie i traditsionnaya narodnaya kul'tura Ryazanskoy oblasti*. Ryazan, pp. 127–141. (In Russ.)

Kitsenko N. (2012). Eastern Orthodox confession in the Soviet period. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, vol. 30, no. 3/4, pp. 10–33. (In Russ.)

Kuznetsov I.S. (2001). On the way to the “Great Turning Point”. People and customs of the Siberian village of the 1920s: (psychohistorical essays). Novosibirsk, Novosib. gos. un-t, 233 p. (In Russ.)

Listova T.A. (2001a). Rituals and customs associated with the birth and upbringing of children. *Russkiy Sever: etnicheskaya istoriya i narodnaya kul'tura XII–XX veka*. Moscow, pp. 575–660. (In Russ.)

Listova T.A. (2001b). Religious and moral attitude towards childbearing in the Russian family. *Pravoslavnyaya zhizn' russkikh krest'yan ŌĪŌ–ŌŌ vekov*. Moscow, pp. 36–52. (In Russ.)

Listova T.A. (2009). Orthodox paraphernalia in Russian folk culture. *Ocherki russkoy narodnoy kul'tury*. Moscow, pp. 575–614. (In Russ.)

Listova T.A. (2021). The changing world of Orthodoxy. *Granitsy sovetskogo traditsionalizma (iz opyta russkogo naroda v XX veke)*. Saint Petersburg, pp. 187–216. (In Russ.)

Lyubimova G.V. (2007a). Icon and TV: folk Orthodox and Old Believer traditions of Siberia in the changing conditions of the modern world (XX – early XXI centuries). *Etnosotsial'nye protsessy v Sibiri: materialy IX Mezhdunar. seminarov* (Novosibirsk, 29–30 iyunya 2007 g.). Novosibirsk, iss. 8, pp. 202–205. (In Russ.)

Lyubimova G.V. (2007b). Orthodox icon in Siberia. *Sibir'. Atlas Aziatskoy Rossii*. Novosibirsk, Moscow, pp. 816–817. (In Russ.)

Makashina T.S. (2001). Wedding ceremony. *Russkiy Sever: etnicheskaya istoriya i narodnaya kul'tura XII–XX veka*. Moscow, pp. 473–574. (In Russ.)

Matkheeva L.B. (2002). Veneration of icons among the Semeiskie of Transbaikalia. *Zhivaya starina*, no. 3, pp. 20–24. (In Russ.)

Scott J. (1992). Weapons of the weak: everyday forms of resistance and its significance. *Velikiy neznakomets: krest'yane i fermery v sovremennom mire: khrestomatiya*. Moscow, pp. 285–287. (In Russ.)

Shanin T. (1992a). The peasantry as a political factor. *Velikiy neznakomets: krest'yane i fermery v sovremennom mire: khrestomatiya*. Moscow, pp. 269–278. (In Russ.)

Shanin T. (1992b). The concept of the peasantry. *Velikiy neznakomets: krest'yane i fermery v sovremennom mire: khrestomatiya*. Moscow, pp. 8–20. (In Russ.)

Shlyakhtina N.V. (2009). Reflection of religious consciousness in the design of the living space of modern Orthodox families. *Ocherki russkoy narodnoy kul'tury*. Moscow, pp. 615–654. (In Russ.)

Soskovets L.I. (2013). Anti-religious practices of the Soviet state: goals, structure, stages, means. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, no. 9–2, pp. 178–182. (In Russ.)

Tsehanskaya K.V. (1998). An icon in the life of the Russian people. Moscow, Palomnik, 317 p. (In Russ.)

Tsehanskaya K.V. (2004). Icon veneration in Russian traditional culture. Moscow, In-t etnologii i antropologii RAN, 254 p. (In Russ.)

Tultseva L.A. (2001). Ryazan Orthodox calendar. Ryazan, Ryazan. obl. nauch.-metod. tsentr narod. tvorchestva, 279 p. (In Russ.)

Vasekha M.V. (2021). Anti-religious work with women in the 1920s and the processes of feminization of the Russian Orthodox Church (on Siberian materials). *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy*, no. 3, pp. 105–117. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 05.03.2024

Дата рецензирования 25.03.2024

Статья принята к публикации 11.04.2024

DOI: 10.15372/HSS20240208
УДК 94+394+908(571/1)"195/197"
EDN: NQABXA

¹Е.А. КОЛЯСКИНА, ¹И.А. РУППЕЛЬ, ²Л.А. ЯВНОВА

**ПОЗОРЯЩИЕ НАКАЗАНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ КОММУНИКАЦИИ
ВЛАСТИ И СЕЛЬСКОГО ОБЩЕСТВА НА ЮГЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В 1950–1970-е гг.***

¹Алтайский государственный педагогический университет,
РФ, 656031, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55

²Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет им. В.М. Шукшина,
РФ, 659333, г. Бийск, ул. Владимира Короленко, 53

В статье на основании широкого круга источников проводится анализ практики применения позорящих наказаний в 1950–1970-е гг. в советской деревне юга Западной Сибири как элемента коммуникации власти и сельского общества. Применение позорящих наказаний рассматривается на трех уровнях сельского общества: первичный трудовой коллектив – предприятие/село – район. В отношении членов коммунистической партии эти уровни дублировались в партийных органах. Авторы видят в практике позорящих наказаний проявление «советского традиционализма», попытку использования традиционных общинных представлений и институтов в ходе выстраивания советских общественных организаций в селах – товарищеских судов, советов старейшин и т.д. Эти организации наряду с концертами самодеятельности и агитбригадами, стенной печатью и районными газетами становятся площадками для коммуникации сельского общества и власти, составным элементом которой являлись позорящие наказания как способ обсуждения девиантного поведения.

Ключевые слова: советская деревня, традиционализм, позорящие наказания, обычное право, власть, коммуникация.

Для цитирования: Коляскина Е.А., Руппель И.А., Явнова Л.А. «Позорящие» наказания как элемент коммуникации власти и сельского общества на юге Западной Сибири в 1950–1970-е гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2024. Т. 31, № 2. С. 59–66. DOI: 10.15372/HSS20240208

¹Y.A. KOLYASKINA, ¹I.A. RUPPEL, ²L.A. YAVNOVA

**SHAMING PUNISHMENTS AS PART OF COMMUNICATION
BETWEEN THE AUTHORITIES AND RURAL SOCIETY
IN THE SOUTH OF WESTERN SIBERIA IN THE 1950–1970s**

¹Altai State Pedagogical University,
55, Molodezhnaya Str., Barnaul, 656031, Russian Federation

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках гранта № 23-28-01443 «Сельское общество и власть в 1950-е – середине 1980-х годов: коммуникация и социальная память (на примере регионов Западной Сибири)». URL: <https://rscf.ru/project/23-28-01443/>.

Елена Александровна Коляскина – канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории, ведущий специалист по УМР УНИЛ «Центр устной истории и этнографии» Алтайского государственного педагогического университета, e-mail: istorik8881@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0951-2590>.

Иван Александрович Руппель – аспирант кафедры отечественной истории, ведущий специалист по УМР УНИЛ «Центр устной истории и этнографии» Алтайского государственного педагогического университета, e-mail: rappel99@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-6846-9572>.

Лариса Александровна Явнова – канд. ист. наук, доцент кафедры историко-правовых и социально-гуманитарных дисциплин, Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет, e-mail: lar.javnova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2477-4759>.

Yelena A. Kolyaskina – Candidate of Historical Sciences, Altai State Pedagogical University.

Ivan A. Ruppel – Graduate Student, Altai State Pedagogical University.

Larisa A. Yavnova – Candidate of Historical Sciences, Shukshin Altai State University for Humanities and Pedagogy.

²Shukshin Altai State University for Humanities and Pedagogy,
53, Vladimir Korolenko Str., Biysk, 659333, Russian Federation

The study of traditional elements in the Soviet experience of self-organization and issue resolution within the local rural community is relevant in the light of the ongoing Soviet past reassessment, on the one hand, and in the context of the existing public debate on the interference in the private life of a person on the other. The article analyzes the practice of using shaming punishments in the villages in the south of Western Siberia as part of communication between the authorities and rural society from the 1950s to the 1970s. The customary legal norms of public censure are reconstructed, and their role in the life of Soviet villages is shown. The publication analyzes interviews conducted in the Altai Krai villages, mainly among the East Slavic population, as well as documentary sources and publications in the regional press. A number of conclusions are drawn, including the identification of several social levels of the application of the shaming punishments, which were duplicated in the projection of the party/Komsomol authorities. The authors see a manifestation of Soviet traditionalism in the practice of shameful punishments, an attempt to utilize traditional communal beliefs and institutions in the establishment of Soviet public organizations in selos, such as 'zhensovety' (women's councils), comradeship courts, councils of elders, etc. Along with the rural landscape, amateur performances and 'agitbrigades' (propaganda concert groups), 'placard newspapers' and district newspapers, they become platforms for communication between rural society and the authorities, an integral part of which were shameful punishments as a way to discuss deviant behavior. The preservation of traditional reasons for applying 'disgraceful' punishments, including immoral behavior (drunkenness, adultery) and minor offenses, is noted. They are supplemented by a range of offenses related to the work of villagers (poor performance and quality of work, violation of labor discipline). Verbal or symbolic public censure, i.e. labeling a person with a low reputation status, becomes the main form of shaming punishment.

Key words: Soviet village, traditionalism, shaming punishments, customary law, governance, communication.

ВВЕДЕНИЕ

В современном обществе идет процесс переосмысления традиционного нематериального культурного наследия, усиливается интерес к знакомству с «народными традициями». Обращение к изучению традиционных элементов в советском опыте самоорганизации и самостоятельного решения вопросов в рамках локального сельского сообщества является актуальным в свете происходящего переосмысления советского прошлого, с одной стороны, а с другой – в контексте актуальной общественной дискуссии о контроле частной жизни человека.

К изучению позорящих наказаний в восточнославянской традиции обращались такие этнографы, как М.Н. Харузин [1885], Е.И. Якушкин [1910], П.Н. Зырянов [1974], М.М. Громыко [1986], А.Г. Горин [1990], А.Н. Кушкова [2006], С.В. Кузнецов [2008] и другие, прежде всего в контексте изучения обычного права и сельской общины дореволюционного периода. На материалах русских Сибири народные юридические обычаи рассмотрены в работе И.С. Бреус [2000]. Бытование позорящих наказаний в советской доколхозной деревне затрагивалось С.С. Крюковой в коллективной монографии «Границы советского традиционализма: из опыта русского народа в XX веке» [Кириченко, Листова, Крюкова и др., 2021, с. 334–370], а также в статье Л.А. Явновой [2014] на материалах Алтая. Особо следует отметить публикации Н.Л. Пушкаревой, посвященные позорящим наказаниям для женщин в русском традиционном праве. В коллективной монографии «Бытовое насилие» она отмечает сохранение «традиции» обсуждения (осуждения) адюльтеров в советском обществе и в период хрущевской «оттепели» [Муравьева, Пушкарева 2012, с. 47–8]. В последнее время в междисциплинарном исследовательском поле

появились статьи, касающиеся деятельности товарищеских судов [Глебова, 2021; Иванов и др., 2023]. В настоящее время данная тема является слабо изученной, хотя некоторые нормы и представления о позорящих наказаниях сохраняются и в современной российской культуре.

Цель данного исследования заключается в анализе практики применения позорящих наказаний в 1950–1970-е гг. среди сельского населения юга Западной Сибири как элемента коммуникации власти и сельского общества. «Позорящие», или «устыдительные», наказания считаются частью обычного права, т.е. так называемого традиционного типа соционорматики, которая может сосуществовать с государственной правовой системой [Крюкова, 2003, с. 98]. Их применение в советской деревне исследуемого периода можно рассматривать как проявление советского традиционализма, уловить границы которого пытаются отечественные этнографы в последние годы и определить степень проникновения советскости в традиционное и традиционное в советское [Кириченко, Листова, Крюкова и др., 2021, с. 7–8]. Исходя из сказанного, в задачи данного исследования входит определение площадок/каналов, уровней коммуникации власти и общества, на которых использовались позорящие наказания в 1950–1970-е гг. в селах юга Западной Сибири; выявление сохранности и трансформации традиционных норм и представлений о позорящих наказаниях.

В основу исследования были положены полевые материалы авторского коллектива, собранные в районах Алтайского края, дополненные архивными источниками, включая районную периодическую печать.

Позорящие наказания в традиционной культуре считались бесчестящими, направленными на унижение личности. Они состояли обычно в исполнении над

виновным разных обрядов, которые должны были сделать его посмешищем в глазах общества и вместе с тем причинить ему нравственное страдание через осознание им своего позора. О сохранении данного смысла устыдительных практик в изучаемый период свидетельствуют слова респондентов: «Совет старейшин... Нарушитель стоит перед нами, краснеет и говорит, что самое неудобное, что было – перед Вами стоять»¹; «Ну, скажем, стыдно было, когда на ферме восемьдесят человек и шестьдесят человек в красный уголок зашли и начали Иван Ивановича править. Но я скажу, действовало это»²; «Хотели избавиться от пьяниц, стыдно будет, дак не будет пить»³.

Несмотря на все изменения, которые происходили в советской действительности, обычно-правовое понятие преступления как безнравственного поведения сохранялось. У старшего поколения деревенских жителей оно было связано с представлением о грехе: «Грех – это когда ты поступаешь не по своей совести»⁴; «Воруют они, грешат, негоже так вести себя»⁵. Поэтому аморальное, с точки зрения деревенского общества, поведение также нуждалось в наказании, даже если оно не было запрещено законом. Применение позорящих наказаний в традиционной русской деревне распространялось на область морали (наказания за нецеломудрие и прелюбодеяние), сферу имущественных отношений (наказания за воровство) и некоторые другие, менее «регулярные» области социальных взаимоотношений [Кушкова, 2006, с. 320–334].

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЛАНДШАФТ. САМОСУД

На низовом/сельском уровне встречаются кейсы применения физических наказаний до рубежа 1950–1960-х гг. Так, в с. Тугозвново Шипуновского района сохранились воспоминания о том, что председатель колхоза принародно высек за прогулы загулявшего колхозника: «Председатель у нас был, ох и строгий мужик... Были в колхозе непутевые, которые загуляют, запьют там и не выйдут на работу, он с ними строго старался, но не помогало, постоянно запьют, да не придут. Помню, была весна, началась посевная, и несколько трактористов не вышло в поле, их начали искать мол, где они, а они неспособные работать (пьяные). Ну тогда председатель наш... самого из них прогульщика взял и на лавку перед сельским советом положил... Ну и выпорол бичом прямо перед сельсоветом, народу то сильно много не было, но потом все узнали»⁶. Интересным является тот факт, что

в индивидуальной памяти респондента применение позорящего наказания запечатлелось как более эффективное, чем дисциплинарной ответственности: «Конечно, это помогло, потом этот, которого выпорол, долго еще работу не прогуливал... А как по-другому? На собрание коллектива его вызовешь, да не поможет, а зарплату тоже не вычтешь... Вот председатель... и пугал его»⁷.

Эта практика наказания в памяти очевидцев стала сравнительной моделью поведения. Так, респондент вспоминал о своей работе конца 1970-х гг.: «Я когда плотником работал, наша бригада здесь в новой школе классы и коридоры отделявала... И в конце июля повадились у нас несколько из бригады сначала опаздывать, а потом не приходило на работу. Так наш бригадир сказал, если к сентябрю не успеем отделку закончить, то он тех, кто не работал, перед учителями и школьниками так же перед сельсоветом выпорет... Они после этого меньше пропускать стали, мы тогда посмеялись, никому подикаш-ты с голым задом ходить не охота»⁸.

В 1950-е гг. в казачьих селах Чарышского района были случаи общественных порок за воровство: «Драли, вот у нас рассказывали, это уже Советская власть была, молодые у одного пасеку зимой обокрали, были дуплянки, ну вот они вынесли там, им присудили двадцать плетей, ну а там не плетью, а розгами, прутики такие здоровые. И вот кладут на лавку, снимают штаны и дерут, прилюдно, чтобы всем было неповадно. Один дед говорит: “Не так бьешь, дай-ка я”. Он им как врезал, потом приехала милиция, но они не сказали, кто их драл»⁹. В довоенное время общественная порка в казачьей среде применялась за более широкий спектр проступков: «Да за все нас лупили и секли, своровал – получи розгами за это, чтоб неповадно было, пьет – пойдешь, нажалуешься на него, ему тоже сыпят, бывало и что не слушает отца – детина, дак нагайкой ему саданет, сразу зауважает»¹⁰.

СИМВОЛИЧЕСКИЙ САМОСУД

К категории символического самосуда можно отнести неординарный кейс наказания за употребление алкоголя работников «Сельхозтехники» в с. Шипуново в середине 1970-х гг. На территории предприятия была установлена касса в форме бутылки для выдачи заработной платы «проштрафившимся» работникам: «На выходе из Сельхозтехники, мы, когда приехали только (1975 г.), помню, на входе стояла, такая как, знаете, бутылка ... такая большая. И те, кто имел нарушения, они получали зарплату там. И все, там можно было получить зарплату вне очереди, но никто не хотел получать... На территории, там мимо нее не пройдешь»¹¹;

¹ Научный архив Института этнологии и антропологии Российской академии наук (НА ИЭА РАН). Ф. 47. Оп. 15. Д. 4449. Л. 65.

² Полевые материалы Е.А. Коляскиной (ПМК). 2023, Шипуновский р-н, с. Шипуново, С.В.И., 1953 г.р.

³ ПМК. 2023, Шипуновский р-н, с. Шипуново, Б.В.Т., 1929 г.р.

⁴ Полевые материалы Л.А. Явновой (ПМЯ), 2011, Солонешенский р-н, с. Сибирячиха, В.Т.Ш., 1911 г.р.

⁵ ПМЯ, 2012, Чарышский р-н, с. Чарышское, А.А.К., 1926 г.р.

⁶ Архив Центра устной истории и этнографии Алтайского государственного педагогического университета (АЦУИЭ). 2023, Шипуновский р-н, с. Тугозвново, М.Л.П., 1952 г.р.

⁷ АЦУИЭ. 2023, Шипуновский р-н, с. Тугозвново, М.Л.П., 1952 г.р.

⁸ Там же, Б.Г.С., 1943 г.р.

⁹ ПМЯ. 2012, с. Тулата, Г.И.М., 1932 г.р.

¹⁰ Там же, Чарышский р-н, с. Тулата, В.М.Т., 1910 г.р.

¹¹ ПМК. 2023, Шипуновский р-н, с. Шипуново, Б.Т.Я. 1953 г.р.

«Ну стояла на проходной... Кто пьяницы, получали зарплату в этой бутылке... Вера работала, этим кассиром. Она говорит: “Я не пойду туда, скажут, что я пьяница что ли?!”. В виде бутылки сделано было и окошечко, и все пьяницы получали в окошечки у ей. Это специально сделали»¹². Актором практики данного наказания считался А.И. Хоменко – директор районного предприятия «Сельхозтехника» в середине 1970-х гг. Появление кассы, стилизованной под бутылку, могло быть связано с очередной антиалкогольной кампанией советского государства¹³.

Описанный вариант наказания имеет общую семантику с традиционным посрамлением виновного посредством вождения его по улицам села, которое было распространено во второй половине XIX – начале XX вв. [Кушкова, 2006, с. 330–334]. Данный тип наказаний применялся при нарушениях в сфере прав собственности и нравственности. Так наказывали воров, пойманных с поличным в старожильческом селе Сентелек Чарышского района еще в начале 1950-х гг.: «Вору связывали руки и привязывали все украденное им на шею, водя по улице, били иногда до увечья»¹⁴; за кражу сена «навязывали вязанку сырой травы и заставляли ее нести по деревне, причем крестьяне стегали его кнутами по голым ногам», а за кражу барана «проводили по улицам села с бараном, подводя его к окну каждого жителя, и пред каждым домом давали ему по одному удару»¹⁵. Навешивание украденного являлось семиотической процедурой узнавания вора [Кузнецов, 2008, с. 330]. Обязательной чертой наказания в виде посрамления был публичный характер, а именно наказание преступника всей деревней, толпой народа. Посрамление имело элементы праздника, сочетание конфликтности и карнавальности. В случае с работниками «Сельхозтехники» действовал тот же семиотический механизм узнавания пьяницы через демонстрацию контакта с «бутылкой» и «праздничности» момента получения зарплаты.

Пьянство встречалось очень часто в качестве причины применения позорящих наказаний в рассматриваемый период. В традиционной системе норм оно считалось позором, особенно злоупотреблявших алкоголем община могла наказать, причем особой строгостью наказания отличались казачьи общины: «Ну были загульные мужики, люди с призрением к ним относились, а коль управы на них не сможет народ найти, то высекут, да так, чтоб хруст костей стоял»¹⁶. В исследуемый период отмечается смягчение наказания, но представление об аморальности пьянства сохранялось.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Общественные организации – профсоюзные и партийные собрания, сходы села, женсоветы, товарищеские суды, советы старейшин – в исследуемый период являлись площадкой для применения практик позорящих наказаний: «Вызывали на партком, в райком и пропесочивали»¹⁷. Это вполне соответствовало традиционным представлениям о том, что наказание могло исполняться специальным лицом, которое избирала община, всей общиной или кругом, или лицом, которому был нанесен физический, моральный или материальный вред.

Часто предметом «разборов» на собраниях общественных организаций становилось аморальное поведение сельчан, к примеру, вне рабочее отношение и частные интимные связи. Так, в 1973 г. женсовет, а затем сход с. Ново-Повалиха рассматривали вопрос о поведении фельдшера, которая «очень нехорошо себя ведет, к ней очень много заходит мужчин»¹⁸. Даже в период хрущевской «оттепели» сохранялась установка на «традицию» гласного обсуждения семейных кризисов, связанных с адюльтером, обсуждения (и осуждения) их в рабочих и производственных коллективах, на партийных и профсоюзных собраниях [Муравьева, Пушкарева, 2012, с. 47]. Данные практики, по сути самосуд, историки вслед за социопсихологами возводят к покаянным практикам восточного христианства [Муравьева, 2012, с. 47; Хархордин, 2002, с. 128–129].

В 1960-е гг. были организованы товарищеские суды, которые, по сути, легитимизировали правовой обычай позорящих наказаний. Например, «Сельский общественный товарищеский суд при Родинском сельском совете» работал с 3 февраля 1960 г., заседания проходили примерно один раз в месяц. Суд рассматривал уголовные преступления против общественного порядка небольшой тяжести, которые мог рассматривать и народный суд, но товарищеский суд судил нарушителей «на месте совместно с обществом, и все они остались на работе в колхозе. В течение года своим честным трудом они оправдали себя... Кроме того, общественный товарищеский суд рассматривал мало важные дела общественного порядка»¹⁹. Видимо, важное значение для сельского общества имела возможность разрешить ситуацию на месте совершения правонарушения, дать дополнительный шанс виновному на исправление и сохранить человека как часть социума. Товарищеский суд часто разбирал правонарушения, возникавшие вследствие злоупотребления сельчан алкоголем, в частности, случаи семейного насилия: «Население очень интересуется судом. Народу бывает больше, чем в кино. Большинство жалоб поступает на хулиганские действия и семейные раздоры»²⁰; «Ф.Ф. Эккерт систематически

¹² ПМК. 2023, Шипуновский р-н, с. Шипуново, Б.В.Т., 1929 г.р.

¹³ 16 мая 1972 г. вышло постановление Совета Министров СССР № 361 «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма».

¹⁴ ПМЯ. 2012, М.Е.С., 1933 г.р.

¹⁵ Там же, Г.И.П., 1929 г.р.

¹⁶ ПМЯ. 2012, Чарышский р-н, с. Чарышское, Н.Д.К., 1962 г.р.

¹⁷ ПМК. 2023, Шипуновский р-н, с. Шипуново, И.Л.П., 1955 г.р.

¹⁸ Отдел по делам архивов Администрации Первомайского района. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 68. Л. 2.

¹⁹ НА ИЭА РАН. Ф. 47. Оп. 15. Д. 4449. Л. 53.

²⁰ Там же. Л. 50.

отлынивал от работы, занимался пьянкой», в присутствии детей «часто избивает свою жену»²¹. Что касается наказаний, которые выносили товарищеские суды, то преобладали формы, связанные с общественным осуждением. Тот же Родинский товарищеский суд в течение 1960 – первой половины 1961 г. вынес решения по делам 43 сельчан, из которых: «порицание – 13, предупреждение – 16, общественных выговоров – 10, на поруки – 2, наложено штрафов – 4, обсуждено на коллективе – 4, на комиссии – 1, народный суд – 3»²². Товарищеские суды являлись формой привлечения населения к управлению государственными делами, также средством устыдить тех, кто не соблюдал нормы советского общежития. В этих акциях достаточно явно прослеживаются традиционные инструменты общественного порицания и контроля. Товарищеские суды должны были предупреждать правонарушения, наносившие вред обществу, воспитывать людей путем убеждения и общественного воздействия, создавая обстановку нетерпимости к любым антиобщественным поступкам [Иванов и др., 2023, с. 34]. Они стали гражданской формой самоорганизации общества с целью самоанализа и «работы над ошибками» в сфере нравственности. При этом опыт товарищеских судов является неоднозначным с точки зрения влияния на конкретную личность и общественную мораль [Глебова, 2021].

В некоторых селах Алтайского края были организованы еще «советы старейшин». В начале 1960-х гг. московские этнографы зафиксировали их наличие в селах Шипуновского района: «Когда разбираются дела о семейных раздорах, то кроме членов суда (товарищеского) прикрепляется еще кто-нибудь из членов совета старейшин, и они ходят в семьи по очереди 2–3 раза в неделю... В совете старейшин 17 человек. Все пенсионеры, кроме одного. Совет старейшин избирается населением... Совет старейшин имеет чисто воспитательную роль. Семейные дела они разбирают лучше, чем товарищеский суд»²³.

Интересно, что в 1960–1970-е гг. в советской пенитенциарной системе происходила перестройка в сторону гуманизации процесса исправления. Необходимо отметить, что понимание наказания существенно различалось с точки зрения писаного законодательства и обычного права: если для обычно-правовой структуры, прежде всего, важно было воздействие на моральную составляющую преступника, то официальный законодатель запрещает любые действия, которые направлены на унижение чести и достоинства как потерпевшего, так и преступника. Позорящие наказания применялись, судя по всему, в дополнение к административным или дисциплинарным, когда они слабо воздействовали на асоциальное поведение или наказания отсутствовали.

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

На первичном уровне – звено, бригада, отделение, предприятие (колхоз, совхоз и др.), село – выпускались стенные газеты/боевые листки сатирического содержания, обычно «позорившие» работников, нарушавших трудовую дисциплину, допускавших срыв плановых показателей и т.п. Так, в начале 1960-х гг. в с. Коробейниково Шипуновского района в период посевной один-два раза в неделю выпускалась сатирическая газета «Колючка»²⁴. Судя по частоте встречаемости в Государственном каталоге музейного фонда РФ, «Колючка» была распространенным явлением в стране в указанный период. В с. Факел Поспелихинского района более креативно подходили к названиям бригадных «сатирических бланков» – «Вилы в бок», «С легким паром», «За ушко, да на солнышко»²⁵. В с. Калмыцкие Мысы три-четыре раза в месяц выходила общеколхозная сатирическая газета «Ежик»²⁶. Стенная печать с критикой считалась местной властью обязательным условием продуктивной работы: «Рассказы на страницах стенной печати о передовых методах уборки и о передовиках колхозно-совхозного строительства, острая, беспощадная критика тех, кто работает плохо, допускает брак и поломки уборочных агрегатов, безусловно помогут убрать урожай в лучшие агро-технические сроки и без потерь»²⁷. Акторами данных практик устыжения выступали руководители первичного уровня, комсомольцы, работники культуры, учителя.

В практиках позорящих наказаний использовалось и сельское радио с целью большего охвата: два-три раза в неделю по радио сообщали «о нормах выработки лучших людей и о плохих работниках»²⁸; «Каждый раз, когда собирается общественный товарищеский суд, передается по радио, что будет рассматриваться дело такого нарушителя»²⁹.

Зафиксировано два неординарных кейса позорящих наказаний на страницах районных газет в отношении отстающих в выполнении плановых показателей животноводческих хозяйств по надоям молока. В 1964 г. бюро парткома Славгородского района «учредило две газеты “Крокодил”: одну поощрительную – для передового хозяйства, другую – сатирическую – для отстающего». Газета должна была вручаться каждые десять дней по итогам надоев молока, об этом жители района извещались через газеты «Новости целины» и «Ротэ Фанэ», а также по радио³⁰. В районной газете «Новости целины» размещали заметку чаще всего на первой странице, обычно под на-

²¹ Судит товарищеский суд // Новости целины. 1964. 9 апр.

²² НА ИЭА РАН. Ф. 47. Оп. 15. Д. 4449. Л. 53.

²³ Там же. Л. 50.

²⁴ НА ИЭА РАН. Ф. 47. Оп. 15. Д. 4450. Л. 71.

²⁵ Там же. Л. 74б.

²⁶ Там же. Л. 76.

²⁷ Стенная печать на хлебоуборке // Новости целины. 1964. 6 авг.

²⁸ НА ИЭА РАН. Ф. 47. Оп. 15. Д. 4450. Л. 71.

²⁹ Там же. Д. 4449. Л. 54.

³⁰ Новая районная сатирическая газета «Крокодил» // Новости целины. 1964. 24 янв.

званием «“Крокодил” шагает по району»³¹, или «Где сегодня “Крокодил”»³². При этом указывался коллективный виновный – хозяйство – и индивидуальные – председатель правления, секретарь партийной организации, зоотехник: «Сатирический “Крокодил”... перебрался в колхоз имени XXII партсъезда. К стыду, тт. Бондаря, Вильмса и Мороз надои здесь составляют всего лишь 4,6 килограмма молока на корову»³³. Во второй части заметки сообщалось, в какое хозяйство «переезжал» «поощрительный “Крокодил”». Периодически информировали о действенности такой формы позорящего наказания: «На многих животноводческих фермах побывал сатирический “Крокодил”. И там, где он “гостил”, принимались действенные меры по улучшению содержания и кормлению коров, и надои молока повышались»³⁴. Просуществовал «Крокодил», как минимум, два года.

В Шипуновском районе с 1973 по 1975 г. включительно «бракоделам рекордсменам» вручался приз «Колючий еж» с размещением заметки на второй или третьей странице районной газеты «Степная новь» в разделе «Экран – листок районного штаба по руководству социалистическим соревнованием» наряду с «именами лучших», «надоями молока» и другой информацией об успехах хозяйств района в соцсоревновании. Первоначально «Колючий еж» имел визуальное воплощение в виде рисунка эмблемы со схематичным изображением ежа и надписью «отстающему»³⁵. Затем он получил материальное воплощение – «макет колючего ежа», который состоял из деревянной основы, покрытой железными гвоздями. Его фотография размещалась вместе с заметкой. Фигурка «Колючего ежа» сохранилась в районном краеведческом музее: «У нас ежик же есть как символ отстающему коллективу... Ежик – он прям ежик. На болванке гвозди набиты, там чуть ли не тысяча гвоздей. Как символ, который вручался отстающему коллективу в соцсоревновании»³⁶. В данном случае продолжен ассоциативный ряд с предметами/животными, способными нанести рану, использовавшимися в качестве названий сатирической печати – «Колючка», «Крокодил» и т.д.

Идея и авторство образа принадлежало Григорию Ивановичу Никульшину – третьему секретарю райкома партии, отвечавшему за идеологию. Было принято Положение о переходящем призе «Мaket колючего ежа», согласно которому он вручался на районном совещании коллективу колхоза, совхоза, занявшему последнее место в соцсоревновании животноводов района³⁷.

В одном из рассказов респондента встретился сюжет, связанный с традиционным представлением о тя-

желых последствиях позорящего наказания для здоровья провинившегося человека: «Один руководитель инфаркт получил... после вручения (ежа)... У кого самые низкие надои в этом месяце, возили (смеется), вручали ежа. Все знали»³⁸. В данном случае акцентируются значимость широкой огласки наказания, урон репутации провинившегося.

Практически одновременно с «Колючим» ежом был учрежден приз «Обещалкину», присуждавшийся предприятию района, которое «обещало, но не сделало». Заметка о призе размещалась также в разделе «Экран», но «вручался» приз всего три раза³⁹.

ПРАЗДНИКИ И КОНЦЕРТЫ

Праздники и концерты художественной самодеятельности, выступления агитбригад являлись дополнительными площадками для коммуникации сельской власти и общества, на которых также использовались практики позорящих наказаний, но в смягченном виде. Концерт художественной самодеятельности был стабильным элементом советских праздников в деревне, часто дополнялся конкурсами частушек, песни, художественного слова, народного театра и т.п. Это делало возможным проявлять до определенной степени голос «снизу». Частушки в неформальном кругу или от агитбригады клуба/дома культуры высмеивали нарушителей трудовой дисциплины и деревенской морали.

Выступления агитбригад часто сочетали стенную печать и творческие формы посрамления – частушки, сценки и т.д. Попасть в такие позорящие сюжеты было серьезным неформальным наказанием в рамках трудового коллектива. Респонденты вспоминают: «Летом мы много работали в агитбригадах, ездили по полевым бригадам, готовили концерты, стенгазеты, боевые листки... Чаше всего делали “Молнию” (боевой листок), в котором сообщали новости, показатели, освещали ход работ на полях, но иногда и выпускали “Рашпиль”, это был тоже боевой листок... В нем мы про всяких отстающих или нарушителей писали... Помню (смеется), у нас один шофер молодой неопытный во время езды кузов поднял и половину зерна на дорогу проспал. Мы в “Рашпиле” про это написали и его нарисовали, только вместо рук коряги, мол, рук у него нету»⁴⁰.

Практики использования стенгазет и художественной самодеятельности как формы позорящих наказаний в крае были заложены еще в 1920-е гг., когда появились первые агитколлективы, в частности, в с. Шипуново был создан агитколлектив в рамках общесоюзного движения «Синяя блуза»: «Мама, она была комсомолка, участвовала в движении “Синяя блуза”, она была активная у нас, озорная, шутница...

³¹ Новости целины. 1964. 23 фев.

³² Там же. 1965. 29 янв.

³³ Там же. 1964. 18 авг.

³⁴ Там же.

³⁵ Степная новь. 1973. 6 фев.

³⁶ ПМК. 2023, Шипуновский р-н, с. Шипуново, М.Т.А., 1965 г.р.

³⁷ Степная новь. 1973. 24 фев.

³⁸ ПМК. 2023, Шипуновский р-н, с. Шипуново, С.В.И., 1953 г.р.

³⁹ Степная новь. 1973. 15 фев.; 13, 22 мар.

⁴⁰ АЦУИЭ. Ф. 1. 2023, Шипуновский р-н, с. Тугозвонovo, К.Л.А., 1950 г.р.

Это, скажем, нашим языком... Ну критиковали, критическая направленность... Ну, может быть, лентяев, может, богачей, которые тогда не знаю, были или не были, но это так, это критическая направленность, выступали на концертах, какая-то агитбригада своего рода за новую жизнь»⁴¹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в применении позорящих наказаний выделяется три социальных уровня: 1) звено трудового коллектива – бригада, отделение и т.д.; 2) предприятие – колхоз, совхоз и т.д./село; 3) район. Эти уровни дублировались в проекции партийных/комсомольских органов власти. Существование практики позорящих наказаний в исследуемый период – это проявление советского традиционализма, попытка использовать традиционные общинные представления и институты в ходе выстраивания советских общественных организаций в селах – женсоветов, товарищеских судов, советов старейшин и т.д. Они наряду с общественным ландшафтом, концертами художественной самодеятельности и агитбригад, стенной печатью и районными газетами становятся легитимными площадками для коммуникации сельского общества и власти, составным элементом которой являлись позорящие наказания как способ обсуждения девиантного поведения и легитимный вид наказания, санкционированный со стороны советского государства. Среди акторов позорящих практик можно выделить: руководителей низового и районного уровня, комсомольцев и сельскую интеллигенцию. Отмечается сохранение традиционных поводов для применения устыдительных наказаний – аморальное поведение (пьянство, адюльтер), мелкие правонарушения. К ним добавляется спектр проступков, связанных с трудовой деятельностью сельчан (низкие показатели и неудовлетворительное качество работы, нарушение трудовой дисциплины). Вербальное или символическое общественное порицание, т.е. обозначение низкого репутационного статуса человека, становится главной формой позорящих наказаний. Таким образом, обычно-правовые нормы соответствовали тенденции гуманизации наказания, свойственной для позитивного права исследуемого периода, несколько смягчая вслед за наказаниями и конфликт между двумя системами. Применение физических мер наказания к провинившимся становится все более редким, нелегальным и частным явлением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бреус И.С. Диалог культур в сложении системы обычного права у русских крестьян Сибири // Культурное наследие Западной Сибири. Омск. 2000. С. 355 – 356.
- Глебова С.В. Институционализация общественной морали на примере товарищеских судов XX века [Электронный ресурс] // Полилог / Polylogos. 2021. Т. 5. № 3. URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110015320-4-1/>. DOI: 10.18254/S258770110015320-4.

⁴¹ ПМК, 2023, Шипуновский р-н, с. Шипуново, Г.Т.И., 1942 г.р.

Горин А.Г. Обычное право России начале XX в.: правительственная политика // Правоведение. 1990. № 1. С.16–25.

Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX века. М.: Графа. 1986. 280 с.

Зырянов П.Н. Некоторые черты эволюции крестьянского «мира» в пореформенную эпоху // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Вильнюс, 1974. С. 380–387.

Иванов А.М., Зиновьева И.В., Масыгина Ю.Б., Федоскин Н.Н. Товарищеские суды: историко-правовой анализ организации и деятельности в 60-е годы (на примере Смоленской области) // Юридическая наука. 2023. № 3. С. 31–36.

Кириченко О.В., Листова Т.А., Крюкова С.С., Воронина Т.А., Шляхтина Н.В. Границы советского традиционализма: из опыта русского народа в XX веке (Этнологическое исследование): кол. моногр. / отв. ред. и сост. О.В. Кириченко, М.: Алетея, 2021. 688 с.

Кузнецов С.В. Хозяйственные, религиозные и правовые традиции русских (XIX – начало XXI в.). М.: ИЭА РАН, 2008. 362 с.

Кушкова А.Н. Посрамление за воровство в системе обычного правового судопроизводства российских крестьян второй половины XIX – начала XX вв. // Право в зеркале жизни. Исследования по юридической антропологии: сб. науч. стат. М.: Стратегия, 2006. С. 320–334.

Муравьева М.Г., Пушкарёва Н.Л. Бытовое насилие в истории российской повседневности (XI–XXI в.). СПб.: Наука, 2012. 199 с.

Харузин М.Н. Сведения о казачьих общинах: материалы для обычного права, собранные Михаилом Харузиным. М.: Наука, 1985. 388 с. Вып. 1.

Хархордин О.В. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб.: Европейский ун-т, 2016. 507 с.

Явнова Л.А. «Позорящие наказания» в системе обычного права русских Алтая в первой трети XX века // Международный продовольственный форум «Сибирское поле: от освоения целины до продовольственной безопасности страны»: сб. материалов. Барнаул: Литера, 2014. С. 198–201.

Якушкин Е.И. Обычное право. Материалы для библиографии обычного права. М., Типо-лит. Губ. зем. управы, 1910. Вып. 1. 191 с.

REFERENCES

- Breus I.S. (2000). Dialogue of cultures in the formation of the customary law system among Russian peasants of Siberia. *Kul'turnoe nasledie Zapadnoy Sibiri*, pp. 355–356. (In Russ.)
- Glebova S.V. (2021). Institutionalization of public morality by the example of comrades' courts Breus I.S. (2000). Dialogue of cultures in the formation of the customary law system among Russian peasants of Siberia. *Russkie starozhily: materialy III Sib. simp. "Kul'turnoe nasledie narodov Zapadnoy Sibiri" (Tobol'sk, 11–13 dek. 2000 g.)*. Tobolsk, pp. 355–356. (In Russ.)
- Glebova S.V. (2021). Institutionalization of public morality on the example of comrades' courts of the 20th century. *Polylogos*, vol. 5, no. 3. DOI: <https://doi.org/10.18254/S258770110015320-4>. (In Russ.)
- Gorin A.G. (1989). Customary law of Russia at the beginning of the 20th century: government policy. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie*, no. 1, pp. 43–49. (In Russ.)
- Gromyko M.M. (1986). Traditional norms of behavior and forms of communication of Russian peasants of the 19th century. Moscow, Nauka, 278 p. (In Russ.)
- Kharkhordin O.V. (2016). To denounce and hypocrite: the genealogy of the Russian personality. Saint Petersburg, Evropeyskiy unt, 507 p. (In Russ.)
- Ivanov A.M., Zinov'eva I.V., Masyagina Yu.B., Fedoskin N.N. (2023). Comrades' courts: historical and legal analysis of the organization and activities in the 60s (using the example of the Smolensk region). *Yuridicheskaya nauka*, no. 3, pp. 31–36. (In Russ.)

Kharuzin M.N. (1885). Information about Cossack communities on the Don: materials for customary law collected by Mikhail Kharuzin. Iss. 1. Moscow, Tip. M.P. Shchepkina, 388 p. (In Russ.)

Kirichenko O.V., Listova T.A., Kryukova S.S., Voronina T.A., Shlyakhtina N.V. (2021). The boundaries of Soviet traditionalism (from the experience of the Russian people in the 20th century): an ethnological study. Saint Petersburg, Aleteiya, 688 p. (In Russ.)

Kushkova A.N. (2006). Shaming for theft in the system of customary legal proceedings against Russian peasants in the second half of the 19th – early 20th centuries. *Antropologicheskii forum*, no. 5, pp. 212–241. (In Russ.)

Kuznetsov S.V. (2008). Economic, religious and legal traditions of Russians (XIX – early XXI centuries). Moscow, In-t etnologii i antropologii RAN, 362 p. (In Russ.)

Murav'eva M.G., Pushkareva N.L. (eds). (2012). Domestic violence in the history of Russian everyday life (XI–XXI centuries).

Saint Petersburg, Evropeyskiy un-t v Sankt-Peterburge, 200 p. (In Russ.)

Yavnova L.A. (2014). “Shameful punishments” in the system of customary law of Russians of Altai in the first third of the 20th century. *Sibirskoe pole: ot osvoeniya tseliny do prodovol'stvennoy bezopasnosti strany: sb. materialov Mezhdunar. prodovol'stv. foruma (Barnaul, 09–11 iyulya 2014 g.)*. Barnaul, pp. 198–201. (In Russ.)

Yakushkin E.I. (1910). Customary law: materials for a bibliography of customary law. 2nd ed., rev. Iss. 1. Yaroslavl, Tip. Gubern. pravleniya, 191 p. (In Russ.)

Zyryanov P.N. (1974). Some features of the evolution of the peasant «world» in the post-reform era. *Ezhegodnik po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy, 1971*. Vilnius, pp. 380–387. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 05.02.2024

Дата рецензирования 04.03.2024

Статья принята к публикации 11.03.2024

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

DOI: 10.15372/HSS20240209

УДК 94:656.6 (57)"18"

EDN: NAIPMT

И.Д. ДОЛГУШИН

ОТЧЕТЫ Ф.Ф. РИДДЕРА КАК ИСТОЧНИК О СУДОХОДСТВЕ В СИБИРИ В НАЧАЛЕ XIX в.

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

Статья посвящена анализу отчетов, составленных в 1810-х гг. инженер-полковником Ф.Ф. Риддером, находившимся на службе в X округе путей сообщения, по заданию руководства Управления водных и сухопутных сообщений принца Г.Т. Ольденбургского и инженер-генерала Ф.П. Девоганта. Оба его отчета вместе с перепиской, которая велась в ходе их составления, хранятся в настоящее время в Российском государственном историческом архиве. Эти документы являются ценным источником по истории экономического развития Сибири, позволяющим оценить состояние и хозяйственное значение внутренних водных путей азиатской части Российской империи в 1810-х гг. – важный период истории развития речного судоходства Сибири, когда государство проявляло значительную в нем заинтересованность. В статье рассматриваются история создания отчетов, их структура, приводятся сведения о развитии водных коммуникаций, транспортной инфраструктуре Сибири и предложения Ф.Ф. Риддера по улучшению судоходства. Автором сделан вывод о заинтересованности властей в результатах работ Ф.Ф. Риддера.

Ключевые слова: речное судоходство; внутренние водные пути; X округ путей сообщения; Сибирь; Ф.Ф. Риддер.

Для цитирования: Долгушин И.Д. Отчеты Ф.Ф. Риддера как источник о судоходстве в Сибири в начале XIX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2024. Т. 31, № 2. С. 67–73. DOI: 10.15372/HSS20240209

I.D. DOIGUSHIN

REPORTS OF F.F. RIDDER AS A SOURCE ON SHIPPING IN SIBERIA IN THE EARLY 19th CENTURY

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

At the beginning of the 19th century, river navigation in the Russian Empire was actively developing. The active development and improvement of inland navigation was facilitated by the changes that occurred in the management of communication routes at the end of the first decade of the 19th century. The study of the shipping in conditions of Siberia was entrusted to engineer-colonel Filipp Filippovich Ridder. His written reports on the state of the inland waterways of the Asian part of the empire are the most important and interesting historical source from which it is possible to obtain unique information about the economy and transport infrastructure

Иван Дмитриевич Долгушин – аспирант Института истории СО РАН, e-mail: i.dolgush@mail.ru.

Ivan D. Doigushin – Postgraduate Student, Institute of History SB RAS.

of Siberia. The information they provide, which is largely unique, can become the basis for many further studies. Works by F.F. Ridder, carried out in line with the general increase in the state's interest in water communications, were of great importance for the development of inland navigation in the Asian part of the Russian Empire. He was the first to produce such a complete description of the shipping routes and drew attention to the existing difficulties in their operation. The authorities' reaction to F.F. Ridder's reports shows their great interest in the results of the work; it one can infer that in general the period of the 1810s was an important milestone in the history of inland waterways throughout the country and specifically in Siberia and the Far East. The name of Filipp Filippovich Ridder can rightfully take an honorable place in the list of their most outstanding researchers.

Key words: river navigation; inland waterways; Tenth Transport Communications District; Siberia; F.F. Ridder.

ВВЕДЕНИЕ

Изучение истории путей сообщения, в том числе водных, в настоящее время является одной из актуальных задач исторической науки. Об этом писали в своих трудах многие видные ученые, в том числе такие известные, как, например, Ф. Бродель [см.: Braudel, 1979]. Осознавая важность ее дополнения новыми сведениями, мы, не претендуя на всеохватность, рассмотрим один из сюжетов в истории развития речного судоходства в азиатской части Российской империи в 1810-х гг. Этот период представляется нам особенно важным в истории развития отечественных внутренних водных путей. Именно речные пути до распространения железнодорожного транспорта позволяли осуществлять масштабные грузовые перевозки, особенно востребованные в данный период в условиях роста промышленного производства.

Следует отметить, что развитие внутренних водных путей на рубеже XVIII–XIX вв. было не только российским, но и мировым трендом. Так, в Великобритании 1790–1810-е гг. стали эпохой так называемой каналомании – строительства по всей стране судоходных каналов для грузовых перевозок, все более необходимых для лидирующего в промышленной революции государства, вылившегося в итоге в экономический пузырь [Ware, 2008; Chaplin, 1978]. В Российской империи, с ее множеством удобных водных путей, важность речных перевозок была очевидна для власти. Активному развитию и усовершенствованию внутреннего судоходства способствовали перемены в управлении путями сообщения в конце первого десятилетия XIX в. В 1809 г. главным директором путей сообщения был назначен принц Георгий Петрович (Петр Фридрих Георг) Ольденбургский [Петров, 2021, с. 329–335], первоочередной целью которого считалось улучшение судоходства. Уже в 1809 г. упраздняется Департамент водяных коммуникаций, а вместо него учреждается Экспедиция водяных сообщений; начинаются работы по реконструкции водных путей в европейской части страны: устройству бечевника на р. Тверце, углублению Ладожского канала [Мазинг, 2011, с. 209–217].

Однако если в Европейской России благоустройством внутренних водных путей стали систематически заниматься гораздо раньше (по меньшей мере, со времен Петра I), то за Уралом дело обстояло иначе. Судоходство здесь было развито слабее; не было ни одного судоходного канала, практически нигде не использовался бечевник. В то же время именно в азиатской

части империи с ее обширными малолюдными просторами транспортное значение речных путей было особенно велико [Большаков, 1991, с. 17].

Как отмечает А.Ю. Ижендеев, органы управления водными путями в Сибири появляются позже, чем в европейской части страны [Ижендеев, 2007, с. 55]. Сибирские речные пути оказались под управлением созданного 20 ноября 1809 г. X округа путей сообщения [Казарян, 2008, с. 49] и просуществовавшего до 1822 г., когда наблюдение за судоходством было передано в ведение местной гражданской полиции [Ижендеев, 2007, с. 55]. Изучение состояния судоходства в Сибири было поручено инженер-полковнику Филиппу Филипповичу Риддеру (1759–1838). К тому времени он уже внес большой вклад в исследование Сибири. Внук шведского офицера, взятого в плен под Полтавой, Ф.Ф. Риддер родился в 1759 г., учился в Горном училище в Санкт-Петербурге, с 1779 г. служил на Колывано-Воскресенских заводах, где занимался геологической разведкой и отличился на этом поприще, обнаружив новые месторождения драгоценных и полудрагоценных камней [Малолетко, 2010б]. Впоследствии, быстро поднимаясь по карьерной лестнице, он возглавил ряд исследовательских экспедиций, увенчавшихся открытием многих рудных и каменных месторождений и имевших большое значение для освоения и развития Алтая на территории как современной России, так и Казахстана. В Казахстане в честь него назван поселок –Риддерский, впоследствии (и до сего дня) город Риддер.

Изучением биографии Ф.Ф. Риддера занимались многие исследователи. Так, М.С. Немцевым, казахстанским краеведом и литератором, написана работа «Филипп Риддер и его время», пожалуй, наиболее полная на настоящий момент его биография, хотя и имеющая не научный, а скорее научно-популярный и отчасти даже художественный характер [Немцев, 2006]. Вместе с тем, М.С. Немцев опирается на обширный корпус источников из российских и казахстанских архивов, приводит в приложениях к своему труду такие интересные материалы, как списки открытых Ф.Ф. Риддером месторождений и основанных им приисков. Из российских историков ему посвящали свои исследования А.А. Малолетко [Малолетко, 2010а, б], М.П. Малышева [Малышева, 1991, 1992]. Причем большинство исследователей биографии Ф.Ф. Риддера уделяли внимание в первую очередь его трудам по горному делу, а изучение им сибирского речного судоходства оставалось вне поля зрения ученых.

Даже в сюжетах, касающихся его деятельности в качестве инженера путей сообщения, его роль подробно не анализируется, как и не дается хотя бы краткая характеристика подготовленных им отчетов (хотя в научной литературе они упомянуты – например, В.Н. Большаковым [Большаков, 1991, с. 29]).

Между тем письменные отчеты Ф.Ф. Риддера о состоянии внутренних водных путей азиатской части империи являются важнейшим и интереснейшим историческим источником, содержащим уникальные сведения об экономике и транспортной инфраструктуре Сибири. Обращение к этим документам тем более важно, что развитие водного сообщения на территории региона в XVIII–XIX вв. до сих пор изучено далеко не полностью. Наиболее крупная работа по данной проблематике – монография В.Н. Большакова (1991 г.), которая носит очерковый характер [Большаков, 1991]. В большинстве же публикаций последних лет внимание в исследованиях по речному судоходству акцентируется на пореформенном периоде, когда начало развиваться пароходство [Арутюнов, 2009; Башкирева, 2008; Гончаров, Карелин, 2018].

Цель данной статьи – охарактеризовать отчеты Ф.Ф. Риддера, составленные в 1811–1814 гг., проанализировать их информационный потенциал и значение для изучения экономического развития и состояния транспортной сети Сибири в начале XIX в., выявить реакцию на эти документы вышестоящих государственных инстанций.

ИССЛЕДОВАНИЕ Ф.Ф. РИДДЕРОМ СОСТОЯНИЯ СИБИРСКОГО СУДОХОДСТВА. ПЕРВЫЙ ОТЧЕТ

Еще работая в горной промышленности, Ф.Ф. Риддер убедился в особой важности речных перевозок. Получив назначение на должность управляющего X округом путей сообщения, он с энтузиазмом взялся за порученное дело. Филипп Филиппович выезжает в Тобольск, имея при себе сопроводительное письмо принца Г.П. Ольденбургского, которым предписывалось сибирским губернаторам и генерал-губернатору И.Б. Пестелю оказывать ему всяческое содействие [Немцев, 2006, с. 115]. Прежде всего, требовалось составить полное описание всех судоходных путей Сибири, что Ф.Ф. Риддер и выполнил. Часть водных путей он осмотрел самостоятельно. Он едет из Тобольска в Енисейск и изучает междуречье Оби и Енисея. Другую информацию управляющий X округа путей сообщения получает от своих немногочисленных помощников, собиравших сведения на местах. В 1811 г. Ф.Ф. Риддер направляет в Совет путей сообщения свой отчет. Этот документ хранится в настоящее время в Российском государственном историческом архиве¹, вместе со вторым его отчетом и перепиской, которая возникла в ходе рассмотрения этих дел, составив объемный том.

¹Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 159 Оп. 1. Д. 539.

В первом своем отчете Ф.Ф. Риддер последовательно, в порядке географического расположения с запада на восток, приводит описание крупнейших сибирских рек и их притоков, причем для каждой из рек указывает важнейшие пристани и описывает, какие суда, откуда и с какими грузами прибывают к ним или проходят через них. Особое внимание он уделяет возможным улучшениям, важнейшим из которых считал, скорее всего, учреждение в Сибири особой водной полиции.

Описание всех рек, упоминаемых в отчете, построено по единой схеме: вначале приводится название и краткое географическое описание главной реки (Иртыш, Обь, Енисей, Лена и т. д.), затем перечисляются пристани по этой реке, далее подробно характеризуется судоходство через каждую из пристаней. После этого указываются притоки главной реки, для каждого из которых также перечисляются пристани и описывается судоходство через них. Отчет содержит много ценной информации, полезной для понимания общей картины экономического развития Сибири в начале XIX в. Так, в нем отмечается число отправляющихся ежегодно от пристаней судов, количество перевозимых товаров, раскрываются маршруты перевозок.

Для примера приведем описание первой из перечисленных главных рек – Иртыша. Ф.Ф. Риддер отметил, что на нем находились следующие пристани (вверх по течению): Тобольская, Подчувавшаяся, Самаровская, Тарская, Омская, Коряковская, Усть-Ишимская, Иртышская. От Тобольской пристани, расположенной в г. Тобольске, ежегодно отправлялось, согласно отчету, от 100 до 150 судов. Часть из них шла на р. Обь для рыбной ловли; другая часть – на Маковскую пристань с товарами российского производства. После окончания Енисейской ярмарки (см., например: [Попова, Ладченко, 2022; Комлева, 2016]) суда с Маковской пристани возвращались в Тобольск с китайскими товарами, которые затем отправлялись в европейскую часть империи, рыба доставлялась преимущественно в Екатеринбург. Помимо этого, через Тобольск по реке провозили железо, кожи, обувь, холсты, большое количество хлеба и прочую продукцию. Ф.Ф. Риддер указывает на такую серьезную проблему, как ранний ледостав на реке, из-за которого суда не могли пройти до Тобольска. По его словам, в год составления отчета многие суда были остановлены льдами на расстоянии от 200 до 450 верст от города. В 5 верстах выше Тобольска располагалась Подчувавшаяся пристань, где размещались соляные склады. Здесь ежегодно производилась выгрузка до 700 тыс. пуд. соли, привезенной из Корякова, которую затем грузили на суда, идущие вверх по реке².

У устья Иртыша находилась Самаровская пристань. Как выразился Ф.Ф. Риддер, «здесь не минует ни одно судно, идущее из Оби в Иртыш или из Иртыша в Обь, тут оснащаются суда всегда к верховому ходу, и более погрузки никакой не бывает». На этой приста-

²РГИА. Ф. 159. Оп. 1. Д. 539. Л. 12.

ни выгружался лишь хлеб для окрестных селений – до 15 тыс. пуд.³ О Тарской, Омской, Усть-Ишимской, Березовской пристанях Ф.Ф. Риддер сообщает совсем немного сведений, замечая, что судоходство через них почти не производится, за исключением доставки соли⁴.

В верховьях Иртыша, в 30 верстах от места впадения в него р. Бухтармы, находилась Иртышская пристань, а в 2 верстах от нее – Усть-Каменогорская. Эти места были хорошо знакомы Ф.Ф. Риддеру еще со времен работы на горных заводах. Он сообщает, что перевозки между Усть-Каменогорской пристанью и Змеиногорским рудником осуществлялись сухим путем – до 80 тыс. пуд. руд. Кроме того, на рудники доставлялись и необходимые припасы. В зимнее время ходившие вверх по Иртышу суда становились в Гусином заливе между устьем Бухтармы и Иртышской пристанью. Подобным образом описываются и другие сибирские реки – Обь, Енисей, Лена, а также их крупные притоки. Впрочем, во многих случаях Ф.Ф. Риддер руководствовался не личным опытом, а расспросами: объехать всю Сибирь за столь короткий срок было невозможно⁵.

Ф.Ф. Риддер считал нужным составить исчисление штата предлагаемой им к учреждению особой водной полиции, ожидая одобрения этого предложения со стороны томского и тобольского губернаторов.

ВТОРОЙ ОТЧЕТ. ПРОЕКТЫ СУДОХОДНЫХ КАНАЛОВ

Первый отчет Ф.Ф. Риддера был рассмотрен в Совете путей сообщения, но не получил одобрения. Его составителю была объявлена благодарность за труды, однако отмечалось, что его описание мало отвечало ожиданиям вышестоящих чиновников – сведения были слишком поверхностны и общи, часть водных путей не упомянута, пропущены некоторые пристани. Ф.Ф. Риддеру было поручено составить новый отчет, причем Совет направил подробную схему, по которой его следовало оформлять⁶.

Для каждого из судоходных путей предписывалось обозначить: какое, постоянное или временное, сплавное или бечевое судоходство по нему производится и на какое расстояние; где судоходство начинается и где оканчивается; какие перевозятся товары – с указанием количества, веса, цены, принадлежности, мест, откуда и куда отправляются, способов доставки до судоходных путей. Требовалось также дать описание употребляемых судов; указать, помимо типа, размеры, вместительность, цену постройки, материалы постройки, количество времени и людей, необходимых для нее; описать, как суда движутся – бечевой, лошадью, людьми, на парусах; отметить размер платы лоцманам и рабочим, места их найма, их происхо-

ждение и проч. Требовалось описать состояние бечевников; фарватера; качество грунта; скорость течения, глубину, ширину реки; пристани, находящиеся на каждой из рек, производимую на них нагрузку и соответственно выгрузку; имеющиеся склады для хранения товаров; способ перевозки товаров для доставки их к пристани; цену перевозки; волоки; состояние народной промышленности. Необходимо было собрать информацию и об имевшихся затруднениях в судоходстве: мелководье, засорение рек, пороги и прочие природные факторы; отметить трудности, связанные с нехваткой людей, материалов, неудачной конструкцией судов; недостатки в организации судоходства, поборы и притеснения со стороны местных властей. Предписывалось обосновать предложения о способах для исправления указанных затруднений, в том числе сообщить о необходимости чистки речных фарватеров, строительстве каналов и организации шлюзов, благоустройстве бечевников, учреждении полицейских бригад – смотрителей и лоцманов. Подчеркивалось, что водная полиция может быть введена только после сбора всех этих сведений⁷.

Выполнение такой масштабной работы, подразумевавшей проведение продолжительных экспедиций по всей Сибири, требовало больших затрат времени, сил и средств. Следовало также учитывать, что Ф.Ф. Риддер был человек уже пожилым, страдал от глазной болезни и имел лишь одного помощника. В надежде на содействие он направил письмо принцу Г.П. Ольденбургскому, в котором объяснял сложность поставленной задачи и просил разрешения прибыть в Тверь для личной беседы. Однако принц отказал Риддеру в аудиенции, видимо, считая сбор сведений делом срочным и не терпящим отлагательств. Трудно сказать, как сложились бы в дальнейшем отношения Г.П. Ольденбургского и Ф.Ф. Риддера, но в дело вмешались обстоятельства, заставившие принца совершенно сменить род деятельности. Началась Отечественная война 1812 г., в ходе которой Георг Ольденбургский сначала находился в действующей армии, потом, возвратившись в тыл, занялся формированием народного ополчения, устраивал лазареты, организовывал снабжение войск и содержание военнопленных. В начале декабря 1812 г. во время осмотра госпиталя он заболел, и в ночь с 14 на 15 декабря жизнь этого выдающегося человека, много сделавшего для развития российского речного судоходства, оборвалась [Мазинг, 2011].

Ф.Ф. Риддер между тем серьезно взялся за дело. Пока в европейской части России гремели сражения, он, невзирая на старость и болезни, объезжал сибирские судоходные пути, составляя новое описание. В 1813 г. оно было закончено. Ф.Ф. Риддер отправляет его новому директору путей сообщения – Ф.П. Деволанту. Это описание было куда объемнее первого. Его предваряет список судоходных рек Сибири и Дальнего Востока и всех пристаней на них, а также на оз. Байкал, на побережьях Охотского и Берингова морей и Тихо-

³РГИА. Ф. 159. Оп. 1. Д. 539. Л. 13.

⁴Там же. Л. 14.

⁵Там же. Л. 20.

⁶Там же. Л. 25.

⁷РГИА. Ф. 159 Оп.1 Д. 539. Л. 26.

го океана. Описываемые пристани и судоходные пути относились к Пермской, Тобольской, Томской, Иркутской губерниям. Кратко характеризуются и реки Оренбургской губернии, на которых, как указано в описании, ни одной пристани не существовало.

Информация, сообщаемая Ф.Ф. Риддером в новом отчете, намного полнее, чем в первом. В новом описании им представлена масштабная картина экономической жизни Сибири с обозначением основных маршрутов водных перевозок – как бы «кровеносных сосудов» азиатской части империи. Это и Лена, куда товары доставлялись гужем, с большими сложностями: в некоторых местах приходилось перебираться через широкие реки, где лошадей пускали вплавь; и дороги через тайгу и горы, что связывали Лену с Охотским морем, по которым якутские перевозчики доставляли товары для снабжения тихоокеанских портов; и Селенга, по которой шло множество судов с китайскими товарами из Кяхты; и со свинцом с Нерчинских заводов; и Байкал – «море Байкал», как, следуя традиции, именует его Риддер; Ангара с опасными порогами, создающими опасность для судоходства; Енисей, Обь, Иртыш, Тобол – наиболее оживленные водные пути, связывающие Сибирь с европейской частью России⁸. Причем Ф.Ф. Риддер описывает не только крупнейшие реки, но уделяет внимание всем водоемам, на которых существует судоходство или есть возможность для его учреждения. Например, он сообщает о такой небольшой и мелководной реке, как Омь.

Как и предписывалось, Ф.Ф. Риддер обращает особое внимание на затруднения в судоходстве и рекомендует средства к их исправлению. Так, указывая на сложности в прохождении судов по Ангаре из-за опасного Падунского порога, для преодоления которого суда приходилось разгружать, он предлагает для решения этой проблемы соорудить канал в обход, что, однако, так и не было реализовано. Много места Ф.Ф. Риддер отводит описанию сложностей судоходства по Иртышу, которые, по его мнению, происходили из-за безграмотной и противозаконной деятельности местных властей. По его словам, заведующие пристанями офицеры и казаки чинили судоводителям различные препятствия, брали взятки и пошлины в огромных размерах. Ф.Ф. Риддер предлагал изменить порядок сбора пошлин и прекратить притеснения со стороны властей. Более того, для каждой значительной реки им был составлен рекомендуемый штат смотрителей, которым надлежало заведовать пристанями.

Работая над отчетами, Ф.Ф. Риддер заинтересовался идеей соединения бассейнов рек Оби и Енисея. Мысль эта к тому времени была уже не нова: еще в 1797 г. проект такого соединения предлагал управляющий иркутской казенной фабрики О.И. Новицкий [Щеглов, 1993, с. 207]. Для Ф.Ф. Риддера этот вопрос представлял большую важность, и здесь мы не можем согласиться с М.С. Немцевым в том, что проблема соединения Оби с Енисеем была

для него «далеко не единственной, хотя и главной» [Немцев, 2006, с. 118]. Мы считаем, что главной задачей Ф.Ф. Риддера было исследование судоходных путей и изыскание возможностей к их улучшению в целом, а проектирование Обь-Енисейского канала являлось лишь одним из многих ее аспектов. Так или иначе Ф.Ф. Риддер лично в 1813 г. предпринял экспедицию в Обь-Енисейское междуречье, установив, что наилучший путь для соединения двух бассейнов пролегает по рекам Тым и Сым. Позже, в 1814 г., он предложит еще один вариант канала – через реки Вах и Елогуй. Кроме того, Ф.Ф. Риддер высказывал мысль о возможности соединения рек бассейна Иртыша с бассейном Камы и Волги. Это открыло бы речное судоходство между Сибирью и европейской частью империи [Немцев, 2006, с. 117].

22 апреля 1813 г. второй отчет Ф.Ф. Риддера был рассмотрен Комитетом Совета путей сообщения. Его заключение было положительным. Указывалось, впрочем, что учреждение полицейского надзора над судоходными путями, о котором ратовал Ф.Ф. Риддер, должно быть сначала согласовано с губернскими властями. По вопросу усовершенствования судоходных путей Комитет сделал весьма смелое предложение: рассмотреть возможность создания единого водного пути от Поволжья до Якутии, для чего требовалось соединить бассейн Камы с Обским бассейном, тот с Енисейским, а его, в свою очередь, с бассейном Лены⁹. Данный план может показаться несколько утопичным, однако следует отметить, что возможности для его реализации имелись. Исключением являлось соединение бассейнов Енисея и Лены, что весьма затруднительно даже в настоящее время по причине сурового климата и горного рельефа местности. В 1815 г. по инициативе управляющего Верх-Исетским заводом Г.Ф. Зотовым началось строительство канала между Исетью и Чусовой, соединяющего бассейны Оби и Волги, впрочем, вскоре заброшенного [Данилевский, 1947, с. 302]. В 1885–1891 гг. был сооружен знаменитый Обь-Енисейский канал [Агеев, 2010; Баженов, Куприянова, 2019], игравший довольно заметную роль (хотя и оценивавшуюся подчас критически [Прохоров, 2023]) в сибирском речном судоходстве, но эксплуатировавшийся сравнительно недолго¹⁰.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Получив в целом положительный ответ от своего руководства, Ф.Ф. Риддер продолжил труды по улучшению судоходства в Сибири. Он предпринимает новые полевые изыскания, руководит укреплением берегов на р. Иртыш [Немцев, 2006, с. 119]. Эту ра-

⁹РГИА. Ф. 159. Оп. 1. Д. 539. Л. 110.

¹⁰ Следует отметить, что формально единый водный путь от Волги до Байкала существует и в наши дни. Впрочем, его практическое использование для судоходства невозможно: узкие каналы между Исетью и Чусовой используются для снабжения Екатеринбурга водой, и суда по ним следовать не могут, а Обь-Енисейский канал обмелел и зарос, сделавшись проходимым лишь для легких лодок.

⁸РГИА. Ф. 159. Оп. 1. Д. 539.

боту весьма затрудняли конфликты с местными властями, и в первую очередь с генерал-губернатором И.Б. Пестелем. В конечном итоге, непонимание между Ф.Ф. Риддером и И.Б. Пестелем стало одной из причин ревизии Сибири М.М. Сперанским в 1818 г., по результатам которой И.Б. Пестель был отстранен от должности [Немцев, 2006, с. 123; Коновалов, 2018]. Ф.Ф. Риддер в том же году получает назначение в Ригу и покидает Сибирь [Залесов, 2007].

Подводя итоги исследования, следует отметить, что оба отчета Ф.Ф. Риддера, несомненно, являются ценнейшими источниками по экономической истории Сибири и Дальнего Востока начала XIX в. Приводимые в них сведения, во многом уникальные, могут стать основой для дальнейших исследований в обозначенных выше направлениях. Работы Ф.Ф. Риддера, осуществлявшиеся на фоне общего усиления интереса государства к изучению водных коммуникаций, имели большое значение для развития внутреннего судоходства в азиатской части Российской империи. Он первым составил столь полное описание судоходных путей, обратив внимание на имевшиеся затруднения в их эксплуатации. Исходя из вышеизложенного, мы можем судить о том, что период 1810-х гг. в целом был важной вехой в истории внутренних водных путей как всей страны, так и Сибири, и Дальнего Востока. Реакция властей на отчеты Ф.Ф. Риддера показывает их значительную заинтересованность в результатах такого рода работ, высокую степень внимания к улучшению условий судоходства за Уралом, осознание его важного хозяйственного значения для страны. Представляются перспективными дальнейшие исследования как материалов данных отчетов Ф.Ф. Риддера, так и других источников, связанных с указанным периодом в истории внутренних водных путей Сибири; такие работы безусловно, помогут полнее представить общую картину экономического развития региона в первой половине XIX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агеев И.А. Обь-Енисейский канал в транспортной системе Сибири (вторая половина XIX – начало XX века) // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2010. № 1(9). С. 22–26.

Арутюнов Г.Б. История развития водного транспорта Верхне-Ленского бассейна (1860–1985 гг.): автореф. дис. канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2009. 194 с.

Баженов Ю.М., Куприянова Е.Р. Обь-Енисейский канал – памятник культурного наследия Сибири // Природное и культурное наследие: междисциплинарные исследования, сохранение и развитие: кол. моногр. по материалам VIII Междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2019. С. 346–348.

Башкирева Т.Ю. Первые пароходные компании Обь-Иртышского бассейна // Ом. науч. вестн. 2008. № 4(69). С. 28–30.

Болишаков В.Н. Очерки истории речного транспорта Сибири. Новосибирск, 1991. 215 с.

Гончаров А.Е., Карелин Н.М. Организация пароходного сообщения на Енисее в XIX веке: история одного дневника // Вестн. Сев. (Аркт.) федерал. ун-та. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2018. № 2. С. 15–26.

Данилевский В.В. Русская техника. Л.: Ленингр. газетно-журнальное и книжное изд-во, 1947. 520 с.

Залесов В.Г. Офицеры корпуса инженеров путей сообщения в Сибири в первой половине XIX в. // Вестн. Том. гос. архитектур.-строит. ун-та. № 4, 2007. С. 14–23.

Ижэндеев А.Ю. Томский округ путей сообщения // Вестн. Том. гос. ун-та. 2007. № 300-3. С. 55–56.

Казарян П.Л. Иркутско-Якутский почтовый тракт (к 270-летию учреждения) // Наука и техника в Якутии 1(14). 2008. С. 49–56.

Комлева Е.В. Снабжение хлебом северных районов Сибири (XVII–XIX вв.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23, № 3. С. 13–18.

Мазинг Ю.А. Семья «Русских» Ольденбургских // Пространство и Время. 2011. № 1. С. 209–216.

Малолетко А.М. Алтайский рудознавец Филипп Риддер (к 250-летию со дня рождения) // География и природопользование Сибири. 2010а. № 12. С. 183–190.

Малолетко А.М. 250 лет со дня рождения горного инженера Ф.Ф. Риддера // Алтайский край. 2011 г. Календарь знаменательных и памятных дат. Барнаул, Изд-во: Алт. полиграф. комбинат, 2010б. С. 139–142.

Мальшиева М.П. Дневник экспедиции 1814 г. инженер-полковника Ф. Риддера как памятник историко-культурного обследования Сибири // Памятники истории, культуры и градостроительства Сибири. Новосибирск: Наука, 1991. С. 131–142.

Мальшиева М.П. Сведения о населенных пунктах Сибири в путевом журнале Ф.Ф. Риддера 1781 г. // Населенные пункты Сибири: опыт исторического развития (XVII – начало XX вв.). Новосибирск, 1992. С. 76–87.

Немцев М.С. Филипп Риддер и его время. Риддер: Терра, 2006. 168 с.

Петров Ю.И. Результаты преобразований в системе управления путями сообщений в правление Александра I // Транспортное право и безопасность. 2021. № 4(40). С. 329–335.

Попова А.С., Ладченко М.А. Ярмарочная торговля в Енисейской губернии в XVIII в. – 1917 г. // Научный Лидер. 2022. № 52(97). С. 71–74.

Прохоров А.К. «Конкурент» железной дороги: проект Обь-Енисейского канала на страницах «Восточного обозрения» // Иркут. ист.-экон. ежегодник. Иркутск, 2023. С. 391–395.

Щеголов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. Сургут, 1993. 463 с.

Braudel F. Civilisation matérielle, économie et capitalisme: XVe–XVIIIe siècle. Paris: Librairie générale française. 1979. Vol. 1. 736 p.

Chaplin T.W. The narrow boat book. Weybridge: Whittet Books Ltd., 1978. 120 p.

Ware M.E. Canals and Waterways. Shire, 2008. 88 p.

REFERENCES

Ageev I.A. (2010). Ob-Yenisei Canal in the transport system of Siberia (second half of the 19th – early 20th centuries). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, no. 1, pp. 22–26. (In Russ.)

Arutyunov G.B. (2009). History of the development of water transport in the Upper Lena basin (1860–1985): Cand. hist. sci. diss. abstr. Rostov-on-Don, 24 p. (In Russ.)

Bashkireva T.Yu. (2008). The first shipping companies of the Ob-Irtysh basin. *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*, no. 4, pp. 28–30. (In Russ.)

Bazhenov Yu.M., Kupriyanova E.R. (2019). Ob-Yenisei Canal – a monument of cultural heritage of Siberia. *Prirodnoe i kul'turnoe nasledie: mezhdistsiplinarnye issledovaniya, sokhraneniye i razvitiye: kollektiv. monogr. po materialam VIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Sankt-Peterburg, 28–29 okt. 2019 g.)*. Saint Petersburg, pp. 346–348. (In Russ.)

Bol'shakov V.N. (1991). Essays on the history of river transport in Siberia, XIX century. Novosibirsk, Nauka. Sib. otd-nie, 215 p. (In Russ.)

Braudel F. (1979). *Civilisation matérielle, économie et capitalisme: XVe–XVIIIe siècle*. Paris, Librairie générale française, vol. 1, 736 p.

Chaplin T.W. (1978). *The narrow boat book*. Weybridge, Whittet Books, 120 p.

- Danilevskiy V.V. (1947). Russian technology. Leningrad, Leningr. gaz.-zhurn. i kn. izd-vo, 484 p. (In Russ.)
- Goncharov A.E., Karelin N.M. (2018). Organization of steamship traffic on the Yenisei in the 19th century: the story of one diary. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, no. 2, pp. 15–26. (In Russ.)
- Izhendeev A.Yu. (2007). Tomsk district of transport communications. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 300-3, pp. 55–56. (In Russ.)
- Kazaryan P.L. (2008). Irkutsk-Yakutsk postal route (to the 270th anniversary of the establishment). *Nauka i tekhnika v Yakutii*, no. 1, pp. 49–56. (In Russ.)
- Komleva E.V. (2016). The grain supply to the northern areas of Siberia in the 17th–19th centuries. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, vol. 23, no. 3, pp. 13–18. (In Russ.)
- Maloletko A.M. (2010a). Altai ore explorer Philip Ridder (on the 250th anniversary of his birth). *Geografiya i prirodopol'zovanie Sibiri*, no. 12, pp. 183–190. (In Russ.)
- Maloletko A.M. (2010b). 250 years since the birth of mining engineer Ph.Ph. Ridder (1761 – between 1835 and 1838). *Altaiskiy kray, 2011 g.: kalendar' znamenat. i pamyat. dat.* Barnaul, pp. 139–142. (In Russ.)
- Malysheva M.P. (1991). Diary of the 1814 expedition of engineer-colonel Ph. Ridder as a monument of the historical and cultural survey of Siberia. *Pamyatniki istorii, kul'tury i gradostroitel'stva Sibiri: sb. nauch. st.* Novosibirsk, pp. 131–142. (In Russ.)
- Malysheva M.P. (1992). Information about the settlements of Siberia in the travel journal of Ph.Ph. Ridder in 1781. *Naselennye punkty Sibiri: opyt istoricheskogo razvitiya (XVII – nachalo XX vv.)*. Novosibirsk, pp. 76–87. (In Russ.)
- Mazing Yu.A. (2011). The “Russian” Oldenburg family. *Prostranstvo i vremya*, no. 1, pp. 209–216. (In Russ.)
- Nemtsev M.S. (2006). Philip Ridder and his time (biography with historical digressions). Ridder, Izd. byuro «Terra», 166 p. (In Russ.)
- Petrov Yu.I. (2021). The results of transformations in the control system of transport communications during the reign of Alexander I. *Transportnoe pravo i bezopasnost'*, no.4, pp. 329–335. (In Russ.)
- Popova A.S., Ladchenko M.A. (2022). Fair trade in the Yeniseisk province in the 18th century – 1917. *Nauchnyy lider*, no. 52, pp. 71–74. (In Russ.)
- Prokhorov A.K. (2023). The rival of the railway: the Ob-Yenisei Canal project on the pages of “Eastern Review”. *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskii ezhegodnik: 2023*. Irkutsk, pp. 391–395. (In Russ.)
- Shcheglov I.V. (1993). Chronological list of the most important data from the history of Siberia, 1032–1882. Surgut, Aktsioner. inform.-izd. kontsern “Sev. dom”, 463 p. (In Russ.)
- Ware M.E. (2008). Canals and waterways. Shire Publ., 88 p.
- Zalesov V.G. (2007). Officers of the corps of transport communications engineers in Siberia in the first half of the 19th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta*, no. 4, pp. 14–23. (In Russ.)
- Статья поступила в редакцию 26.02.2024
Дата рецензирования 27.03.2024
Статья принята к публикации 11.04.2024

DOI: 10.15372/HSS20240210

УДК 94:930(571.1/5)"18/19"

EDN: AXKKCC

М.Ю. ЧУПИН

**СПРАВОЧНИКИ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ:
СОЗДАНИЕ, СОДЕРЖАНИЕ, РАСПРОСТРАНЕНИЕ, ЧТЕНИЕ
(КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX в.)**

Томский государственный университет,
РФ, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

В фокусе исследования автора находятся малоизученные проблемы создания и бытования справочников, которые Переселенческое управление издавало для крестьян в конце XIX – начале XX в. Установлены авторы, тиражи и механизмы распространения такого рода книжной продукции. За несколько десятилетий сложились целые серии справочных изданий, которые предоставляли переселенцу детальную информацию о регионах Азиатской России в текущем году. Со сменой переселенческого курса от сдерживания к поощрению репрезентация Сибири становилась все более позитивной. Вместе с тем справочники не были рекламным изданием, так как в них содержались разносторонние (в том числе негативные) сведения о Сибири. Их можно считать одним из ограниченно эффективных каналов информирования. Тиражи и механизмы, компенсировавшие грамотность, делали справочные книги доступными, но действенность их распространения остается неясной. Кроме того, крестьяне могли воспринимать содержание справочника в искаженном виде и не доверять официальной информации.

Ключевые слова: справочники для переселенцев, Переселенческое управление, переселение, Сибирь.

Для цитирования: Чупин М.Ю. Справочники Переселенческого управления: создание, содержание, распространение, чтение (конец XIX – начало XX в.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2024. Т. 31, № 2. С. 74–83. DOI: 10.15372/HSS20240210

M.YU. CHUPIN

**RESETTLEMENT ADMINISTRATION HANDBOOKS:
CREATION, CONTENT, DISTRIBUTION, READING
(LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURY)**

Tomsk State University,
36, Lenin Ave., Tomsk, 634050, Russian Federation

The study focuses on the understudied problems of creation and use of handbooks published by Resettlement Administration for peasants in the late 19th and early 20th centuries. The first official publications for informing settlers were issued by Resettlement Administration. Comparison of the handbooks of different years shows how the system of information collection developed and how the representation of Siberia changed. A series of handbooks about Asiatic Russia emerged over several decades, as well as their short versions, and handbooks about resettlement areas. They provided the settlers with detailed information about the regions of Asiatic Russia in the current year. The representation of Siberia became more positive with the change of the resettlement course from deter to encouragement. The compilers of handbooks, their print runs, and the mechanism of their distribution are identified. Generally, the compilers of handbooks were experienced and high-ranking officials, some of whom were engaged in scientific activities. The purpose of the handbooks was not advertising, but informing peasants about the difficulties and prospects of resettlement. It is complicated

Максим Юрьевич Чупин – аспирант Томского государственного университета, e-mail: maxim.chupin.1998@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0000-7639-1640>.

Maxim Yu. Chupin – Postgraduate Student, Tomsk State University, e-mail: maxim.chupin.1998@gmail.com.

to establish with certainty what influence the handbooks had on the settlers. At most, they can be considered a limitedly effective source of information. The annual circulation corresponded to the number of settlers, with some years being exceptions. However, it is not clear whether the mechanism of distribution of handbooks allowed to bring the publications to the reader. The literacy level of peasants was low, but there were compensatory mechanisms, such as collective reading aloud, assistance of officials and zemstvo workers. It is possible that a significant factor that reduced the effectiveness of handbooks was that peasants misunderstood them and might not have trusted official information.

Key words: resettlement handbooks, Resettlement administration, resettlement, Siberia.

ВВЕДЕНИЕ

Переселенческое управление с 1897 по 1917 г. издавало для крестьян справочники, которые содержали сведения о природных и экономических условиях хозяйствования в Азиатской России, а также о правилах и порядке переселения на эту территорию¹.

В дореволюционной и советской историографии такие издания упоминали, например, А.А. Кауфман [Кауфман, 1905, с. 62, 171], Б.С. Сулейменов и В.Я. Басин [Сулейменов, Басин, 1981, с. 137, 138]. В одной из глав монографии Л.Ф. Складорова [Складоров, 1962, с. 124–135] дан анализ справочных книг. Он, как и другие советские авторы, рассматривал справочник в качестве рекламного издания.

Справочные книги анализируются в статьях современных авторов В.Е. Смирновой [Смирнова, 1998, с. 65–63], А.А. Кузьмина [Кузьмин, 2017, с. 36–41], которые считают, что функцией справочника была не реклама, а информирование крестьян. В.Е. Смирнова на основе статистических материалов оценила эффективность справочной деятельности. А.А. Кузьмина, в частности, интересовало, как составлялись книги о Сибири, какими тиражами они выходили [Кузьмин, 2017, с. 36–41]. В. Сандерленд поднял вопрос о том, как крестьяне воспринимали справочную информацию [Sunderland, 2001, p. 899, 900].

Ранняя информационная деятельность Переселенческого управления остается неизученной, не прослежена генетическая связь между справочниками этого ведомства и литературой для крестьян земского отдела МВД, Комитета Сибирской железной дороги (КСЖД). Сравнение справочников Переселенческого управления разных лет позволяет увидеть, как менялось их содержание, как на него влияла смена переселенческого курса. Такие характеристики источника, как авторство, механизм распространения, и другие до сих пор не установлены, тиражи выявлены только для справочников, изданных в определенные годы. Цель настоящей статьи – заполнить отмеченные лакуны.

В данном исследовании источники рассматриваются в рамках подхода О.М. Медушевской, которая определяет их как «объекты культуры, созданные в процессе целенаправленной, осознанной деятельности людей» [Источниковедение ..., 1998, с. 21]. Исходя из этого, понять и интерпретировать источник возможно через реконструкцию авторских целей.

Для анализа транслируемой информации об Азиатской России нами используется понятие «географический образ», который представляет собой совокупность «ярких, характерных сосредоточенных знаков, символов, ключевых представлений, описывающих какие-либо реальные пространства» [Замятин, 2006, с. 93]. В статье сделан акцент на общих сведениях справочников, касающихся перспектив и сложностей хозяйствования в Азиатской России.

Справочные книги Переселенческого управления, делопроизводственные документы об их создании, мемуары составителей позволяют установить авторский замысел отдельных справочников, тиражи и механизмы их распространения. Благодаря информационным изданиям земского отдела МВД, КСЖД, частному справочнику Н.К. Истоминой возможно проследить генезис справочной деятельности Переселенческого управления. Источников по чтению справочной литературы крестьянами очень мало, они редко содержат описания читательского процесса, вследствие чего реконструировать бытование этих книг возможно чаще всего лишь гипотетически и интерполяционно, основываясь на казусах крестьянского чтения литературы вообще, свидетельствах современников (А.Н. Куломзина, А.А. Кауфмана, авторов «Сибирских вопросов»). В дальнейших исследованиях необходимо продолжить поиск источников о чтении справочных книг переселенцами.

СОЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СПРАВОЧНЫХ КНИГ ДЛЯ КРЕСТЬЯН: РАННИЕ СПРАВОЧНИКИ ЗЕМСКОГО ОТДЕЛА МВД, КСЖД И ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

Статьи для переселенцев стали публиковаться в государственном журнале «Сельский вестник» еще в конце 1880-х [Sunderland, 2001, p. 897]. Идея создать полноценный правительственный справочник для переселенцев в Сибирь была высказана в земском отделе МВД в начале 1891 г. В виде служебной записки ее предложил чиновник по особым поручениям, заведующий переселенческим делом Томской губернии (его имя установить не удалось). Он писал, что бытовавшие в крестьянской среде устные рассказы и письма содержали неверные, иногда даже фантастические (легенда о «Беловодье») сведения о Сибири². Чиновник указал, что саратовская администрация уже запраши-

¹ Переселение за Урал: справочная книжка для ходоков и переселенцев на 1910 г. СПб., 1910. С. 3, 4.

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 391. Оп. 2. Д. 312. Л. 258.

вала такие сведения о Сибири, которые были нужны для информирования потенциальных переселенцев. Он предложил распространить написанный им текст о переселении через «Сельский вестник»³. В 1890-х гг. такого рода справочные материалы стали выходить в приложениях к «Календарю Сельского вестника» под названием «Сведения о Сибири».

Полноценный справочник был создан только в Комитете Сибирской железной дороги по указанию его главы А.Н. Куломзина. Главноуправляющий КСЖД был сторонником переселения «середняков». Как и С.Ю. Витте, А.Н. Куломзин полагал, что в условиях роста миграционной волны и бедствий переселенцев особое значение для крестьян имеет информация о Сибири [Ремнев, Суворова, 2013, с. 87].

Во всеподданнейшем отчете Николаю II (1896 г.) А.Н. Куломзин во многом повторил аргументы вышеупомянутого чиновника из Томской губернии и также отметил, что крестьяне относятся к различным местностям Сибири предвзято и ожидают неоправданно большой государственной помощи⁴.

Главноуправляющий КСЖД выделил частные книжки, «вращающиеся в народе и читаемые всеми, даже малограмотными»⁵, в частности справочник «Сибирь и переселенцы» Н.К. Истоминой (1892 г.). Он выпускался Харьковским обществом распространения в народе грамотности. Судя по справочнику, Н.К. Истомина придерживалась народнических взглядов [Истомина, 1896, с. 24]. Эту книжку А.Н. Куломзин критиковал за то, что в ней не было «указаний на требования закона о переселении», но при этом поддерживалось переселение бедняков по паспортам⁶. То есть справочник способствовал росту «самовольческого» движения. Рассматриваемая серия частных справочников существовала около 9 лет, но после их критики во всеподданнейшей записке А.Н. Куломзина новых выпусков уже не выходило, что вполне могло быть обусловлено давлением властей.

В 1896 г. по распоряжению главноуправляющего КСЖД была составлена небольшая брошюра «Сибирское переселение», которая получила одобрение министра внутренних дел И.Л. Горемыкина. Выпускалась она и как самостоятельное издание⁷, и как приложение к «Сельскому вестнику»⁸.

Брошюра была написана анонимным автором, который летом 1896 г. «объездил Тобольскую, Томскую и Енисейскую губернии и Акмолинскую область»⁹. Составители частной книги «Что читать народу?» весьма положительно оценили это издание КСЖД

и отметили, что «книжка заслуживает широкого распространения»¹⁰.

В 1897 г. Переселенческое управление издало свой первый справочник «Сибирь». Предназначен он был для земских начальников¹¹. Вероятно, ранние справочники Переселенческого управления финансировались КСЖД, что точно установлено для выпуска 1902 г.¹²

Во введении составители отмечают, что научные работы и правительственные исследования не дают «многих подробностей, которые нужны крестьянам, идущим на переселение»¹³. По объему справочник в несколько раз превышал брошюру КСЖД и содержал не только общие сведения о Сибири, но и подробности об отдельных губерниях региона.

Сведения о переселенческих районах для составления справочников передавали чиновники с мест. Так, в работе над справочником участвовал заведующий Тобольской партией, известный исследователь Сибири С.П. Каффка¹⁴. Составителем ранних справочников был опытный чиновник и популярный писатель В.Л. Кигн (псевдоним В.Л. Дедлов). Справочники несколько лет (вероятно, с 1899 по 1903 г.) выходили по выработанному для них образцу¹⁵.

РАЗВИТИЕ ИНФОРМИРОВАНИЯ В ГОДЫ СТОЛЫПИНСКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ

Отсутствие справочников о Сибири в 1904–1905 гг., вероятно, связано с Русско-японской войной и изданием Переселенческого закона 6 июня 1904 г., который коренным образом изменил юридическое поле миграции. В период столыпинского переселения выпуск справочников возобновился.

В конце 1905 г. заведующий переселенческим делом в Приамурском крае предложил издать отдельную книгу о Дальнем Востоке, так как в общем издании 1903 г. «ходоки и переселенцы слишком мало находили о Дальнем Востоке нужных им разъяснений и сведений». Справочник за указанный год он характеризует как чрезвычайно краткий¹⁶.

В 1906 и 1907 гг. были изданы отдельные книжки о «макрорегионах»: Степном крае, Дальнем Востоке. Один справочник о лесной полосе Сибири вышел в 1907 г.

В октябре 1910 г. глава Переселенческого управления Г.В. Глинка обязал заведующих переселенческими районами предоставить данные для составления брошюр с описаниями отдельных областей Азиатской России, так как именно на эти сведения переселенцы

³ Там же.

⁴ Куломзин А.Н. Всеподданнейший отчет статс-секретаря Куломзина по поездке в Сибирь для ознакомления с положением переселенческого дела. СПб.: Гос. тип., 1896. С. 13, 14.

⁵ Там же. С. 17.

⁶ Там же.

⁷ Сибирское переселение. СПб.: Гос. тип., 1896. С. 16.

⁸ Сведения о Сибири. СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1897. С. 297–308.

⁹ Сибирское переселение. С. 3.

¹⁰ Что читать народу? Критический указатель книг для народного и детского чтения. СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза». 1906. Т. 3. С. 334.

¹¹ Сибирь. СПб.: Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1897. С. 1.

¹² РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 1085. Л. 1.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Оп. 1. Д. 401.

¹⁵ Там же. Оп. 7. Д. 1553.

¹⁶ Там же. Ф. 391. Оп. 4. Д. 390. Л. 7.

«обращают особое внимание»¹⁷. Заведующие должны были описать, в частности, характер местности, климат, почвы, цены, промыслы и население¹⁸.

Работать над справочниками могли не только специалисты. Составитель книг для переселенцев по Дальнему Востоку В.Ф. Романов писал, что Г.В. Глинка «для оживления наших литературных трудов» взял на службу сотрудника большой московской газеты. Этот журналист был уволен спустя 3 месяца из-за того, что потребовал процент с работы над составленным им справочником¹⁹.

Книги столыпинского периода содержали информацию как об Азиатской России в целом, так и по отдельным ее областям. В справочниках помещались карты и описания пути до переселенческих участков. В 1909–1912 гг. сложилась следующая структура, по которой описывали области Азиатской России:

- расположение;
- физическая география: ландшафт, климат, почвы;
- описание переселенческих участков;
- трудности хозяйствования;
- сельскохозяйственные культуры и их урожайность;
- сельскохозяйственные и лесные склады;
- заработки, промыслы;
- приписка к старожильческим обществам, аренда земли;
- цены на обустройство и продукты сельского хозяйства;
- ссуды;
- жилища.

В отличие от более ранних справочников, авторы которых вынуждены были оправдываться в недостатке сведений, в годы столыпинского переселения составители могли давать достаточно подробную информацию о хозяйственных и экономических условиях в переселенческих районах.

Выпускались также краткие версии справочников, которые распространялись бесплатно или за очень низкую стоимость. Они, как и районные справочные книги, систематически выходили с 1911 по 1914 г. Таким образом, сложился корпус справочной литературы Переселенческого управления, который включал: 1) «полные» 2) краткие, 3) районные (или региональные в 1906 и 1907 гг.) серии справочных книг.

Региональные и районные справочники содержали подробные таблицы, характеризующие переселенческие участки в данный год в той или иной местности (количество десятин земли, свободные доли, расположение, тип почв, урожайность, лес, вода). С 1909 по 1914 г. для каждого переселенческого района издавались списки переселенческих участков, в которых имелись свободные доли.

Историк А.А. Кузьмин отметил, что из-за недостатка времени эти описания участков иногда посы-

лали для отписки, поэтому сведения в справочниках «не всегда были объективны» [Кузьмин, 2017, с. 39]. Автор «Сибирских вопросов» под псевдонимом «Н-н» писал, что участки в Степном крае «исследованы крайне недостаточно» (для многих участков отсутствует информация о покосах, обеспеченности водой) или обладают «критическими недостатками» [Н-н, 1907, с. 4, 6]. Таким образом, описания участков имели существенные недостатки.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ В АЗИАТСКУЮ РОССИЮ: ЯВЛЯЛИСЬ ЛИ СПРАВОЧНИКИ РЕКЛАМОЙ?

Тезис о том, что справочники носили рекламный характер, транслировался еще в периодической печати Российской империи. Так, автор под псевдонимом «Н-н» писал, что книги Переселенческого управления были «чисто рекламного характера» [Н-н, 1907, с. 4, 6], из-за чего переселение являлось «искусственно раздуваемым» и приобрело «небывалые раньше размеры» [Н-н, 1907, с. 2, 7]. Вместе с тем переселенческие чиновники осуждали оппозиционную прессу, односторонне воспринимающую их справочники как «засывание» [Романов, 2012, с. 145].

Л.Ф. Скляров называл справочники столыпинского периода «правительственной пропагандой» и «рекламой» переселения [Скляров, 1962, 124–135]. Б.С. Сулейменов и В.Я. Басин считали, что еще в более ранней брошюре «Сибирское переселение» царское правительство приукрашивало справочные сведения, из-за чего «крестьянская беднота центральных губерний страны хлынула в Сибирь и в Казахскую степь» [Сулейменов, Басин, с. 137, 138]. Неясно, какую брошюру имели в виду Б.С. Сулейменов и В.Я. Басин, поскольку все справочники с указанным названием описывали Сибирь в темных красках.

Автор брошюры КСЖД «Сибирское переселение» 1896 г. транслировал образы плохо информированных переселенцев, находившихся в «горьком положении», из-за сложной расчистки леса, недостатка воды, обилия осота, засоряющего пашню, гнуса, нестабильных урожаев, свирепствующих чумы, сибирской язвы, нападения зверей, вредительства воров. В справочнике за этот год разоблачался миф о Беловодье²⁰. «Сибирское переселение» 1896 г. заканчивается призывом переселяться с деньгами и предварительно посылать ходов, чтобы уменьшить число возвращающихся «измученными и усталыми, на старое разоренное пепелище»²¹.

Справочники Переселенческого управления рубежа веков также концентрировались на негативных сторонах Сибири²². Их составитель В.Л. Кигн в целом

²⁰ Сибирь. С. 1.

²¹ Сибирское переселение. С. 16.

²² В справочниках Сибирь нередко употребляется в значении, включающем Степной Край и Дальний Восток. В следующих далее цитатах Сибирь также следует понимать расширенно, синонимично «Азиатской России» и «Большой Сибири».

¹⁷ Там же. Л. 1.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 55.

скептически относился к переселению и Сибири [Дедлов, 1894, с. 5, 6, 60, 102].

В справочниках 1900 г. указывалось, что по сравнению с Европейской Россией сибирское лето короче, страда тяжелее²³, а урожаи нестабильные²⁴. Составители писали, что переселенцу в Сибири остались только земли второго сорта²⁵.

С 1906 г. справочные книги начинают более позитивно описывать Сибирь. Фрагмент об урожайности – «то засыплет зерном, то изведет и семена» – встречается как в справочниках рубежа веков, так и в книге 1906 г.²⁶ В последнем к этому указанию добавлено, что «тяжелые труды в урожайный год вознаграждаются хорошо»²⁷.

В дальнейшем тенденция «позитивации» образа Сибири усилилась. Переселенческая брошюра 1900 г. проводит мысль о том, что «трудом и старанием можно кормиться»²⁸. По справочнику 1906 г., после «тяжелых трудов» крестьяне «устраниваются на новых местах довольно хорошо и живут иногда даже зажиточно»²⁹. В книгах о столыпинской реформе писали, что сибирские крестьяне чаще всего живут зажиточнее большинства крестьянства Европейской России³⁰.

Составители сделали акцент на том, что успешность переселения во многом зависит от качеств крестьянина. Он должен быть «много семейным, умным, работающим и осторожным, к тому же с копеей на трудный случай»³¹. «Только таким в Сибирь и идти, а плохенького Сибирь не переродит»³². В справочниках писали и об обратных переселенцах.

Рекламности «столыпинских» справочников противоречат указания для крестьян, которые составители помещали во введении этих книг: «Правительство никого не приглашает на переселение»³³; «многие не знают даже, как горько живет переселенцам в Сибири первые годы»³⁴; «не следует верить, что такая ссуда по закону будто бы должна быть выдаваема всем и каждому»³⁵. Справочники периода столыпинского переселения не перестали описывать трудности

хозяйствования в Азиатской России³⁶, а для рекламы несвойственно описывать негативные стороны рекламируемого объекта.

По словам Л.Ф. Складова, справочники «на первый взгляд кажутся объективными: в них есть и хорошее, и плохое, и перечисление некоторых трудностей» [Складов, 1962, с. 128]. Однако исследователь полагал, что описания трудностей нужны были для ограничения потока «самовольных» переселенцев и что читатель забывал эти предупреждения, «когда добирался до описания земельных богатств и почвенно-климатических условий» [Складов, 1962, с. 130]. Но указания на трудности касались всех, не только «самовольных» переселенцев. Игнорирование негативных сторон самими крестьянами не может быть свидетельством в пользу того, что справочник являлся рекламным изданием. Л.Ф. Складов считал, что «крестьянам-переселенцам обещали многие льготы..., достаточную помощь при обзаведении хозяйством» [Складов, 1962, с. 130]. Однако он же писал, что, согласно справочникам, суды на хозяйственное устройство недостаточны и переселенец должен был иметь свои деньги для обзаведения хозяйством [Складов, 1962, с. 129].

Как видим, образ Сибири в справочниках менялся со сменой переселенческого курса, возможностями переселенческих ведомств справиться с переселенческим потоком (в столыпинскую реформу штат чиновников был расширен, улучшилось финансирование). Вероятно, на преобладание позитивных сторон в приводимой информации повлияла и смена поколений чиновников. Вследствие этих факторов в текстах для переселенцев менялись акценты, отбор материалов. До «рекламности» и ангажированности справочники никогда не доходили [Смирнова, 1998, с. 61].

ТИРАЖИ И МЕХАНИЗМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ СПРАВОЧНИКОВ

Возможность для потенциального переселенца обратиться к справочникам зависела от величины тиражей (табл. 1). Тираж изданий варьировался от 100 до 300 тыс. экз. В годы, для которых известна только стоимость печати, количество вышедших справочников было сопоставимым. Это можно установить, исходя из их отношения к стоимости издания³⁷.

Сопоставим количество переселенцев и тираж, чтобы проверить, был ли тираж достаточным для информирования переселенцев.

На одну крестьянскую семью, в среднем состоявшую из 6 чел. [Миронов, 2012, с. 534], приходилось

²³ Сибирское переселение (что нужно знать каждому ходоку). СПб.: Тип. М-ва внутр. дел. 1900. С. 2.

²⁴ Там же. С. 4.

²⁵ Там же. С. 6.

²⁶ Там же. С. 4.

²⁷ Справочная книжка о переселении за Урал в 1906 г. СПб.: Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1906. С. 11.

²⁸ Сибирское переселение (что нужно знать каждому ходоку). С. 33.

²⁹ Справочная книжка о переселении за Урал в 1906 г. С. 4.

³⁰ Переселение за Урал: справочная книжка для ходоков и переселенцев на 1909 год. СПб.: Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1909. С. 13.

³¹ Сибирское переселение: (что нужно знать каждому ходоку). С. 4.

³² Там же. С. 6.

³³ Переселение за Урал в 1908 году: справочная книжка. СПб.: Тип. «Сел. Вестника» 1908. С. 9.

³⁴ Переселение за Урал: справочная книжка для ходоков и переселенцев на 1910 г. СПб., 1910. С. 5, 6.

³⁵ Справочная книжка для ходоков и переселенцев. Переселение за Урал в 1912 году. СПб.: Тип. «Сел. Вестника», 1912. С. 18, 19.

³⁶ Справочная книжка о переселении за Урал в 1906 г. 1906. С. 4, 6, 7; Переселение за Урал: справочная книжка для ходоков и переселенцев на 1909 год. С. 26, 27.

³⁷ В отчетах Переселенческого управления указаны расходы на все печатные издания. Но научные и статистические труды ведомства выходили очень маленькими тиражами. Крупными тиражами в них выпускались разъяснения по переселению, помещавшиеся на одну большую страницу, и приводилось краткое содержание справочников. Поэтому прочими изданиями Переселенческого управления в расчетах пренебрегаем.

Т а б л и ц а 1

Тиражи и стоимость издания справочников Переселенческого управления

T a b l e 1

Circulations and publication costs of the Resettlement Administration handbooks

Серия Series	Год Year	Тираж, тыс. экз. Circulation, ths.	Стоимость издания, тыс. руб. Publication cost, RUB, in thousands
Сибирское переселение (изд. КСЖД)	1896	400	—
Сибирь	1897	Около 5	—
Сибирское переселение в 1893–1903 гг.	1898	—	—
	1899	125	—
	1900	125	—
	1901	125	—
	1902	130	20
	1903	125	—
Справочная книжка о переселении за Урал	1906	—	—
Переселение за Урал в 1907–1917 гг.	1907	130	32
	1908	—	30
	1909	100	30
	1910	168	30
	1911	—	—
	1912	300	40
	1913	—	60
	1914	—	60
	1915	—	60
	1916	—	30
	1917	—	30

Источники: Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1905. С. 62; РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 312. Л. 198, 200; Д. 1085. Л. 1; Д. 1595. Л. 7; Смета доходов, расходов и спецсредств Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия на 1908 г. СПб., 1907. С. 18; Смета доходов, расходов и спецсредств Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия на 1910 г. СПб., 1909. С. 36; Смета доходов, расходов и спецсредств Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия на 1911 г. СПб., 1910. С. 16; Смета доходов, расходов и спецсредств Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия на 1912 г. СПб., 1911. С. 43–45; Смета доходов, расходов и спецсредств Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия на 1915 г. СПб., 1914. С. 38–39; Смета доходов, расходов и спецсредств Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия на 1916 г. СПб., 1915. С. 33, 34.

4,2 книги, а на каждого грамотного переселенца 1,8 книги. Таким образом, тираж был вполне достаточным для информирования даже тех, кто решил не переселяться в Сибирь после ознакомления со справочником. Но в годы пиков переселения – в 1907 и 1909 гг. – книг могло не хватать. Существовали также семьи, в которых не было грамотных.

Неясно, насколько равномерно справочники расходились по губерниям Европейской России. Основная масса крестьян переселялась из южных черноземных губерний [Тюкавкин, 2001, с. 39]; следовательно, было бы более эффективно распространять именно здесь большую часть справочников.

Книги об Азиатской России направлялись в землеустроительные комиссии, заказывались в Переселенческом управлении³⁸. С 1899 по 1903 г. значительная

часть справочников распространялась как приложение к одному из январских или февральских номеров «Сельского вестника»³⁹. Это позволяло доставлять книги в волостные правления и отдельным крестьянам через налаженную сеть распространения газеты. Но не все ее подписчики планировали переселяться, что снижало эффективность информирования. В 1903 г. 90 тыс. справочников рассылалось через «Сельский вестник», а 40 тыс. экз. поступило в продажу⁴⁰.

Справочные книги также рассылались губернаторам, земским начальникам, присутствиям по крестьянским делам. В 1904 г. и.д. губернатора Воронежской области писал, что распространил 1086 из 1100 высланных экземпляров «Сибирского переселения в 1903 г.»⁴¹.

³⁹ РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 1595. Л. 7.

⁴⁰ Там же. Д. 1085. Л. 1.

⁴¹ Там же. Л. 186.

³⁸ Переселение за Урал в 1914 году. СПб., 1914. С. 23.

Т а б л и ц а 2

Отношение тиража к числу переселенцев

T a b l e 2

Ratio of circulations to the number of resettlers

Год Year	Количество переселенцев, тыс. чел. Resettlers, ths.	Книг, тыс. экз. Books, ths.	Книг на переселенца, экз. Books per resettler	Книг на число переселенческих семей, экз. Ratio of books to the number of resettlers' families	Книг на число грамотных переселенцев-мужчин, экз. Ratio of books to the number of literate male resettlers
1899	223,2	125	0,6	3, 4	1,4
1900	219,3	125	0,6	3,4	1,5
1901	120,2	125	1	6,2	2,6
1902	110,9	130	1,2	7	3
1903	125,5	125	0,9	6	2,5
1907	576,9	130	0,2	1,4	0,6
1909	707,5	100	0,1	0,8	0,4
1910	352,9	168	0,5	2, 9	1,2
1912	259,6	300	1,2	6,9	3
В среднем:		147,5	0,7	4,2	1,8

Источник см. табл. 1, 3 в данной статье; Турчанинов Н.В. Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 гг. СПб.: Переселенческое упр. 1910. VIII, 85 с.; Итоги переселенческого движения за время с 1910 по 1914 гг. (включительно). Пг.: Переселенческ. упр., 1916. 81 с.

К 1914 г. продажа справочных книг была организована на крупных переселенческих пунктах⁴². В 1911 г. Г.В. Глинке докладывали о том, что в Сызрани и Челябинске создавались переселенческие книжные лавки от «Сельского вестника», а из них – справочники должны были продаваться также особым переселенческим книгоношам⁴³. Упоминание «Сельского вестника» в 1911 г. свидетельствует о том, что через эту газету справочник распространялся и в годы столыпинской реформы.

В трансляции государственных справочных сведений участвовали деятели земств, волостных управлений, народных читален и библиотек, а также сельские священники, учителя и земские врачи. Для них имелась возможность выписать книгу из Санкт-Петербурга за половину стоимости⁴⁴. Служащий Переселенческого управления В.П. Вошинин писал, что главноуправляющий землеустройства и земледелия А.В. Кривошеин сотрудничал с земскими учреждениями для «осведомления народных масс с условиями переселения и ведения хозяйства за Уралом» [Вошинин, 1915, с. 9].

Издавались разъяснения Главного управления землеустройства и земледелия о переселении, они представляли собой настенные листы со сведениями о переселении, которые текстуально совпадали с содержанием справочников.

Со временем 100-тысячные тиражи накапливались в губерниях Европейской России, повышалась вероятность встретить справочник за какой-либо год в той или иной местности.

Стоимость одной книги составляла – от 1,5 до 14 коп.⁴⁵ (в среднем 7,5 коп.), т.е. справочники были вполне доступными для потенциального переселенца. Причем с 1908 по 1913 г. их стоимость снижалась. Краткие справочники выдавались за меньшую плату или бесплатно. Согласно отчетам Переселенческого управления, 130-тысячный тираж справочников 1907 г. был раскуплен уже к середине лета⁴⁶, что свидетельствует о наличии спроса на них.

ПРОБЛЕМЫ ЧТЕНИЯ СПРАВОЧНИКОВ

Справочники могли быть эффективным каналом информирования только в случаях, когда их могли прочитать. Данные о грамотности в губерниях с наибольшим количеством переселенцев, по Всероссийской переписи 1897 г., представлены в табл. 3.

В указанных губерниях доля грамотных потенциальных переселенцев составляла 26 и 39 % (без учета женщин, которые предположительно играли меньшую роль при принятии решения о переселении). Таким образом, ознакомиться со справочной литературой мог примерно каждый третий потенциальный переселенец-мужчина.

⁴² Переселение за Урал в 1914 году. С. 23.

⁴³ О составлении и издании справочных книжек для переселенцев. Описание всех районов заселения. Л. 311.

⁴⁴ Переселение за Урал в 1908 году: справочная книжка; Переселение за Урал в 1912 году.

⁴⁵ Переселение за Урал в 1912 году. СПб., 1912. Сибирь. СПб., 1897. 20 с.

⁴⁶ Смета доходов, расходов и спецсредств Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия на 1908 г. С. 18.

Неграмотность крестьянства частично компенсировалась тем, что справочники могли читать вслух на сходах или в домах крестьян [Дмитриева, 1930, с. 206; Буганов, 2008, с. 57], как и другую прессу и литературу. Ходачество и переселение нередко осуществлялись группами или переселенческими партиями, в которых почти наверняка присутствовали грамотные. Правительственные структуры и грамотные члены общества могли помочь неграмотному и малограмотному крестьянину освоить справочник.

Тезис о безграмотности крестьян как факторе недоступности справочной информации противоречит другому закрепившемуся тезису, согласно которому, важным источником информации о местах водворения служили письма родственников и односельчан.

Сибирская пресса, по всей видимости, также считала, что справочная литература была достаточно распространенной и влиятельной, чтобы поднять переселенческую волну [Н-н, 1907, с. 2–7].

Сложно определить, насколько эффективно справочники влияли на представления переселенцев об Азиатской России. В.Е. Смирнова оценила их влияние на переселенческий процесс косвенно, основываясь на обследованиях Южнорусской областной земской переселенческой организации. Она обратила внимание на значительное снижение роли слухов и писем и связала это со справочно-информационной деятельностью Переселенческого управления и сотрудничавших с ним земств [Смирнова, 1998, с. 61]. По оценке В.Е. Смирновой, «информационно-справочная служба действительно являлась важным инструментом регулирования переселенческого движения» [Смирнова, 1998, с. 63].

Весьма существенным является вопрос о том, как крестьяне воспринимали справочную информацию и насколько доверяли ей. В. Сандерлед считал маловероятным, что «крестьяне понимали прочитанное именно так, как предполагали не крестьянские авторы, поскольку дидактические тексты (а это большая часть того, что приходилось читать крестьянам) редко воспринимались так, как это ожидалось» [Sunderland, 2001, р. 900]. О том, что крестьяне искаженно понимали справочники, писал А.Н. Куломзин: «...задумавший переселиться не обращает на это [указания на трудности переселения] внимание и запоминает одни только похвалы Сибири»⁴⁷.

Ведущий эксперт по переселению А.А. Кауфман писал, что «...тот темный, малограмотный, причем зараженный переселенческой горячкой крестьянин, который даже объявления с прямыми запрещениями понимал в смысле вызова на поселение – или просто не поверит казенным или частным народным брошюрам или поймет прочитанное в смысле, наиболее отвечающим его преувеличенным представлениям и меч-

⁴⁷ Куломзин А.Н. Всеподданнейший отчет статс-секретаря Куломзина С. 18.

Т а б л и ц а 3

**Грамотность населения в губерниях
с наибольшим количеством переселенцев
в конце XIX – начале XX в.
по Всероссийской переписи 1897 г.***

T a b l e 3

**Literacy of population in the provinces
with the highest number of resettlers
in the late XIX – early XX century
according to the All-Russia 1897 Census**

Губерния Province	Доля грамотных**, % Literacy rate	Доля грамотных мужчин**, % Percentage of literate males
Воронежская	22	35
Екатеринославская	29	43
Киевская	24	37
Курская	22	36
Могилевская	22	35
Орловская	23	41
Полтавская	23	38
Самарская	29	40
Таврическая	38	50
Тамбовская	21	35
Харьковская	23	35
Херсонская	35	47
Черниговская	25	41
В среднем:	26	39

*Составлено по: Статистический ежегодник России 1914 г. Пг.: Тип. Штаба Петроградского военного округа. 1915. С. 94–95.

** Не считая детей до 9-летнего возраста.

там» [Кауфман, 1905, с. 62]. Примечательно также приведенное А.А. Кауфманом письмо переселенца И.Е. Белякова. Он писал, что крестьяне не поверили «Сельскому вестнику». По их мнению, авторы-чиновники, «не иначе как посланы из господский детей, они и конфузят больно ту Сибирь, чтобы народ не уезжал от помещика» [Кауфман, 1905, с. 62]. Этот пример показывает, что крестьяне могли не доверять официальной информации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для Переселенческого управления справочная деятельность была одним из приоритетных направлений, которое ведомство переняло у земского отдела МВД и Комитета Сибирской железной дороги. В создании справочников участвовали, как правило, опытные чиновники, часть из которых занималась научной деятельностью. На протяжении нескольких десятилетий сложилась система сбора подробных сведений с мест, было создано несколько серий справочников: для Азиатской России, а также их краткие версии и районные издания. Впрочем, данные об отдельных участках не всегда были полными и точными.

Целью справочников была не реклама, а информирование крестьян о сложностях и перспективах переселения. Инициаторы создания справочников считали крестьянские представления об Азиатской России, а также информацию частных справочников неадекватными. На изменение репрезентации азиатских окраин повлияли смена переселенческого курса – от сдерживания к поощрению. На рубеже веков положительные стороны Сибири (например, зажиточность крестьян) затенялись. В годы столыпинской реформы наряду с предупреждениями о сложностях стали писать о преимуществах Сибири.

Справочники можно считать ограниченно эффективным каналом информирования. Их стотысячный тираж покрывал количество переселенцев, за исключением тех лет, на которые пришелся пик столыпинского переселения. Неясно, доходила ли большая часть книг до губерний с наибольшим числом переселенцев или же вследствие равномерного их распределения по Российской империи значительная часть тиража оставалась в местностях, где население не изъявляло особого желания переселяться. Но механизмы распространения через почту, государственных и земских служащих, а также по пути следования переселенцев вполне могли донести справочники до потенциальных переселенцев. Справочники раскупались, а, значит, и читались. Уровень грамотности крестьян был низок, но компенсировать безграмотность переселенцев могли коллективное чтение вслух, помощь чиновников и земских деятелей. Крестьяне могли искаженно понимать информацию из справочников, могли не доверять официальным данным.

Таким образом, справочники можно надежно использовать для изучения деятельности Переселенческого управления, его целей и методов коммуникации с переселенцами. Выясненные источниковедческие характеристики позволяют приблизиться к ответу на вопрос, могли ли справочники формировать представления потенциальных переселенцев о Сибири. В перспективе, чтобы получить более надежные сведения об эффективности справочников, планируется продолжить поиск источников о бытовании справочников в крестьянской среде, к анализу которых следует привлечь также методологию антропологии чтения [Fish, 2010, p. 99–108].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Буганов А.В. О грамотности и чтении русских крестьян XIX – начала XX веков // Преподаватель. XXI век. 2008. № 2. С. 50–57.
- Воицнин В.П. Колонизационное дело при А. В. Кривошеине // Вопросы колонизации / под ред. Г.Ф. Чиркина, Н.А. Гаврилова. 1915. № 18. С. 3–24.
- Дедлов В.Л. Переселенцы и новые места: путевые заметки. СПб.: М.М. Ледерле и К°, 1894. 201 с.
- Дмитриева В.И. Так было (путь моей жизни). М., Л.: Молодая гвардия, 1930. 486 с.
- Замятин Д.Н. Культура и пространство. Моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. 488 с.

Истомина Н.К. Сибирь и переселенцы. 2-е изд., испр. и доп. Харьков: Харьк. о-во распространения в народе грамотности, 1896. 64 с.

Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М.: РГГУ, 1998. 701 с.

Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1905. 349 с.

Кузьмин А.А. Информационный фактор в процессе крестьянского переселения в Сибирь // Вопросы истории Сибири: сб. науч. стат. 2017. С. 36–41.

Миронов Б.Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. М.: Весь Мир, 2012. 911 с.

Н-н. Опасности для переселенцев в Степном крае // Сибирские вопросы. 1907. № 8. С. 1–7.

Ремнев А.В., Суворова Н.Г. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века. Омск: ИД «Наука», 2013. 248 с.

Романов В.Ф. Старорежимный чиновник. Из личных воспоминаний от школы до эмиграции, 1874–1920 гг. СПб.: Нестор-История. 2012. 336 с.

Скляр Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. 588 с.

Смирнова В.Е. Информационно-справочное обслуживание переселенческого дела в пореформенной России [Электронный ресурс] // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 1998. С. 65–63. URL: http://www.lib.csu.ru/vch/1/1998_01/vcsu1998_01.pdf.

Сулейменов Б.С., Басин В.Я. Казахстан в составе России в XVIII – начале XX века. Алма-Ата: Наука, 1981. 243 с.

Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М.: Памятники исторической мысли, 2001. 302 с.

Fish S. What Makes an Interpretation Acceptable? // History: New Methodologies from the Anglo-American Tradition. New York, 2010. P. 99–108.

Sunderland W. Peasant Pioneering: Russian Peasant Settlers Describe Colonization and the Eastern Frontier, 1880s–1910s // Journal of Social History. 2001. No. 34, vol. 34, p. 895–922.

REFERENCES

- Buganov A.V. (2008). On literacy and reading of Russian peasants of the 19th – early 20th centuries. *Prepodavatel' XXI vek*, no. 2, pp. 50–57. (In Russ.)
- Danilevskiy I.N., Kabanov V.V., Medushevskaya O.M., Rumyantseva M.F. (1998). Source study: Theory. History. Method. Sources of Russian history: textbook for humanities. Moscow, RGGU, 701 p. (In Russ.)
- Dedlov V.L. (1894). Resettlers and new places: travel notes. Saint Petersburg, M.M. Lederle i K°, 202 p. (In Russ.)
- Dmitrieva V.I. (1930). So it was: (the path of my life). Moscow, Leningrad, Molodaya gvardiya, 486 p. (In Russ.)
- Fish S. (1995). What makes an interpretation acceptable? *Pragmatism: a contemporary reader*. New York, pp. 253–265.
- Istomina N.K. (1896). Siberia and resettlers. 2nd ed., rev. Kharkiv, Khar'k. o-vo rasprostraneniya v narode gramotnosti, 64 p. (In Russ.)
- Kaufman A.A. (1905). Resettlement and colonization. Saint Petersburg, Tip. t-va "Obshchestv. pol'za", IX, 349, 81 p. (In Russ.)
- Kuz'min A.A. (2017). Information factor in the process of peasant resettlement to Siberia. *Voprosy istorii Sibiri: sb. nauch. st.* Omsk, pp. 36–41. (In Russ.)
- Mironov B.N. (2012). Population welfare and revolutions in Imperial Russia: XVIII – early XX centuries. Moscow, Ves' Mir, 844 p. (In Russ.)
- N-n. (1907). Dangers for resettlers in the Steppe region. *Sibirskie voprosy*, no. 8, pp. 1–7. (In Russ.)

Remnev A.V., Suvorova N.G. (2013). Colonization of Asian Russia: imperial and national scenarios of the second half of the 19th – early 20th centuries. Omsk, Nauka, 248 p. (In Russ.)

Romanov V.F. (2012). Old regime official. From personal reminiscences from school to emigration, 1874–1920. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya, 336 p. (In Russ.)

Sklyarov L.F. (1962). Resettlement and land management in Siberia during the Stolypin agrarian reform. Leningrad, Izd-vo Leningr. un-ta, 588 p. (In Russ.)

Smirnova V.E. (1998). Information and reference services for resettlement in post-reform Russia. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1, pp. 55–64. (In Russ.)

Suleimenov B.S., Basin V.Ya. (1981). Kazakhstan as part of Russia in the 18th – early 20th centuries. Alma-Ata, Nauka, 247 p. (In Russ.)

Sunderland W. (2001). Peasant pioneering: Russian peasant settlers describe colonization and the eastern frontier, 1880s–1910s. *Journal of Social History*, vol. 34, no. 4, pp. 895–922.

Тыукавкин В.Г. (2001). The Great Russian peasantry and Stolypin agrarian reform. Moscow, Pamyatniki ist. mysli, 302 p. (In Russ.)

Voshchinin V.P. (1915). Colonization under A.V. Krivoshein. *Voprosy kolonizatsii: period. sb.* Petrograd, no. 18, pp. 3–24. (In Russ.)

Zamyatin D.N. (2006). Culture and space: modeling of geographical images. Moscow, Znack, 488 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 25.01.2024

Дата рецензирования 15.04.2024

Статья принята к публикации 22.04.2024

DOI: 10.15372/HSS20240211

УДК 94(47+510)"19"

EDN: ATZEAK

В.Г. ДАЦЫШЕН

**КИТАЙСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ «РУССКОГО» ХАРБИНА
В ОТРАЖЕНИИ ГАЗЕТЫ «ХАРБИНСКИЙ ВЕСТНИК» В НАЧАЛЕ XX в.***

Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт востоковедения РАН,
РФ, г. Москва, ул. Рождественка, 12

Статья посвящена китайскому населению Харбина: его численности, положению, занятости, культуре. Выбор темы обусловлен как слабой ее изученностью, так и необходимостью введения в научный оборот новых исторических источников. Харбин был построен в полосе отчуждения, но развивался как российский город. В Харбине с первых дней его основания также постоянно проживали и работали этнические китайцы, китайские подданные, формально обладавшие теми же правами, что и русские. Харбин стал продуктом русско-китайского взаимодействия. Целью данной работы является восстановление исторической картины китайского присутствия в «русском» Харбине, выявление проблем, связанных с китайцами и русско-китайским взаимодействием в начале «золотого десятилетия» истории «русского» Харбина. Данная цель достигается посредством выявления и анализа материалов, опубликованных на страницах газеты «Харбинский Вестник». Выявленные источники указывают на то, что китайцы были заняты в разных сферах экономики, составляли половину населения Харбина. Русско-китайское взаимодействие было сложным и противоречивым, но в целом – успешным и плодотворным.

Ключевые слова: Китайское население Харбина, КВЖД, русско-китайские отношения, газета «Харбинский Вестник».

Для цитирования: Дацышен В.Г. Китайское население «русского» Харбина в отражении газеты «Харбинский Вестник» в начале XX века // Гуманитарные науки в Сибири. 2024. Т. 31, № 2. С. 84–91. DOI: 10.15372/HSS20240211

V.G. DATSYSHEN

**THE CHINESE POPULATION OF “RUSSIAN” HARBIN AS REFLECTED
IN THE NEWSPAPER “HARBINSKY VESTNIK”
AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY**

St. Petersburg State University,
Institute of Oriental Studies RAS,
12, Rozhdestvenka Str., Moscow, Russian Federation

The historical legacy of the Chinese Eastern Railway (CER) is an important factor in the history of Russia and modern relations between Russia and China. Russians lived in Harbin for half a century, and Russian culture determined the appearance of the city. To this day, many people in Russia and abroad show great interest in the Russian heritage, forgetting that from the first days of its existence, modern Harbin developed exactly as a Sino-Russian city. Since the beginning, the Chinese constituted about half of the

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-48-00004 «Китайско-Восточная железная дорога как трансграничная социокультурная система: история строительства, реконструкция и моделирование механизмов охраны культурного наследия», <https://rscf.ru/project/23-48-00004/>.

Владимир Григорьевич Дацышен – д-р ист. наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, e-mail: dazishen@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-6471-8327>.

Vladimir G. Datsyshen – Doctor of Historical Sciences, Professor, Leading Researcher at the Institute of History of St. Petersburg State University, Leading Researcher at the Institute of Oriental Studies RAN.

population of the city, and the Russians lived and worked next to the Chinese. Harbin was founded by Russian builders of the Chinese Eastern Railway in the territory of China, and throughout its history, the Russian authorities recognized the sovereignty of China over the right-of-way of the Chinese Eastern Railway, with Chinese citizens having the same rights as Russians. Chinese labor was present and even predominant in many areas of the economy. Harbin was built in a right-of-way, but the Chinese were permanently living in its territory; residents of the Chinese suburb of Fujiadian worked in the city, as well as residents of other regions who came for temporary work. However, there are basically no Chinese people in Russian science, public space, and culture in the history of Harbin. This article restores the historical picture of the Chinese population who lived and worked in the capital of the CER in 1907, at the beginning of the “golden decade” of the history of “Russian” Harbin. The choice of topic is due to poor knowledge of the issue and the need to introduce new historical sources into scientific circulation. This goal is achieved through identifying and analyzing materials published in the ‘*Harbinskiy Vestnik*’ newspaper. Identified sources indicate that the Chinese lived and worked next to and together with the Russians, and were employed in different sectors of the economy. They dominated small business, retail trade and consumer services. The Chinese in Harbin preserved and constantly demonstrated their material and spiritual religious culture to representatives of other nations. Chinese crime was widespread in Harbin; it was caused not by interethnic contradictions, but by the socio-economic stratification of society. Domestic conflicts and minor offenses caused by manifestations of national and cultural chauvinism were a noticeable phenomenon. Sino-Russian interaction in Harbin at the initial stage of the city’s history was complex and contradictory, yet overall successful.

Key words: Chinese population of Harbin, CER, Russian-Chinese relations, newspaper “*Harbinskiy Vestnik*”.

ВВЕДЕНИЕ

Важным фактором современной истории Северо-Восточного Китая и русско-китайских отношений является историческое наследие Китайской Восточной железной дороги (КВЖД). С конца XIX в. на КВЖД с центром в Харбине рядом с русскими постоянно жили и работали китайцы.

История КВЖД на протяжении более ста лет вызывает неизменный интерес у российских и китайских исследователей. Однако в советской и российской историографии основное внимание уделяется проблемам русскоязычной общины Харбина. Но уже стоявший у истоков современной российской историографии Харбина Г.В. Мелихов отмечал: «На постройку КВЖД с 1899 г. по инициативе А.И. Юговича стали приезжать десятки тысяч законтрактованных китайских рабочих... В полосе отчуждения китайские рабочие расселялись свободно... Китайское население Харбина в полосе отчуждения быстро росло» [Мелихов, 1991, с. 47–48]. В последнее время российские исследователи стали поднимать отдельные проблемы истории русско-китайского взаимодействия. Например, была исследована проблема китайской прислуги у русских в Харбине. Исследователи пришли к выводу: «Русское население не могло обходиться без китайской помощи в повседневной жизни» [Семенов, 2021, с. 161]. Интересные материалы о китайцах в Харбине представлены в работе известного китайоведа П.А. Лапина [Лапин, 2019, с. 35–36]. В статье Е.И. Нестеровой рассмотрены вопросы участия китайцев в городском самоуправлении Харбина [Нестерова, 2019, с. 359–360].

В китайской исторической науке история КВЖД долгое время рассматривалась в общем контексте истории Китая, первый опыт русско-китайского взаимодействия оставался без должного внимания [Дацышен, 1998, с. 13–15]. В последние годы в китайской науке уделяется больше внимания проблемам русско-китайского взаимодействия на КВЖД, однако китай-

ские историки недостаточно опираются на источники русского происхождения. Всестороннее изучение китайского населения в зоне отчуждения КВЖД в первые годы ее истории затрудняется вследствие узости и труднодоступности источниковой базы.

Важнейшим источником по истории КВЖД является русскоязычная периодическая печать. Особое место среди периодических изданий Северо-Восточного Китая занимает газета «Харбинский Вестник». Один из первых исследователей истории КВЖД Е.Х. Нилус назвал это периодическое издание «первой харбинской газетой в подлинном смысле этого слова»¹. Газета выходила при коммерческой части Управления дороги, а первый ее номер вышел в свет еще летом 1903 г. В июле 1906 г. «Харбинский Вестник» возглавил в качестве редактора известный общественный деятель Харбина П.С. Тищенко. По утверждению Е.Х. Нилуса, период с 1906 по 1917 г. «был лучшей эпохой в жизни «Харбинского Вестника»...»². Для исследования мы взяли все номера ежедневной газеты «Харбинский Вестник» за первый квартал 1907 г. Это был последний год первого десятилетия истории Харбина, – время вывода российских войск из Маньчжурии, завершения Первой русской революции и начало «золотого десятилетия» истории КВЖД.

В 1907 г. газета «Харбинский Вестник» выходила ежедневно, не считая понедельника, на четырех страницах формата А2. Кроме названия на русском языке, под ним было указано название этой газеты на китайском языке (哈爾濱日報). Материал в газете помещался под разными рубриками, однако чаще всего китайцы и связанные с ними проблемы фигурировали в материалах, напечатанных в разделах «Хроника» и «Дневник происшествий». В газете отражалась в первую очередь текущая жизнь Харбина, а затем уже события по всей

¹ Hoover Institution Archives. Archival Media. Evgenii Kristianovich Nilus. Box No. 1. Прецца. HE3290. C6N71. V. 2:2. Л. 4–5.

² Ibid. Л. 11.

линии КВЖД. Следует отметить, что наряду с собственно городом Харбином газета активно освещала события в Фуцзянь (傅家甸), пригороде Харбина, не входившем в зону отчуждения КВЖД.

ЧИСЛЕННОСТЬ И ПОЛОЖЕНИЕ КИТАЙЦЕВ НА КВЖД

Истории «русского» Харбина началась с прибытия 28 мая (11 июня) 1898 г.³ на место будущего города первой партии руководителей КВЖД во главе с инженером С.В. Игнациусом. Китайское население имело на этой территории еще до начала строительства КВЖД. В работе Е.Х. Нилуса говорилось, что на месте Харбина в 1898 г. были небольшие китайские населенные пункты Чинхэ, Сытяза, Фудзянь, Лахонтен, Синдиган и Модяоу [Нилус, 1923, с. 130]. Китайские исследователи указывают: «Население г. Харбина, образованного в результате объединения нескольких деревень, включая нынешние районы Сисяфан, Наньган и Даоли, было... менее 5 тыс. чел.» [Чэнь, 2011, с. 81].

Российские исследователи, ссылаясь на работы китайских коллег, отмечали: «По окончании строительства КВЖД на службе дороги насчитывалось 39 071 чел., из них 18 123 русских и 20 948 китайцев» [Василенко, 2003, с. 64].

После окончания строительства КВЖД и передачи дороги в эксплуатацию китайское население Харбина продолжало расти. Китайцы жили и работали, кроме собственно Харбина, также в китайском пригороде Харбина – Фуцзянь, значительная часть населения которого трудилась в зоне отчуждения КВЖД. Сколько-нибудь точных данных о численности китайцев в Харбине не имеется. Русские власти проводили в Харбине переписи начиная с 1903 г., исследователи собирали данные о китайском населении в Харбине и его окрестностях. Однако данные первых переписей не сохранились, очевидно, погибли на пожаре, а исследователи указывали, что получить от китайских властей сколько-нибудь определенных данных о численности населения не представлялось возможным [Болобан, 1912, с. 201].

Точную численность китайцев в Харбине, по всей зоне отчуждения КВЖД или даже работающих на КВЖД, установить сложно, но счет почти сразу же пошел на десятки тысяч человек. На значительное число китайцев указывают данные, опубликованные в газете «Харбинский Вестник». В сообщении «Сведения о числе больных в лечебных заведениях Китайской Восточной жел. дороги за время с 1 по 30 ноября 1906 года включительно» было названо 843 китайца⁴. Они составляли менее 10 процентов от общего числа больных в лечебных заведениях КВЖД. Однако следует учитывать, что собственно на дороге работала все же незначительная часть от общего числа китай-

цев, живших в районе КВЖД, да и особого доверия в то время китайцы к русской медицине не испытывали. Поэтому информация о том, что всего за месяц лечебные заведения КВЖД посетили с разными целями около 3 тыс. китайцев⁵, свидетельствует не только о большом числе китайцев в районе КВЖД, но и о начавшемся русско-китайском сближении в данном регионе. Это подтверждается и данными, опубликованными с 1 января 1906 г. по 1 января 1907 г.: в больницах КВЖД было зафиксировано 11586 больных китайцев⁶. Несомненно, большая их часть была сконцентрирована в Харбине.

Российские власти не осуществляли прямой юрисдикции над китайцами, жившими или совершавшими правонарушения в зоне отчуждения КВЖД. Арестованных или задержанных русскими правоохранительными органами китайцев в Харбине всегда передавали в специальные присутственные места, созданные в 1899 г. и реформированные в 1901 г. Те-лу-цзяо-шэ-цзун-цзюй (铁路交涉总局). В «Договоре на учреждение Те-лу-цзяо-шэ-цзун-цзюй Гиринской провинции от 5 июля 1901 года» говорилось: «В Харбине Гиринской провинции учреждается Главное отделение иностранных и железнодорожных дел. С этой целью назначается особый штат китайских чиновников... Названное отделение учреждается для окончательного решения всех дел, возникающих в Гиринской провинции, если эти дела прямо или косвенно затрагивают интересы Общества Китайской Восточной железной дороги, а также прямо или косвенно затрагивают интересы китайских подданных, не только работающих на железной дороге, как разного рода служащие, мастеровые, рабочие, подрядчики и поставщики, но в равной мере дела и всех прочих китайских подданных, как торговцы, ремесленники, прислуга и другие китайцы, временно или постоянно проживающие на железнодорожной полосе отчуждения...» [Сборник документов..., 1922, с. 29]. Те-лу-цзяо-шэ-цзун-цзюй был китайским органом судебно-административной власти, созданным цзянцзюнем (генерал-губернатором) по согласованию с руководством КВЖД за счет средств КВЖД и взаимодействующим с русскими властями. В подписываемых разного рода соглашениях российская сторона всегда подчеркивала: «На землях Общества Китайской Восточной железной дороги, как основной принцип, признаются верховные права Китая, коим не должно быть наносимо никакого ущерба» [Сборник документов..., 1922, с. 147]. В подготовленном в 1909 г. двухстороннем соглашении говорилось: «На землях Общества Китайской Восточной железной дороги как китайское, так и иностранное население, пользуется одинаковыми правами и несет одинаковую ответственность без всякого различия между ними» [Там же, с. 148].

Говоря о работающих на КВЖД китайцах, следует отметить, что явной дискриминации в отношении

³ Нилус Е.Х. 25-летний юбилей КВЖД // Hoover Institution Archives. Archival Media. Evgenii Kristianovich Nilus. HE3290. C6N71. V. 2:3. Л. 2.

⁴ Харбинский Вестник. 1907. 25 янв. С. 2.

⁵ Там же.

⁶ Там же. 4 февр. С. 3.

их со стороны русских властей и населения не было. В качестве примера можно привести такой случай: в числе премированных благодарными пассажирами сошедшего 30 сентября 1906 г. с рельсов поезда железнодорожников был назван кочегар Лю. При этом выданная ему сумма была чуть меньше, чем русскому помощнику машиниста, но больше, чем русскому смазчику⁷.

Российские власти и общественность признавали китайцев в качестве полноправных жителей «русского» Харбина. Известный общественный деятель КВЖД и знаменитый глава харбинского самоуправления П.С. Тищенко в первом исследовании по истории Харбина особо отмечал: «К выборам приглашались наряду с русскими и китайское население города» [Тищенко, 1914, с. 19]. Он также писал: «В виде зачатка городского общественного самоуправления администрация дороги старалась привлечь к участию в нем и туземное население. В среде первых избранных двенадцати уполномоченных гор. Харбина были купцы-китайцы» [Тищенко, 1914, с. 21]. Автор обобщающего исследования по истории КВЖД Е.Х. Нилус в числе 15 фамилий деятелей, выбранных в городское самоуправление, называет китайцев – Гойсинву и Джанваньцун [Нилус, 1923, с. 611].

ЗАНЯТИЯ КИТАЙЦЕВ В ХАРБИНЕ

Большинство китайцев, живших и работавших в Харбине, были, очевидно, частными предпринимателями. Весной 1907 г. «Харбинский Вестник» писал: «Китайцы берутся положительно за все. В любой отрасли труда они являются серьезными, а подчас и непобедимыми, – благодаря своей предприимчивости и энергии, – конкурентами русских. Продажу газет, торговлю с лотков, продажу спичек, папирос, фруктов, – все они фактически монополизировали. Как бы не удовлетворяясь этим, они идут еще дальше по пути завоевания всех отраслей уличной торговли и теперь принялись за продажу книг духовно-нравственного содержания... А русские только смотрят на это с злобой и завистью, негодуя на “канхочников” и в то же время ничего лично не предпринимая»⁸.

На численное преобладание китайцев среди торговцев на рынках указывает такой факт: при подготовке собрания арендаторов и торговцев базара на Пристань «базарным комитетом» было разослано 200 повесток-приглашений русским и 300 – китайцам⁹. В публикациях встречаются имена лидеров китайских торговцев, например: «председатель базарного комитета Ко-шу-гуай»¹⁰.

В Харбине было много китайских магазинов. В газетных публикациях упоминаются: «магазин китайского подданного Ды-шун-дуна, на углу Новго-

родней и Биржевой улиц»¹¹, нелегальные «салотопни Ман-чин-и и Фо-ден-фу» в Модягоу¹², «магазин Кансун-юн по Водопроводной улице»¹³. Мелкий китайский бизнес во многом ориентировался на русского потребителя. На это указывает тот факт, что с уходом российский войск из Маньчжурии владельцы гастрономических и винно-бакалейных магазинов, в первую очередь китайцы, стали переносить, как указывала газета, свои дела из Харбина в Россию¹⁴.

О китайцах, занимавшихся крупной торговлей в Харбине, можно было узнать из разного рода объявлений, помещенных на страницах «Харбинского Вестника». Именем «Ван-тун-зан» подписано объявление об утере дубликата накладной на отправку апельсинов со станции Куанчэнцзы на станцию Харбин¹⁵. Именем Тун-хо-тай подписано объявление об утере дубликата накладной на отправку папирос из г. Владивостока на станцию Харбин¹⁶. Китайцы встречаются в «Списке арендаторов получивших разрешение на передачу прав аренды своих земельных участков другим лицам». Например, в марте 1907 г. в числе таковых газета назвала Джен-ляаншен, а также Джоу-цай и Ли-фын-юань¹⁷.

О состоятельных китайцах, проживавших в Харбине, можно узнать из опубликованных списков лиц, приславших в Харбине пожертвования в пользу голодающих, пострадавших от пожаров и проч. Например, в январе 1907 г. по 50 руб. в пользу голодающих в Южном Китае пожертвовали Чжу-юй-чэн и Куй-вэе-цин. Меньшие суммы отдали Цзин-шэн-у, Ван-цзин-ань, Ван-цзи-жуй, Сюй-цзин-хо, Лю-цзин-сюань, Шэн-шоу-шань, Шэхоюн, Цюй-цзы-шин, Жучжоу-фу, Лю-чунь-линь. Среди жертвователей была и женщина – Сун-юй-ши¹⁸. Следует отметить, что среди жертвователей в пользу голодающих китайцев собственноручно было значительно больше, чем русских. И суммы они жертвовали большие, чем русские.

В Харбине с первых дней его истории жили и работали китайские врачи. Российское общество беспокоило то, что не имевшие европейского образования китайские врачи предлагали свои услуги не только китайцам, но и русским жителям столицы КВЖД. В январе 1907 г. «Харбинский Вестник» указывал: «Китайские врачи, практикующие в Харбине, имеющие вывески на русском языке и рекламирующие себя в местных газетах, заслуживают со стороны нашего врачебно-полицейского надзора большего внимания, чем это им уделяется в действительности»¹⁹.

Китайские рабочие трудились на предприятиях, принадлежавших русским предпринимателям. На-

⁷ Харбинский Вестник. 1907. 11 янв. С. 2.

⁸ Там же. 31 марта. С. 2.

⁹ Там же. 1908. 8 июля. С. 2.

¹⁰ Там же. 1907. 10 марта. С. 2.

¹¹ Там же. 6 янв. С. 3.

¹² Там же. 25 янв. С. 3.

¹³ Там же. 21 февр. С. 2.

¹⁴ Там же. 10 марта. С. 2.

¹⁵ Там же. 5 янв. С. 4.

¹⁶ Там же. 12 янв. С. 4.

¹⁷ Там же. 14 марта. С. 2.

¹⁸ Там же. 1907. 28 янв. С. 2.

¹⁹ Там же. 11 янв. С. 1.

пример, китайцы совместно с русскими работали на мельнице 1-го Маньчжурского мукомольного товарищества²⁰.

Сразу после сдачи в эксплуатацию КВЖД на ней стали работать наряду с русскими и китайцы. В публикациях упоминаются кочегары паровоза Лю²¹, Маацай²² и др. Китайцы были заняты в механическом цехе, расположенном в районе Харбин-Пристань²³.

Места работы китайцев в Харбине на предприятиях КВЖД можно определить по газетным публикациям с описанием разных происшествий и событий. В качестве примера можно привести следующее сообщение: «Китайцы, работающие в главных мастерских на пристани, подали начальнику их прошение, в котором, указывая на фанзу № 238, содержащую китайцами Сю-чун-цай и Ли-са, как постоянный приют хунхузов, просили принять какие-либо меры к удалению их»²⁴. В «дневнике происшествий» был упомянут китаец Ли-де, работавший обрубщиком в литейном цеху в Харбине-Пристань²⁵. В списке поступления пожертвования в помощь голодающим Южного Китая имелась запись: «от китайских рабочих в новых мастерских»²⁶. Правда, общая сумма пожертвования от этих рабочих была всего 8 руб., что указывает на то, что рабочих было не много.

Большая часть китайцев, проживавших в Харбине и рядом с дорогой, были заняты в сфере услуг или перемещались разовыми заработками. Значительная их часть обслуживали русское население, которое в основной массе было более состоятельным, чем значительная часть китайцев.

Китайцы работали в качестве прислуги в домах русских жителей Харбина. В составе прислуги были: «бойки, повара, сторожа и др.»²⁷. Например, у служащего главной бухгалтерии Юрьенса работали повар Хо-вин-са и бойка Сан-хе-ю²⁸. В газетных публикациях различные представители китайской прислуги в русских семьях часто фигурируют в связи с различными происшествиями: «24 марта, по Сквозной ул. в д. № 5, в квартире инженера Семеникова неизвестными злоумышленниками зарезан китаец-бойка Улан-суа»²⁹; в сообщении о краже «у мещанки Зюзиной» указывалось: «В краже обвиняется китаец повар Чен-куй»³⁰.

Вообще, проблема китайской прислуги в Харбине стояла довольно остро. Желающих найти работу было много, но наем неизвестных людей на работу в семью всегда был сопряжен с угрозой. Кроме многочислен-

ных краж была случаи убийств китайской прислугой своих хозяев. Большой резонанс получило убийство в 1906 г. китайским слугой своей хозяйки Раменской. Поэтому российские представители, начиная с 1906 г. несколько лет подряд поднимали перед китайскими властями и бизнесменами вопрос об учреждении в Харбине специальной конторы для найма китайской прислуги для русских. Однако в течение нескольких лет ни власти, ни бизнес не решались взять на себя ответственность гарантировать добропорядочное поведение пришедших на заработки в Харбин многочисленных китайцев. Позднее острота проблемы китайской прислуги спала, специальная контора для найма была открыта, а судя по приведенным исследованиям данным о преступности среди «боек» в 1909 г., прислуга стала совершать меньше преступлений против своих хозяев по сравнению с 1906–1907 гг. [Семенов, 2021, с. 158].

Еще одним заметным явлением в жизни Харбина были бродячие труппы китайских артистов или китайские театры в городе. Правда, с ними нередко были связаны происшествия и конфликтные ситуации. В газетах можно было прочитать про такие случаи: «11-го февраля по Новому городу ходили китайские фокусники с «макакой» (обезьяной). Подойдя к дому... по Комендантскому переулку, они настойчиво стали предлагать свои услуги, показывать фокусы. Несмотря на неоднократный отказ, они назойливо лезли... на крыльцо вышел вестовой Михаил Руднев и стал гнать их всех. Один из китайцев, рослый детина, ударил его палкой. Поднялась драка... отступая, ожесточенные "ходи" принялись бомбардировать дом камнями... были выбиты 4 стекла в окнах дома. Задержать китайцев удалось уже около вокзала»³¹.

В феврале 1907 г. русская газета поместила материал под названием «Из китайской жизни». В этой публикации говорилось: «Прошедший Новый год ознаменовался у китайцев небольшим инцидентом в китайском театре, находящемся на Широкой улице. По установившемуся обычаю, в театре оставались бесплатно три ложи для чиновников Мукденского, Хэйлунцзянского и Гиринского бюро. Благодаря праздникам Нового года, 2-го февраля в театре все места были заняты без исключения. Пришедший на представление один из чиновников Хэйлунцзянского бюро потребовал себе ложу. Когда же ему сказали, что все места заняты, то он поднял скандал и при помощи бывших с ним солдат произвел дебош. Были сильно избиты официанты театра, и само представление прервано... Лишь только через день, когда владелец театра уплатил 500 руб. штрафа администрации, ибо его признали виновным»³².

Относительно богатый и экономически развитый г. Харбин привлекал множество китайцев, искавших в русском городе заработка или средств к существованию. «Харбинский Вестник» сообщал: «Каждый

²⁰ Харбинский Вестник. 1907. 14 янв. С. 2.

²¹ Там же. 11 янв. С. 2.

²² Там же. 5 янв. С. 2.

²³ Там же. 1908. 8 июля. С. 3.

²⁴ Там же. 1907. 31 марта. С. 2.

²⁵ Там же. 30 марта. С. 2.

²⁶ Там же. 28 янв. С. 2.

²⁷ Там же. 27 янв. С. 4.

²⁸ Там же. 24 февр. С. 3.

²⁹ Там же. 27 марта. С. 2.

³⁰ Там же. 29 марта. С. 3.

³¹ Там же. 13 февр. С. 2.

³² Там же. 10 февр. С. 2.

приходящий с Юга ежедневный пассажирский поезд привозит все новые и новые сотни рабочих китайцев, ожидающих найти здесь работу на дороге...»³³. На большое число китайцев, приезжавших в Харбин с юга, указывают другие источники. Современники писали: «Товаро-пассажирский поезд № 16, отправляющийся в Харбин не вмещает и трети всех пассажиров китайцев едущих в Харбин» [Харбинский, 1908, с. 25]. Обычным явлением для Харбина было присутствие на улицах и в общественных местах множества китайцев без определенного рода занятий или нищих и попрошаек. Газета «Харбинский Вестник» в начале 1907 г. почти каждый день сообщала о задержаниях полицией в районе железнодорожного вокзала «праздношатающихся китайцев», регулярно задерживалось от нескольких человек до нескольких десятков приехавших в Харбин китайцев. Например, 17 января 1907 г. жандармской полицией на станции Харбин было задержано и отправлено в «Гиринское бюро» 40 китайцев³⁴.

Улицы Харбина были заполнены и многочисленными нищими, просившими подаяние. В опубликованной в январе 1907 г. заметке «Малолетние нищие» говорилось: «Нередко приходится наблюдать, как стоящие на углу оживленных улиц взрослые китайцы подсылают к прохожим малолетних китайчат с целью попрошайничества... Малолетние попрошайки... падают на колени, крестятся и даже твердят слова из молитв; получив подаяние, они немедленно бегут к поджидающим их китайцам и вручают им свой “заработок”. Подобного рода промысел, очевидно, очень выгоден, так как им занимаются многочисленные артели...»³⁵. В марте 1907 г. в одной из газетных публикаций, посвященных пожарам в китайском пригороде Фуцзянянь, отмечалось: «Если и раньше еще трудно было пройти по улице не наткнувшись на минимум десяток безруких, безногих или просто нищенствующих китайцев, то за эти два последних дня от них, положительно, отбоя нет. На каждом перекрестке, у каждого почти магазина на Пристани можно увидеть эти жалкие изнеможенные фигуры в лохмотьях. Протягивающие руку за подаянием и жалобно бормочащие – “моя гори, гори есть, куш-куш нетула, сыпи мию”. На помощь своих богатых соплеменников они, видимо, не надеются и говорят, что только “русские люди” и могут облегчить их тяжелое положение»³⁶.

ПРОБЛЕМЫ РУССКО-КИТАЙСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

У русских и китайцев рабочих были общие «кооперативные интересы»; русские поддерживали «своих китайцев», выполняли распоряжения китайских «старшинок». В качестве примера можно привести случай, когда «на дворе мельницы 1-го Маньчжурского муко-

мольного товарищества, был жестоко избит русскими и китайскими рабочими китаец Ван-юн-ки». Конфликт произошел из-за того, что этот китаец потребовал от рабочего Лин-чун-пу вернуть долг. Но брат должника, китайский «старшинка», распорядился избить кредитора. Как сообщала газета: «рабочие-китайцы, в сообществе с двумя русскими, исполнили приказание «старшинки» столь усердно, что голова Ван-юн-ки была вся разбита сильно в кровь и сам он помят»³⁷.

Китайская культура была важнейшим фактором русской повседневности харбинской жизни. Газеты печатали такие объявления: «Отдел уполномоченного для сношения с китайскими властями извещает, что по случаю наступающего праздника Китайского Нового Года 31-го января в 12 часов дня китайские власти будут принимать поздравления в помещении Гиринского бюро на Пристани»³⁸. И действительно, все высшее начальство в Харбине посещало глав Цицикарского и Гиринского «цзяошэцзюй» с поздравлениями.

Русские вынуждены были мириться со все пронизывающей китайской реальностью. Газеты сетовали: «Начался китайский “праздник фонарей”. Казенные и общественные учреждения вновь закрыты на неделю... На улицах города можно видеть традиционные китайские “шествия с драконом”»³⁹. Раздражало русских частое использование китайцами фейерверков, газета сообщала: «Стреляли на новый год, теперь на “Го-нянь” ...»⁴⁰.

В апреле 1907 г. имел место инцидент, связанный с китайскими артистами: «3 апреля днем около казарм, расположенных рядом с Коммерческой частью, можно было наблюдать следующую картину: китаец с акробатом, заморенным мальчиком лет 8–9 делал представление. Их обступила толпа любопытных солдат и китайцев, глазевших на дармовое зрелище. Мальчик-акробат из всех сил старался показать свое искусство, т.к. иначе «Чжангуйды» (хозяин) стал бы его бить. Исполняемые им номера поистине были ужасны: согнувшись дугой, он подставлял свою неокрепшую еще грудь, и китаец вставал на нее. Дело дошло до того, что у бедняги выступила из рта кровь. Благодаря вмешательству проходившего мимо нашего сотрудника это истязание, а не представление, было прекращено»⁴¹.

Неотъемлемой чертой повседневной жизни Харбина была китайская преступность. Почти в каждом номере газеты «Харбинский Вестник» публиковались сообщения о задержании китайцев, совершавших кражи, а также о других преступлениях китайцев на улицах города или в его окрестностях: «Задержан китаец Чен-чен-хин»⁴²; «17 января в 11 час. дня, неизвестный китаец пробовал ограбить квартиру конторщицы

³³ Харбинский Вестник. 1907. 24 февр. С. 3.

³⁴ Там же. 20 янв. С. 2.

³⁵ Там же. 6 янв. С. 2–3.

³⁶ Там же. 18 марта. С. 2.

³⁷ Там же. 14 янв. С. 2.

³⁸ Там же. 30 янв. С. 1.

³⁹ Там же. 13 февр. С. 2.

⁴⁰ Там же. 25 янв. С. 3.

⁴¹ Там же. 4 апр. С. 2.

⁴² Там же. 6 янв. С. 3.

службы тяги... Сикорской»⁴³; «задержан китаец Янде-шин, за кражу дров у счетовода Верхоглядова»⁴⁴; «около 8 часов вечера, между Новым городом и поселком Алексеевка на извозчика Кропачека напали пассажиры-китайцы и ранили его в голову кинжалом»⁴⁵; «28 января из вагона 1 и 2 класса, стоявшего на путях Нового города, китаец Фан-то-хай потащил бархатную обивку с дивана, но был задержан с поличным и отправлен в Гиринское бюро»⁴⁶. Тогда же был отправлен в «Гиринское бюро» задержанный за кражу дров у русского торговца китаец Пан-тин⁴⁷ и т.д.

Нередко в газетах публиковались материалы о дерзких налетах китайских банд. В одном из январских выпусков газеты был описан такой случай: «Дерзкое нападение. Хунхузов. 29 января в 8 час. утра, ограблено китайцами-хунхузами семейство Кроль, проживающее в доме № 22 по Конной улице на Пристани. Дело происходило следующим образом: хозяйка, мещанка Могилевской губер. Стеша Кроль находилась дома одна, с детьми и боем. Грабители-китайцы, пять человек, вооруженные револьверами, ворвались в комнату, связали г-жу Кроль с детьми. Затем они принялись хозяйничать в квартире и забравши 500 р. денег, и на 500 [р.] различных серебряных и золотых вещей, скрылись. Бой Ли-лан-тхин, хотя и был на свободе, но никакой помощи не оказал своей хозяйке. В одном из грабителей г-жа Кроль признала китайца, ходившего к бою. Поэтому можно предположить, что бой соучастник грабежа. Расследование дела производится, бой арестован»⁴⁸.

Типичными для Харбина той эпохи были конфликты и правонарушения, как, например, события, описанные в газете под заголовком «Расправа китайцев». В этой публикации говорилось: «18-го января обыватель Нового города казак Оренбургского казачьего войска Козьма Николаев Каширин явился в полицейский участок с расцарапанным в кровь лицом и привел китайца боя, Лю-ша-луна, который с товарищами, другими боями, его поколотил. Дело вышло из-за воды. Компания боев и водоносов с целью заставить обывателей брать воду от водоносов, засыпали колодец... Когда несколько женщин пошли за водой в соседний колодец, то китайцы не пустили их и даже стали требовать плату. Тогда Каширин вступился за женщин...»⁴⁹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выявленные источники указывают на то, что китайцы составляли значительную, если не большую часть населения Харбина. Они жили и работали рядом и совместно с русскими. Китайцы были заняты

в разных сферах экономики и численно преобладали во многих из них. Они доминировали в сфере мелкого бизнеса, розничной торговли и бытовых услуг, а домашняя прислуга у русских почти полностью формировалась из китайцев. В Харбине китайцы сохраняли и постоянно демонстрировали представителям других народов свою материальную и духовную культуру, народные традиции. В городе были китайские театры, выступали китайские артисты, ими проводились праздничные торжества и культовые обряды.

Русские власти привлекали китайцев к развитию самоуправления в Харбине, совместному решению развития бизнеса и благоустройства города. Особенно заметным было русско-китайское сотрудничество в сфере благотворительности. Китайское население Харбина, даже проживавшее в зоне отчуждения КВЖД, находилось вне российской юрисдикции. Однако для китайского населения полосы отчуждения на средства КВЖД и по согласованию с русскими властями были созданы специальные китайские судебно-административные учреждения.

Важным фактором повседневной жизни харбинцев была китайская преступность. В газетных публикациях представлены описания самых разных преступлений – от мелких краж «боек» у своих хозяев и уличных драк до вооруженных ограблений и нападений с применением холодного и огнестрельного оружия. Однако убийства китайцами русских, как и русскими китайцев, были крайне редки. Собственно преступность не носила этнический характер и не была формой межнационального противостояния. Жертвами преступления оказывались как русские, так и китайцы, в публикациях приводились примеры интернациональных преступных группировок или правонарушений, совершенных группами, в которых были и русские, и китайцы. Тем не менее в газетных публикациях чаще говорилось о преступлениях, совершенных китайцами, что было обусловлено социально-экономическими реалиями и отчасти спецификой источника русского происхождения.

Таким образом, русско-китайское взаимодействие в Харбине на начальном этапе истории города было сложным и противоречивым, но в целом успешным. Это обусловило превращение г. Харбина в крупнейший город Северо-Восточного Китая, административный центр провинции Хэйлунцзян и главный центр межрегионального сотрудничества России и Китая.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Болобан А.Л. Отчет коммерческого агента Китайской Восточной железной дороги. Харбин: Тип. КВЖД, 1912. 352 с.
- Ван Кэвэнь, Лига М.Б. Русская культура Харбина в российских и китайских исследованиях: компаративистский анализ // Вестн. ЗабГУ. 2013. № 4 (95). С. 111–118.
- Василенко Н.А. О численном и национальном составе населения Харбина в 1898–1917 гг. // Дальний Восток России – Северо-Восток Китая: исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Хабаровск: Частная коллекция, 1998. С. 62–66.

⁴³ Харбинский Вестник. 20 янв. С. 2.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. 27 янв. С. 3.

⁴⁶ Там же. 30 янв. С. 2.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. 21 янв. С. 2.

Василенко Н.А. Первостроители КВЖД. К 100-летию магистрала // Россия и АТР. 2003. № 4 (42). С. 62–66.

Дацышен В.Г. Современная китайская историография о значении КВЖД // Дальний Восток России – Северо-Восток Китая: исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Хабаровск: Частная лекция, 1998. С. 13–15.

Казанцев В.П., Салогуб Я.Л. «Управление железной дороги... принимает все меры, чтобы постройка дороги не подняла цены...». Аналитическая записка военного разведчика Б.Л. Громбчевского о ходе строительства КВЖД. 5 сентября 1898 г. // Отечественные архивы. 2014. № 6. С. 98–110.

Латин П.А. Очерк истории российского образования для китайских подданных в Харбине и вдоль полосы отчуждения КВЖД (конец XIX в. – 20-е гг. XX в.) // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. № 22. Чита: ЗабГУ, 2019. С. 34–38.

Ли Линь. Строительство КВЖД и возвышение Харбина // Вестн. Том. гос. ун-та. 2023. № 487. С. 102–107.

Ли Мэн. Харбин – продукт колониализма // Проблемы Дальнего Востока. 1999. № 1. С. 96–103.

Мелихов Г.В. Маньчжурия далекая и близкая. М.: Наука. Главная редакция вост. лит., 1991. 317 с.

Нестерова Е.И. Создание общественного управления в Харбине (1906–1910 гг.) // Россия – Китай: история и культура: сб. стат. и докл. участников XII Междунар. науч.-практ. конф. М.: РГГУ, 2019. С. 359–360.

Нилус Е.Х. Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги. 1896–1923 гг. По поручению Правления О-ва и под редакцией Специальной Комиссии составил Агент Правления О-ва Е.Х. Нилус. Харбин: Тип. Кит. Вост. жел. дор. и Тов-ва «Озо», 1923. Т. 1. 690 с.

Преснякова Л.В. Традиционный китайский театр на русском Дальнем Востоке и в полосе отчуждения КВЖД в конце XIX – начале XX в. // Вестн. ДВО РАН. 2006. № 2. С. 114–124.

Сборник документов, относящихся к Китайской Восточной железной дороге. Харбин: Тип. КВЖД, 1922. 313 с.

Семенов А.М., Семенова О.А. Китайская прислуга на территории «русского» Харбина в начале XX в. // Вопр. истории. 2021. № 10 (2). С. 156–163.

Тищенко П.С. Китайская Восточная железная дорога. 1903–1913 гг. Харбин, 1914. 243 с.

Харбинский Ст. Что такое Китайская Восточная ж. д. и куда идут ее миллионы? СПб.: Типо-литография «Печатное Искусство», 1908. 132 с.

Чэнь Цюцзе. Влияние КВЖД на численность населения Харбина // Россия и АТР. 2011. № 1. С. 80–85.

段光达. 哈尔滨早期城市特点刍议 Дуань Гуанда. (Харбинь Цзаоци чэнши тедянь суньи. К вопросу об особенностях раннего периода истории Харбина) // 北方文物 (Бэйфан вэньу). 1994. № 2. С. 94–98.

REFERENCES

Boloban A.P. (1912). Report of the commercial agent of the Chinese Eastern Railway A.P. Boloban on a survey (1911) of the regions of the Hei-long-jiang, Girin and Mukden provinces (Northern Manchuria), gravitating toward the Chinese Eastern Railway, in agricultural and grain-industrial relations. Kharbin, Kommerch. chast' Kit. Vost. zh. d., VI, 352, 21 p. (In Russ.)

Chen Tsyutsze. (2011). The influence of the Chinese Eastern Railway on the population of Harbin. *Rossiya i ATR*, no. 1, pp. 80–85. (In Russ.)

(1922). Collection of documents relating to the Chinese Eastern Railroad. Kharbin, Kantselyariya Pravleniya O-va Kit. Vost. zh. d., XXXVI, 313 c. (In Russ.)

Datsyshen V.G. (1998). Modern Chinese historiography on the significance of the CER. *Dal'niy Vostok Rossii – Severo-Vostok Kitaya: istoricheskiy opyt vzaimodeystviya i perspektivy sotrudnichestva: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 60-letiyu Khabar. kraya, 100-letiyu so dnya nachala stroitel'stva Kit. Vost. zh. d. i g. Kharbin (Khabarovsk, 01–03 iyunya 1998 g.)*. Khabarovsk, pp. 13–14. (In Russ.)

Duan Guangda. (1994). A brief discussion on the early urban characteristics of Harbin. *Beifan ven'u*, no. 2, pp. 94–98. (In Chin.)

Kazantsev V.P., Salogub Ya.L. (2014). "The railway administration... is taking all measures to ensure that the construction of the road does not raise prices...": analytical note by military intelligence officer B. L. Grombchevsky on the progress of construction of the CER. Sept. 5, 1898. *Otechestvennye arkhivy*, no. 6, pp. 98–110. (In Russ.)

Kharbinskiy St. (1908). What is the Chinese Eastern Railway and where do its millions go? Saint Petersburg, Tipo-litogr. "Pechat. iskusstvo", 132 p. (In Russ.)

Lapin P.A. (2019). Essay on the history of Russian education for Chinese people in Harbin and on the right-of-way of the Chinese Eastern Railway (end of the 19th century – 1920s). *Rossiya i Kitay: problemy strategicheskogo vzaimodeystviya: sb. Vost. tsentra*. Chita, iss. 22, pp. 34–38. (In Russ.)

Li Lin. (2023). Construction of the Chinese Eastern Railway and the rise of Harbin. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 487, pp. 102–107. (In Russ.)

Li Men. (1999). Harbin is a product of colonialism. *Problemy Dal'nego Vostoka*, no. 1, pp. 96–103. (In Russ.)

Melikhov G.V. (1991). Manchuria, far and near. Moscow, Nauka, 319 p. (In Russ.)

Nesterova E.I. (2019). Creation of public self-government in Harbin (1906–1910). *Rossiya – Kitay: istoriya i kul'tura: sb. st. i dokl. uchastnikov XII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Kazan', 09–12 okt. 2019 g.)*. Kazan, pp. 359–365. (In Russ.)

Nilus E.Kh. (1923). Historical overview of the Chinese Eastern Railway. 1896–1923. Kharbin, Tip. Kit. Vost. zh. d. i T-va "Ozo", XVIII, vol. 1, 690 p. (In Russ.)

Presnyakova L.V. (2006). Traditional Chinese theater in the Russian Far East and in the exclusion zone of the Chinese Eastern Railway in the late 19th – early 20th centuries. *Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*, no. 2, pp. 114–124. (In Russ.)

Semenov A.M., Semenova O.A. (2021). Chinese servants in the territory of "Russian" Harbin at the beginning of the 20th century. *Voprosy istorii*, no. 10–2, pp. 156–163. (In Russ.)

Tishenko P.S. ([1914]). The Chinese Eastern Railway. 1903–1913. Kharbin, 243 p. (In Russ.)

Vasilenko N.A. (1998). On the numerical and national composition of the population of Harbin in 1898–1917. *Dal'niy Vostok Rossii – Severo-Vostok Kitaya: istoricheskiy opyt vzaimodeystviya i perspektivy sotrudnichestva: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 60-letiyu Khabar. kraya, 100-letiyu so dnya nachala stroitel'stva Kit. Vost. zh. d. i g. Kharbin (Khabarovsk, 01–03 iyunya 1998 g.)*. Khabarovsk, pp. 62–64. (In Russ.)

Vasilenko N.A. (2003). The first builders of the Chinese Eastern Railway. To the 100th anniversary of the railway. *Rossiya i ATR*, no. 4, pp. 62–66. (In Russ.)

Van Ceven, Liga M.B. (2013). Russian culture of Harbin in Russian and Chinese studies: comparative analysis. *Vestnik Zabaykal'skogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4, pp. 111–118. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 12.03.2024

Дата рецензирования 01.04.2024

Статья принята к публикации 11.04.2024

DOI: 10.153/HSS20240212

УДК 93/94+94(47).084+930.25+930.253:352+321.74"1918/1991"

EDN: JPKEDU

Е.В. ОГУРЕНКО

ЭВОЛЮЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ АРХИВНЫМ ДЕЛОМ НА СРЕДНЕМ УРАЛЕ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (1918–1991 гг.)

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
РФ, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19

В статье рассматриваются становление и развитие системы региональных архивных учреждений в 1918–1991 гг. На базе методологии исторического институционализма (historical institutionalism) последовательно анализируются государственная политика, законодательная и нормативная база, организационная структура и основные направления деятельности архивных учреждений. История архивной службы Среднего Урала представляется типичной схемой развития регионального архивного управления в стране. На значительном архивном материале показано, что эволюция архивной отрасли в Советском Союзе прошла ряд этапов, специфика которых заключалась в изменении государственных интересов, информационных потребностей общества и технологического развития. Исследование опирается на материалы Государственного архива Свердловской области.

Ключевые слова: исторический институционализм, архивы Урала, архивная служба, архивные документы, Государственный архив Свердловской области.

Для цитирования: Огуренко Е.В. Эволюция региональной системы управления архивным делом на Среднем Урале в советский период (1918–1991 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2024. Т. 31, № 2. С. 92–101. DOI: 10.153/HSS20240212

E.V. OGURENKO

EVOLUTION OF THE REGIONAL ARCHIVAL MANAGEMENT SYSTEM IN THE MIDDLE URALS DURING THE SOVIET PERIOD (1918–1991)

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin,
19, Mira Str., Yekaterinburg, 620002, Russian Federation

The present article examines the problem of managing archival institutions and archival information resources in the Soviet society using the example of an analysis of the work of the archival service of the Sverdlovsk Oblast, which celebrated its 100th anniversary in 2019. In September 1919, the Archival Department of the Yekaterinburg Governorate was formed (the Governorate was created in July of the same year). In 1923–1934, the Ural Oblast was formed in the territory of the former Perm Governorate. The Sverdlovsk Oblast appeared in 1934 as a result of the dissolution of the Ural Oblast, consisting of 60 districts. The purpose of this work is to analyze the main stages in the development of the regional archival management system in the USSR. The evolution of archival bodies is considered by the example of regional archival structures located in the territory of the Middle Urals and successively replacing each other – the Yekaterinburg Governorate (1919–1923), the Ural Oblast (1923–1934) and the Sverdlovsk Oblast (1934–1991). The system of state archives management was established at the stage of creation of the Soviet state during the socio-political transformations of 1917–1920. It is possible to distinguish three consecutive stages of system evolution; within each stage, its own model for managing archival information is formed. The description of the model includes characteristics of government policy, legislative framework, organizational structure and priorities in the activities of archives. The first stage (1918–1938) coincided with

Егор Владимирович Огуренко – аспирант кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления, Уральский гуманитарный институт, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, e-mail: y.ogurenko@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5038-0529>.

Yegor V. Ogurenko – Postgraduate Student, Chair of Document Science, Archival Studies and History of Public Administration, Ural Institute of Humanities, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin.

the period of formation of Soviet statehood and experiments in the field of archival construction. For the Middle Urals, this stage was marked by serious administrative and territorial transformations, which influenced the structure of the archival network of the entire region. The second stage (1939–1960) was characterized by over-centralization of the entire state organism, which significantly influenced the structure of archival fonds and the practice of their use. During this period, the archival service of the Sverdlovsk Oblast was reorganized and aimed at prioritizing provision for information needs of government agencies. The third stage (1961–1991) is distinguished by the stable and progressive development of the archival system and archival science. It was during this period that the most intensive work of archival institutions in the Middle Urals occurred. In conclusion, the article highlights the problems and contradictions in the development of the archival industry in the USSR in 1918–1991.

Key words: historical institutionalism, archives of the Urals, Archive Service, State Archives of the Sverdlovsk Oblast, use of archival documents.

ВВЕДЕНИЕ

Региональное архивное строительство на Урале неоднократно становилось предметом изучения в научных работах. На сегодняшний день деятельности Управления архивами Свердловской области посвящено несколько исследований [Архивная служба..., 2004; Меркулов, 2016]. Издаются работы о региональных архивных системах других регионов Урала [Барангулов, 2023; Архивный век..., 2021].

Дальнейшее плодотворное изучение архивных учреждений может быть продолжено только с применением новых подходов. Для анализа архива как информационного института можно применить положения теории исторического институционализма (historical institutionalism) [Теория и история..., 2014, с. 51–76], которая позволяет взглянуть на историю развития архивной отрасли в России как на трансформацию практик управления историко-документальным наследием в модернизирующемся обществе [Хантингтон, 2004, с. 32–53]. На основе институционального подхода архивное дело может быть определено как институт, регулирующий всю совокупность отношений в сфере обеспечения сохранности документального наследия. Данная формулировка согласуется с определением, сформулированным в отечественном архивоведении. Архивная служба СССР представляет собой совокупность архивных учреждений – органов управления ар-

хивами (отделов, управлений), сети государственных архивов (областных, районных и городских) и вспомогательных учреждений (лабораторий) (см. напр.: [Крайская, 1980, с. 42]). Для советской архивной системы было характерно организационное единообразие и централизованное управление.

В настоящей статье предложена периодизация эволюции региональной системы архивной службы на Среднем Урале в 1918–1991 гг. В соответствии с особенностями организации архивного дела в России, государственной политики, структуры архивной сети (институциональная структура) и направлений деятельности архивных учреждений (институциональные практики) нами были выделены следующие этапы:

- централизации (1918–1938 гг.);
- ведомственный (1938–1960 гг.);
- отраслевой (1961–1991 гг.).

На протяжении советского периода архивные органы неоднократно подвергались реорганизации (табл. 1).

Реформирование региональных архивных органов, как видно из табл. 1, согласуется с реорганизацией архивной службы, но наблюдается и отставание региональных процессов реформирования, связанное с бюрократическими процедурами принятия решений на региональном уровне. В условиях централизованной системы управления всеми процессами верхний

Т а б л и ц а 1

Архивные органы России и Среднего Урала

T a b l e 1

Archival services of Russia and the Middle Urals

Период Period	Архивная служба России Archive Service of Russia	Региональная архивная система Среднего Урала Regional archival system of the Middle Urals
1918–1922	Главное управление по архивному делу НКП РСФСР	1919–1923 Екатеринбургское губернское управление архивным фондом губернского отдела народного образования
1922–1938	Центральное архивное управление при ВЦИК	1923–1934 Уральское областное архивное бюро (с 1930 г. – управление) Уральского облисполкома
		1934–1939 Свердловское областное архивное управление облисполкома
1938–1960	Главное архивное управление НКВД (с 1946 г. – МВД) СССР	1939–1962 Архивный отдел Управления НКВД (МВД) по Свердловской области
1961–1991	Главное архивное управление при Совете министров СССР (с 1971 г. – РСФСР)	1962–1991 Архивный отдел Свердловского облисполкома

уровень определял приоритеты и направления работы региональных архивных учреждений, а также их структурную перестройку.

СТАНОВЛЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ АРХИВНОЙ СИСТЕМЫ. ПЕРИОД ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ (1918–1938 гг.)

В июне 1918 г. декретом СНК РСФСР была создана первая в отечественной истории архивная служба – Главное управление по архивному делу при Народном комиссариате просвещения (НКП) РСФСР [Безбородов, Хорхордина, 2018, с. 59–61]. Год спустя, в марте 1919 г., началось формирование региональных архивных органов – губернских управлений архивным фондом (губархивов) при отделах народного просвещения (губоно). Назначение руководства, финансирование и контроль деятельности губархивов осуществлялись напрямую Главным управлением по архивному делу НКП РСФСР.

Созданный 1 сентября 1919 г. Екатеринбургский губернский архив оказался зависим от возможностей губернских властей обеспечить сохранность документов¹. Документы были разбросаны по учреждениям и городам. Решение проблемы концентрации документов осложнялось отсутствием у губернского архива архивохранилища – несколько помещений было предоставлено исполкомом в разных частях города. Штат губархива состоял всего лишь из четырех сотрудников, страдал от нехватки средств и отсутствия поддержки местных властей².

Реализация архивной реформы 1918–1922 гг. столкнулась с серьезными проблемами. Прямая финансовая помощь архивным органам обернулась непомерной нагрузкой на государственный бюджет. При этом эффективность работы губархивов фактически зависела от исполкомов – наличия помещений, финансовой, кадровой и административной поддержки³. Эти проблемы становились предметом публичного обсуждения среди профессионального сообщества [Покровский, 1923].

В 1922 г. Главное управление по архивному делу было реорганизовано в Центральное архивное управление при Всероссийском центральном исполнительном комитете (ВЦИК). Региональные архивные органы в архивоведческой и административной частях были подчинены Центральному архивному управлению РСФСР, а в части финансирования – местным органам власти (исполкомам). Низовые архивы подчинялись архивной службе в организационно-методических вопросах, а в материально-финансовом обеспечении – местным финансовым органам.

В 1920-е гг. в связи с усилением мобилизации всего советского социума господствующим становится

представление об архивных документах как об особом «политическом» ресурсе страны [Покровский, 1925]. Этот тезис определял восприятие советского архива как идеологического учреждения, что напрямую влияло на практики работы архивов. Первый изданный Уральским областным архивом в 1926 г. сборник документов «Металлисты Урала накануне и в период 1905 г.» стал ярким примером «классового подхода» в архивоведении⁴.

В конце 1923 г. Екатеринбургская, Пермская, Челябинская и Тюменская губернии были объединены в Уральскую область. На местном уровне волости и уезды были заменены на округа и районы. По решению Президиума Уралоблисполкома от 23 января 1924 г. были созданы Уральское областное архивное бюро и Уральский областной архив⁵. В 1925 г. последний был разделен на два областных архива – исторический и архив Октябрьской революции. С 1927 г. для документов политического значения создавались отдельные хранилища – секретные архивы⁶. Помимо этого, в области действовало 15 окружных архивных бюро и один районный архив⁷. Организация сети районных архивов растянулась на несколько лет. В 1927 г. 2-я Всероссийская конференция архивных работников РСФСР положительно оценила работу Центрального архивного управления [2-я конференция..., 1927, с. 129].

Начало 1930-х гг. ознаменовалось дальнейшей централизацией государственного управления [Goldman, 2022]. Индустриализация и коллективизация многократно увеличили объемы делопроизводства в СССР, обострив проблему обеспечения сохранности документов. В 1931 г. округа были ликвидированы, а окружные архивы стали отделениями Уральского областного архивного управления (с 1939 г. – филиалы) госархивов. Они занимали промежуточное положение между областными и районными архивами, концентрировали документы из районных архивов и координировали их методическую работу. Сеть отделений (филиалов) госархивов просуществовала до 1990-х гг.

Территориально-административное реформирование продолжалось. В январе 1934 г. Уральская область была разделена на Обско-Иртышскую, Свердловскую и Челябинскую области. На момент реорганизации в 1934–1935 гг. структура Свердловского областного архивного управления включала два отдела: первый руководил областными архивами, а второй – районными и ведомственными архивами (рис. 1). В Свердловске областному архивному управлению подчинялись областные госархивы: Исторический, Октябрьской революции и секретный. В 1938 г. для хранения документов Свердловского военного округа был открыт военно-окружной архив⁸; в области – Ко-

¹ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-316. Оп. 1. Д. 1а. Л. 3.

² Там же. Д. 3. Л. 106–107.

³ Там же. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 14. Л. 83–84; Д. 45. Л. 52; Д. 92. Л. 164.

⁴ Там же. Ф. Р-316. Оп. 1. Д. 45. Л. 17.

⁵ Там же. Д. 42. Л. 37.

⁶ Там же. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 1613. Л. 61–63.

⁷ Там же. Л. 61.

⁸ Там же. Д. 4552. Л. 75–77об.

Рис. 1. Структура архивной системы Свердловской области по состоянию на 1938 год / Сост. по: ГАСО. Ф. Р-316. Оп. 1. Д. 445. Л. 35–35 об.

Fig. 1. Structure of the archival system of the Sverdlovsk region as of 1938 / Comp. by: SRSA. Fund. R-316. List. 1. Case. 445. Sheet. 35–35 opposite.

ми-Пермяцкое окружное архивное бюро, Пермское, Ворошиловское (г. Усолье) и Нижнетагильское отделения, а также Ирбитский районно-городской архив (с 1938 г. – отделение)⁹. Районные архивы действовали в 14 районах (20 % от их предполагаемого числа)¹⁰. Несмотря на постоянно повторяющиеся в планах задачи по завершению формирования районной сети, нехватка материальных и административных ресурсов делала эту проблему неразрешимой.

Одной из характерных черт архивной политики 1930-х гг. стало значительное количество законодательных актов ЦИК и СНК РСФСР и СССР, направленных на регулирование архивной отрасли. Так, в период с 1929 по 1938 г. было издано 20 постановлений СНК и ЦИК (из них – 6 союзных и 14 российских) и 5 циркуляров (3 российских и 2 совместных). Правительство инициировало реорганизацию архивных органов, проверку ведомственных архивов и утверждало нормативно-методические документы. Такое «внимание» к архивной сфере в истории России было беспрецедентным. А значение для развития отечественных архивов и определения перспектив его развития пока по достоинству не оценено.

Основными задачами архивных органов в рассматриваемый период являлись: концентрация и учет всех архивных документов¹¹. Архивы размещались в непригодных, холодных и ветхих помещениях. Так, в Свердловске с 1936 г. Исторический архив

и архив Октябрьской революции находились в здании, построенном в начале XIX в.¹² Пермский архив осенью 1937 г. получил новое здание – бывшую Воскресенскую церковь¹³.

Руководство архивной службы области в этот период осуществлялось: Б.М. Липиным (1919–1920), А.Т. Жингаревым-Добросельским (1921–1922), В.М. Быковым (1922–1925), Т.И. Толоконниковым (1925–1927), Д.А. Киселевым (1927–1937), Т.С. Краевой (1937), Е.Г. Александровой (1937–1938) и А.М. Карповым (1938–1939). Назначение получали ответственные работники исполкома, состоявшие в РКП(б) – ВКП(б). Предпочтение отдавалось лицам, имевшим «опыт руководящей работы».

Конец 1930-х гг. знаменуется чередой событий, значительно затруднивших работу архивных органов области. В 1937 г. в Свердловском областном архивном управлении сменилось три управляющих – Д.А. Киселев (до мая), Т.С. Краева (май – сентябрь) и Е.Г. Александрова (с сентября). Работа архивных органов оказалась практически парализованной¹⁴. В политике сложился четкий курс на централизацию всех информационных ресурсов в руках государства [Медушевский, 2010, с. 3]. В апреле 1938 г., постановлением Верховного Совета СССР архивная отрасль страны была переподчинена Народному комиссариату внутренних дел (НКВД) СССР.

¹² Там же. Д. 445. Л. 3.

¹³ Там же. Д. 410. Л. 1, 10.

¹⁴ Там же. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 4497. Л. 268–270; Ф. Р-316. Оп. 1. Д. 445. Л. 5–6; Д. 398. Л. 1–7 об.

⁹ Там же. Ф. Р-316. Оп. 1. Д. 445. Л. 18.

¹⁰ Там же. Д. 369. Л. 112.

¹¹ Там же. Д. 385. Л. 1–1 об., 2.

В ходе реформирования архивной системы в 1918–1938 гг. архивная сеть страны функционировала под управлением органов советской власти в соответствии с административно-территориальным делением. Последним мероприятием стало выделение осенью 1938 г. из состава Свердловской области Пермской области. К концу изучаемого этапа в области сложилась архивная сеть, основными чертами которой стали малое число учреждений, низкая публикационная активность, дефицит ресурсов и кадров. В 1918–1938 гг. в отношении архивной сети Урала было принято огромное количество решений, определивших ее облик. Административно-управленческие реорганизации (1922, 1929, 1938), административно-территориальные преобразования (1919, 1923, 1931, 1934, 1938), изменения в архивной политике (1925, 1929) сформировали так называемый эффект колеи (path dependence); последующие управленческие решения воспроизводили конфигурацию структуры, географии и методики работы архивных учреждений Урала.

АРХИВЫ В СТРУКТУРЕ НКВД-МВД. ВЕДОМСТВЕННЫЙ ПЕРИОД (1938–1960 гг.)

Характерной особенностью ведомственного периода являлось почти полное отсутствие законодательных актов, регулирующих сферу архивного дела. Исключение составляли постановления правительства об утверждении Положений о государственном архивном фонде (1941, 1958). Непосредственное управление архивной отраслью осуществлялось через приказы и циркуляры Главного архивного управления НКВД (с 1946 г. – МВД).

В 1939–1941 гг. происходит перестройка региональных архивных органов. На основании приказа НКВД от 23 апреля 1938 г. № 208 и приказа начальника Управления НКВД по Свердловской области от 10 мая 1938 г. Свердловское областное архивное управление с 1 июня 1939 г. было реорганизовано в Архивный отдел Управления НКВД по Свердловской области¹⁵. Отдел состоял из двух подразделений – организационно-методического отделения и научно-издательской группы¹⁶. В апреле 1939 г. в Свердловске был открыт Военный архив, организация которого началась еще в 1936 г.¹⁷ Но архивная система уже трансформировалась в соответствии с новыми задачами. В марте 1940 г. все областные архивы (кроме Военного) – Исторический, Октябрьской революции и секретный – были объединены (на правах отделов) под эгидой Свердловского областного государственного архива (ГАСО)¹⁸. К июлю 1940 г. Архивный отдел руководил работой ГАСО, Военного архива (присоединен к ГАСО весной 1941 г.), трех

филиалов и 27 районных (городских) архивов¹⁹. На районном уровне филиалы являлись организационно-методическими центрами ГАСО.

С началом Великой Отечественной войны (1941–1945) ситуация с архивами серьезно осложнилась, так как к нерешенным проблемам добавились трудности военного времени: эвакуация и реэвакуация архивных фондов, архивистов и целых отделов, трудности в снабжении, ухудшение условий труда.

Эвакуация в Свердловскую область архивистов из европейской части страны положительно повлияла на организацию работы архивов. Прежде всего это позитивно отразилось на использовании архивных документов²⁰. В конце 1945 г. Научный совет Главного архивного управления НКВД СССР, подводя итоги деятельности архивных учреждений в годы войны, отметил публикационную активность Архивного отдела Свердловской области. В документе были названы сборники документов, подготовленные при непосредственной помощи эвакуированных архивистов из Ленинграда и Киева²¹.

В предвоенные и военные годы секретность стала нормой государственного управления [Siddiqi, 2023]. Использование документов в политических целях осуществлялось с 1920-х гг., но систематическим оно стало с 1939 г. Архивы занимались выявлением «неблагонадежных» – сотрудников дореволюционных учреждений (судов, прокуратуры, тюрем), бывших полицейских, жандармов, осведомителей, «контрреволюционеров» (кадетов, эсеров) и священнослужителей²². К февралю 1945 г. картотека отдела секретных фондов ГАСО включала 15 тыс. карточек²³. Только с 1956 г. архивные фонды начинают рассекречивать, к 1988 г. этот процесс был почти полностью завершен²⁴.

Наряду с этим направлением использования архивных документов получило развитие их применение в народнохозяйственных целях. Так, в 1942 г. были обнаружены документы XVIII в. об открытии в Уфимской губернии нефти, сняты копии с 86 рудных планов²⁵. В 1944 г. был составлен перечень более 400 месторождений²⁶, разработаны картотеки на документы о месторождениях золота (6 752 карточек), железа (1 805 карточек), меди (2 188 карточек) и других (около 3 тыс. карточек)²⁷.

¹⁹ Там же. Д. 648. Л. 3.

²⁰ Под использованием понимается деятельность по применению архивных документов в культурных, научных, политических и экономических целях.

²¹ ГАСО. Ф. Р-316. Оп. 4. Д. 7. Л. 41. Напр.: Урал в Отечественной войне 1812 года / под ред. В.В. Данилевского. Свердловск: ОГИЗ, 1945. 226 с.; Третьякова Е. Уральцы в Отечественной войне против немецких захватчиков в 1918 году. Свердловск: ОГИЗ, 1942. 63 с.

²² Там же. Ф. Р-1139. Оп. 3. Д. 26. Л. 2, 4–6.

²³ Там же. Ф. Р-316. Оп. 4. Д. 7. Л. 11–12.

²⁴ Там же. Оп. 1. Д. 1696. Л. 8; Д. 2603. Л. 64.

²⁵ Там же. Д. 692. Л. 22.

²⁶ Там же. Д. 706. Л. 29–30.

²⁷ Там же. Оп. 4. Д. 14. Л. 30.

¹⁵ Там же. Ф. Р-316. Оп. 1. Д. 395. Л. 31; Д. 515. Л. 18.

¹⁶ Там же. Д. 648. Л. 3.

¹⁷ Там же. Ф. Р-88. Д. 4708. Л. 142; Ф. Р-316. Оп. 1. Д. 500. Л. 43.

¹⁸ Там же. Ф. Р-316. Оп. 1. Д. 553. Л. 9; Д. 601. Л. 15.

Рис. 2. Структура архивной системы Свердловской области по состоянию на 1946 год / Сост. по: ГАСО. Ф. Р-316. Оп. 1. Д. 784. Л. 1–8.

Fig. 2. Structure of the archival system of the Sverdlovsk region as of 1946 / Comp. by: SRSA. Fund. R-316. List. 1. Case. 784. Sheet. 1–8.

К концу 1946 г. архивная сеть Свердловской области включала следующие учреждения: Архивный отдел, ГАСО с филиалами (в Нижнем Тагиле, Ирбите, Серове и Красноуфимске²⁸) и 48 районными и городскими архивами (рис. 2). Архивная система области в этом виде просуществовала вплоть до 1990-х гг. Иерархическая структура региональных архивных органов облегчала контроль за их деятельностью со стороны НКВД-МВД. Создание сети районных архивов, тянувшееся с 1920-х гг., было завершено в 1949 г.²⁹

В послевоенный период в архивных учреждениях увеличивается количество работников с высшим образованием. Это позволило резко повысить эффективность работы архива. К началу 1952 г. в государственных архивах впервые не осталось «россыпи» – все документы были учтены³⁰.

В 1958 г. была открыта переплетно-реставрационная мастерская (позднее – лаборатория обеспечения сохранности документов)³¹. В 1963 г. в ГАСО имелось 690 129 дел и 3 142 фонда³².

Наряду с организацией учета архивы в послевоенный период расширили деятельность по их использованию: увеличилось число документальных выставок. Количество исследователей выросло с 23 чел. в 1945 г. до 221 чел. в 1961 г.³³. Принятие в 1957 г. Закона СССР «О государственных пенсиях» способствовало росту спроса на справки, подтверждавшие трудовой стаж. К 1960 г. количество обращений в ГАСО достигло 6 тыс. в год³⁴.

Была налажена практика сотрудничества с научными и учебными организациями – Уральским филиалом Академии наук СССР, Областным краеведческим музеем, филиалом Института Маркса-Энгельса-Ленина, Уральским государственным университетом им. А.М. Горького и Свердловским педагогическим институтом³⁵. Формы сотрудничества были весьма разнообразными: архивы занимались повышением квалификации сотрудников, читали лекции, организовывали выставки, экскурсии и консультации, студенты-историки получили возможность проходить в архивах учебно-производственную практику. Но в условиях подчиненности архивной службы органам МВД политика открытости имела определенные границы и не отвечала новым потребностям общества, науки и культуры.

Руководство архивными органами в ведомственный период комплектовалось из сотрудников внутренних дел. Архивный отдел возглавляли: К.Н. Матвеев (1939–1940), Г.П. Хитродумов (1940–1947), В.К. Бурндуков (и.о., 1947–1948), В.Н. Норнов (1948–1950), А.П. Остапова (1950), А.И. Кошелева (1950–1952) и В.И. Бубнов (1952–1977).

В рассматриваемый период архивы эволюционировали в сторону учреждений, обеспечивавших, в первую очередь, потребности органов власти и управления в информации.

РЕГИОНАЛЬНАЯ АРХИВНАЯ СИСТЕМА КАК ЭЛЕМЕНТ ИНФОРМАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ ОБЩЕСТВА. ОТРАСЛЕВОЙ ПЕРИОД (1961–1991 гг.)

1960-е – 1980-е гг. справедливо оцениваются как наиболее успешный период в истории СССР [Huxtable, 2023]. Положительные сдвиги произошли и в архивной

²⁸ Красноуфимский филиал был образован 14 июля 1945 г. на базе Красноуфимского районного архива (ГАСО. Ф. Р-316. Оп. 1. Д. 704. Л. 87–87 об.; Оп. 4. Д. 48. Л. 72–72 об.).

²⁹ Там же. Оп. 4. Д. 26. Л. 4 об.

³⁰ Там же. Д. 72. Л. 144; Д. 87. Л. 13.

³¹ Там же. Оп. 1. Д. 1744. Л. 18.

³² Там же. Д. 1830. Л. 44.

³³ Там же. Д. 750. Л. 18; Д. 1812. Л. 64–65.

³⁴ Там же. Д. 1830. Л. 37.

³⁵ Там же. Д. 1594а. Л. 11.

отрасли, которая была передана в подчинение Совету министров СССР.

Реорганизация региональных органов происходила в 1961–1962 гг. Приказом МВД РСФСР № 13 от 9 января 1962 г. архивные отделы были исключены из структур органов внутренних дел. Решением Свердловского облисполкома № 178 от 2 марта 1962 г. в составе исполкома организовывался Архивный отдел – на базе одноименного отдела Управления внутренних дел³⁶.

Одной из особенностей рассматриваемого периода стало формирование правовой базы архивной отрасли. Это проявлялось в росте числа законодательных и нормативных актов. Были изданы: постановления Совета министров СССР – «О мерах по улучшению архивного дела в СССР» (1963), «О централизации хранения научно-технической документации и об организации широкого использования ее» (1964), «Об утверждении Положения о государственном архивном фонде СССР» (1980); постановления Совета министров РСФСР «О мерах по дальнейшему улучшению архивного дела в РСФСР» (1969), «О мерах по обеспечению сохранности архивных документов и дальнейшему развитию архивного дела в РСФСР» (1977). Реализация правительственных постановлений возлагалась на Главные архивные управления СССР и РСФСР. Правительства СССР и РСФСР последовательно проводили архивную политику, достигая большей эффективности по сравнению с предшествующими этапами.

Архивы открыли свои двери для посетителей. При архивах организовывались историко-краеведческие кружки школьников³⁷; создавались общественные советы – комиссии содействия архивному делу³⁸; проводились общественные смотры оценки качества работы архивов учреждений³⁹; для помощи в подготовке справок привлекались добровольцы (например, пенсионеры)⁴⁰.

Другая тенденция была связана с практикой создания при госархивах хозрасчетных групп. В ГАСО коллектив хозгруппы состоял из 8 внештатных сотрудников⁴¹, задачей которых была подготовка документов ведомственных архивов к передаче дел на постоянное хранение⁴². Создание хозрасчетных групп было вынужденной мерой в условиях растущего объема документов, передаваемых архивам, и низкой квалификации работников, обрабатывающих документы, нередко с нарушениями норм.

Интересным экспериментом стало создание в 1962 г. Уральского архива литературы и искусства. Первоначально он должен был стать филиалом Центрального государственного архива литературы и искусства СССР. Однако по причине рассогласованности

действий инициаторов (Главного архивного управления РСФСР и Свердловского архивного отдела) он был открыт как часть ГАСО. Из-за нехватки сотрудников отдел был ликвидирован в 1977 г.⁴³

Совершенствовались и архивные технологии. В 1964 г. была отменена система деления фондов на дореволюционные, пореволюционные, секретные и проч., которая находила отражение в организационной структуре архивов. Были выделены по функциональному признаку отделы комплектования, использования, ведомственных архивов и др.⁴⁴ Впервые за много лет в области появились новые архивы: Объединенный архив Министерств путей сообщения, автомобильного транспорта РСФСР и ВЦСПС, а также Межведомственный – производственного управления сельского хозяйства⁴⁵.

В 1960-е гг. активно обсуждались вопросы о перспективах развития архивной сети. Среди рассматриваемых альтернатив представляет интерес проект оптимизации районной архивной сети. Руководство архивами области при Свердловском облисполкоме предлагало заменить 48 райгосархивов и 4 филиала ГАСО на восемь филиалов с укрупненными штатами⁴⁶. Однако реализация подобного проекта требовала принятия решения на республиканском уровне. В итоге уже в 1970-е гг. архивная система стала испытывать структурный кризис, выход из которого был найден только в 1990-е гг.

В 1970 г. в целях координации методической работы был создан Уральский зональный научно-методический совет⁴⁷. Разрабатывались методические пособия, составлялись каталоги, налажен выпуск информационного бюллетеня для райгосархивов, проводились семинары и стажировки для архивистов области⁴⁸.

В 1961–1991 гг. заметно улучшилось материальное обеспечение архивов. В 1972 г. Архивный отдел и ГАСО переехали в новое специализированное здание⁴⁹. Заметные достижения были получены в области разработки справочно-информационных систем, повышения квалификации сотрудников архивов⁵⁰. Постепенно обновлялась нормативно-методическая база⁵¹.

В отраслевой период растет число публикаций документов⁵². В 1980 г. ГАСО принял участие в организации и проведении 2 конференций, 9 выставок документов, 8 радио- и 3 телепередач⁵³. По сравнению

⁴³ Там же. Д. 2224а. Л. 17–21.

⁴⁴ Там же. Д. 2044. Л. 41.

⁴⁵ Там же. Д. 2058а. Л. 28.

⁴⁶ Там же. Д. 2137. Л. 13–15 об., 19–27.

⁴⁷ Там же. Д. 2044. Л. 41.

⁴⁸ Там же. Д. 2589. Л. 32–33.

⁴⁹ Там же. Д. 2059. Л. 21.

⁵⁰ Там же. Д. 2404. Л. 10.

⁵¹ Там же. Д. 2299. Л. 5.

⁵² Например: История индустриализации Урала 1926–1932: документы и материалы. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1967. 595 с.; История индустриализации Урала (1933–1937): документы и материалы. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1984. 367 с.

⁵³ ГАСО. Ф. Р-316. Оп. 1. Д. 2343. Л. 123.

³⁶ ГАСО. Ф. Р-316. Оп. 1. Д. 1829. Л. 8.

³⁷ Там же. Д. 1830. Л. 45.

³⁸ Там же. Д. 1906. Л. 18–22.

³⁹ Там же. Д. 1846. Л. 35–36.

⁴⁰ Там же. Л. 36.

⁴¹ Там же. Д. 1917а. Л. 33.

⁴² Там же. Д. 1857. Л. 1, 28–29.

Рис. 3. Структура архивной системы Свердловской области по состоянию на 1991 год / Сост. по: ГАСО. Ф. Р-316. Оп. 1. Д. 2634. Л. 15, 32, 34–38, 49–51.

Fig. 3. Structure of the archival system of the Sverdlovsk region as of 1991 / Comp. by: SRSA. Fund. R-316. List. 1. Case. 2634. Sheet. 15, 32, 34–38, 49–51.

с предшествующими этапами использование архивных документов становится приоритетным направлением работы архивов.

В этот период отдел возглавляли советские и партийные работники, имевшие опыт руководства в государственных организациях или предприятиях. Среди них – В.И. Бубнов (1952–1977), Н.А. Смирнов (1977–1985), А.И. Громышев (1986–1990) и А.А. Капустин (1990–2021).

К 1991 г. областной архивный фонд насчитывал 4 312 фондов и 1 506 600 дел⁵⁴. Архивная сеть области состояла из Архивного отдела, ГАСО, четырех филиалов и 48 районных и городских архивов (рис. 3). К концу года архивная система вступила в новый этап преобразований. Решением облисполкома от 27 апреля 1991 г. районные архивы начали реорганизовываться в архивные отделы исполкомов, постановлением главы Администрации от 10 декабря 1991 г. Архивный отдел был преобразован в Управление архивами и подчинен Управлению делами Администрации Свердловской области⁵⁵. Дальнейшее развитие отечественных архивов происходило в принципиально иной социально-политической системе.

На отраслевом этапе была сделана попытка повышения эффективности работы архивных учреждений. Принимаемые решения ориентировались на совершенствование нормативно-методической базы архивного дела, оптимизацию структуры архивов и управления. Архивы стали проводить политику от-

крытости, более разнообразными стали формы использования архивных документов. В целом можно говорить о серьезной институциональной перестройке региональных архивов из хранилищ в информационные центры, ориентированные не только на удовлетворение информационных потребностей органов власти, управления или силовых структур, но и на запросы общества в целом.

Результатом использования архивными учреждениями опыта предшествующих этапов стало формирование сбалансированной системы управления документальным наследием страны, частично сохраняющейся и в настоящее время. Вместе с тем имеющиеся ресурсы не позволяли в полной мере удовлетворять ни государственные, ни общественные информационные нужды. Дальнейшее развитие архивной системы на федеральном и региональном уровнях не затрагивало организационных форм. Менялась методика работы, проводились управленческие эксперименты, но каких-либо реальных шагов по совершенствованию архивной службы до 1990-х гг. не было предпринято.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, использование институционального подхода позволяет говорить о смене в советский период трех моделей региональной архивной системы. Каждая формировалась как результат сочетания государственной политики, общественного запроса (информационной культуры) и доступных ресурсов.

⁵⁴ Там же. Д. 2635. Л. 13; Д. 2697. Л. 11.

⁵⁵ Там же. Д. 2635. Л. 2–3.

Т а б л и ц а 2

Модели архивной службы России

T a b l e 2

Models of the archival service of Russia

Период Period	Централизации (1918–1938) Centralization	Ведомственный (1938–1960) Departmental	Отраслевой (1961–1991) Branch
Подчиненность Subordination	Ведомство просвещения, затем Парламент Department of Education	Ведомство внутренних дел Department of internal affairs	Правительство Government
Степень законодательного регулирувания	Высокая	Низкая	Средняя
Структура управления	Децентрализованная	Централизованная	Централизованная
Приоритет деятельности	Комплектование и учет	Хранение	Использование
Сеть местных архивов	Отсутствует	Формируется	Функционирует

Общей чертой всех архивных моделей было то, что архивное дело находилось в сфере государственного управления, и политика государства определяла условия функционирования архивных органов, в частности степень открытости архивной системы. Одновременно менялись представления о месте архивов в обществе, их социальном и культурном назначении. Ярче всего это проявлялось в реализации такой функции архива, как использование. Приоритеты смещались от информационных потребностей государства на удовлетворение потребностей общества.

Если на первом этапе (1918–1938) провозглашался принцип классовости и партийности при комплектовании архивов и их использовании, то в условиях подчиненности НКВД-МВД архивы стали одним из средств «классовой» борьбы. На втором этапе (1938–1960) публичный характер архивов был серьезно ограничен, использование документов в «оперативно-чекистских целях» явно превалировало над информационными и научно-исследовательскими, а связи с учреждениями носили бюрократический, а иногда и сугубо формальный характер. Архивный отдел Управления НКВД-МВД имел жестко централизованную структуру, позволявшую эффективно осуществлять сбор, хранение и использование архивных документов в оперативных целях НКВД-МВД. Данный период является для региональных архивных учреждений в значительной степени ключевым. За это время окончательно оформилась архивная сеть.

Третий этап (1961–1991) представляет собой попытку синтеза предшествующего опыта. Архивы объявляются всенародной собственностью, призванной служить обществу. Приоритет в использовании переходит к научно-исследовательскому и просветительскому направлениям. При этом сохраняется централизованная структура Архивного отдела при Облисполкоме. В работу архивной отрасли внедряются новые технологии, методические и научные достижения, предпринимаются попытки открыть новые архивы, растет публикационная активность, увеличивается

число сотрудников с высшим архивным образованием. Дальнейшее развитие архивной отрасли продолжилось в новых исторических условиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Архивная служба Свердловской области: 85 лет / под общ. ред. А.А. Капустина. Екатеринбург: Реал-медиа, 2004. 240 с.

Архивный век: архивы Южного Урала в 1921–2021 годах / науч. ред. М.А. Базанов. Челябинск: Объед. гос. арх. Челяб. обл., 2021. 410 с.

Безбородов А.Б., Хорхордина Т.И. Архивы и власть: Государственная архивная служба в формировании исторического сознания и российской социокультурной идентичности // Новый ист. вестн. 2018. № 3. С. 59–77.

Бурангулов Б.В. Управление региональным архивным делом на Южном Урале (1919–1991 гг.). Уфа: Книга-принт, 2023. 168 с.

2-я Конференция архивных работников РСФСР 11–15 января 1927 г. (краткий отчет) // Архивное дело. 1927. Вып. XI–XII. С. 3–82.

Крайская З.В. Организация архивного дела в СССР. М.: Экономика, 1980. 167 с.

Медушевский А.Н. Сталинизм как модель социального конструирования. К завершению научно-исследовательского проекта // Российская история. 2010. № 6. С. 3–29.

Меркулов С.С. Изменения структуры архивных органов Свердловской области (1934–1936 гг.) // Документ. Архив. История. Современность: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 2–3 дек. 2016 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 163–166.

Покровский М.Н. Резолюции по докладам // Архивное дело. 1923. № 1. С. 127–131.

Покровский М.Н. Политическое значение архивов // Архивное дело. 1925. Вып. 2. С. 1–7.

Теория и история политических институтов / под ред. О.В. Поповой. СПб.: СПбГУ, 2014. 344 с.

Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 480 с.

Goldman W.Z. Blood on the Red Banner: Primitive Accumulation in the World's First Socialist State // International Review of Social History. 2022. Vol. 67, iss. 2. P. 211–229.

Huxtable S.A. Deceptive Stability: New Scholarship on Postwar Soviet Society // Contemporary European History. 2023. P. 1–9.

Siddiqi A.A. The materiality of secrets: everyday secrecy in postwar Soviet Union // Continuity and Change. 2023. Vol. 38, iss. 1. P. 75–97.

REFERENCES

- Bazanov M.A. (ed.). (2021). Archival century: archives of the Southern Urals in 1921–2021: collective monogr. Chelyabinsk, Ob''edin. gos. arkh. Chelyab. obl., 410 p. (In Russ.)
- Bezborodov A.B., Khorkhordina T.I. (2018). Archives and power: the State Archival Service in the formation of historical consciousness and Russian social and cultural identity. *Novyy istoricheskiy vestnik*, no. 3, pp. 59–77. (In Russ.)
- Burangulov B.V. (2023). Management of regional archives in the Southern Urals (1919–1991). Ufa, Kniga-print, 166 p. (In Russ.)
- (1927). 2nd Conference of archivists of the RSFSR: (brief report). *Arkhivnoe delo*, no. 11/12, pp. 3–82. (In Russ.)
- Goldman W.Z. (2022). Blood on the red banner: primitive accumulation in the world's first socialist state. *International Review of Social History*, vol. 67, iss. 2, pp. 211–229. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0020859022000104>.
- Huntington S. (2004). Political order in changing societies: transl. from Engl. Moscow, Progress-Traditsiya, 480 p. (In Russ.)
- Huxtable S.A. (2023). A deceptive stability: new scholarship on postwar Soviet society. *Contemporary European History*, pp. 1–9. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0960777323000115>.
- Kapustin A.A. (ed.). (2004). Archival service of the Sverdlovsk region – 85 years. Yekaterinburg, Real-media, 240 p. (In Russ.)
- Krayskaya Z.V. (1980). Organization of archival affairs in the USSR: a secondary spec. education textbook. Moscow, Ekonomika, 167 p. (In Russ.)
- Medushevskiy A.N. (2010). Stalinism as a model for social construction: to the completion of the research project. *Rossiyskaya istoriya*, no. 6, pp. 3–29. (In Russ.)
- Merkulov S.S. (2016). Changes in the structure of the archival bodies of the Sverdlovsk region (1934–1936). *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost': materialy VI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Yekaterinburg, 2–3 Dec. 2016.)*. Yekaterinburg, pp. 163–166. (In Russ.)
- Pokrovskiy M.N. (1923). Resolutions on reports. *Arkhivnoe delo*, iss. 1, pp. 127–131. (In Russ.)
- Pokrovskiy M.N. (1925). The political significance of archives. *Arkhivnoe delo*, iss. 2, pp. 1–7. (In Russ.)
- Popova O.V. (ed.). (2014). Theory and history of political institutions: textbook. Saint Petersburg, Izd-vo SPbGU, 344 p. (In Russ.)
- Siddiqi A.A. (2023). The materiality of secrets: everyday secrecy in postwar Soviet Union. *Continuity and Change*, vol. 38, spec. iss. 1, pp. 75–97. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0268416023000103>.

Статья поступила в редакцию 13.01.2024

Дата рецензирования 24.01.2024

Статья принята к публикации 11.04.2024

DOI: 10.15372/HSS20240213
УДК 94:631.1(47+57)"1935/1940"
EDN: KZRVTX

В.А. ИЛЬИНЫХ

КОЛХОЗЫ В СССР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х гг.: ДИНАМИКА ДЕНЕЖНЫХ ДОХОДОВ*

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Ак. Николаева, 8

Задача работы состоит в аналитической реконструкции механизма получения денежных доходов колхозами СССР во второй половине 1930-х гг., их размеров, динамики, специфики доходности сельхозартелей различной специализации. Особое внимание уделяется выявлению соотношения денежных доходов хозяйств в отдельных республиках и экономических районах страны. Установлено, что основными каналами получения колхозами денег являлись обязательные поставки, контрактация, государственные закупки, продажа сельхозпродуктов на рынке, реализация продукции подсобных предприятий, сдача в наем рабочей силы. Доказано, что в 1935–1940 гг. денежные доходы колхозов СССР выросли в 2,1 раза. В 1935–1937 гг. более высокими темпами наращивались доходы от земледелия, в 1938–1940 гг. – от животноводства. Наиболее выгодным было выращивание хлопка. Несмотря на рост денежных доходов, большинство колхозов страны в конце 1930-х гг. так и не стали зажиточными. Особенно много бедных колхозов было в РСФСР.

Ключевые слова: аграрная политика советского государства, коллективизация, сельское хозяйство, колхозы, контрактация.

Для цитирования: Ильиных В.А. Колхозы в СССР во второй половине 1930-х гг.: динамика денежных доходов // Гуманитарные науки в Сибири. 2024. Т. 31, № 2. С. 102–110. DOI: 10.15372/HSS20240213

V.A. ILINYKH

COLLECTIVE FARMS IN THE USSR IN THE SECOND HALF OF THE 1930s: DYNAMICS OF MONETARY INCOMES

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The article aims to reconstruct the mechanism of money income of collective farms of the USSR in the second half of the 1930s, as well as its size, dynamics, and specifics of profitability of agricultural enterprises of different specialization. Special attention is paid to the identification of the ratio of monetary incomes of farms in separate republics and economic regions of the country. It is established that the main channels for collective farms to receive money were compulsory deliveries, contracting, state purchases, sales of agricultural products in the market, sales of products of subsidiary enterprises, and hiring of labor. It is proved that in 1940 the monetary incomes of collective farms of the USSR increased in comparison with 1935 by 2.1 times. In 1935–1937, the higher income increase was from farming, while in 1938–1940 animal husbandry was more profitable. Higher profitability was provided by cultivation of technical crops, the procurement prices for which had been significantly increased. In the late 1930s, the growth of market prices for livestock products led to an increase in the profitability of livestock farming. Bread production was the least profitable. The

*Статья подготовлена в рамках апробации главы книги 2 13 тома «Истории России» Института российской истории Российской академии наук.

Владимир Андреевич Ильиных – д-р. ист. наук, заведующий сектором, Институт истории СО РАН, e-mail: agro_iwa@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6361-1234>.

Vladimir A. Ilinykh – Doctor of Historical Science, Head of the Department, Institute of History SB RAS.

average profitability of farms in the RSFSR, where grain specialization prevailed, was significantly inferior to that of the majority of the USSR republics. It was 4.8 times higher in Turkmenistan, 4.5 times higher in Uzbekistan, 3.6 times higher in Armenia, and 2.8 times higher in Ukraine and Kyrgyzstan. The growth of monetary incomes contributed to the emergence of millionaire collective farms. Most of such farms were cotton-producing farms. Among millionaires there were collective farms growing fruits, grapes and subtropical crops. It is concluded that despite the growth of monetary incomes, the majority of collective farms in the late 1930s did not become wealthy. Poverty remained a characteristic feature of the absolute majority of Soviet agricultural enterprises. There were especially many poor collective farms in the North-Western, Northern, Volga-Vyatka, and Central non-Chernozem economic regions.

Key words: agrarian policy of the Soviet state; collectivization; agriculture; collective farms; contracting.

ВВЕДЕНИЕ

В 1930-е гг. в СССР сформировалась принципиально новая модель аграрного строя, которую можно определить как колхозную систему. Ее организационно-производственной основой являлись колхозы. Важным этапом развития колхозной системы стала вторая половина 1930-х гг.

Колхозное строительство входило в число приоритетных тем советской историографии. Наиболее существенный вклад в изучение экономики колхозной деревни во второй половине 1930-х гг. внесли М.А. Вылцан [Вылцан, 1970; 1978; История советского крестьянства, 1986, т. 2; История советского крестьянства, 1987, т. 3] и Н.Я. Гущин [Гущин, 1973; Гущин, Кошелева, Чарушин, 1975]. Исследователи выявили каналы получения денежных средств колхозами, определили величину доходов сельхозартелей и тенденции их изменения. В то же время советские историки преувеличили восходящий тренд доходности колхозов и фактически затушевывали ее региональные особенности. В постсоветский период интерес к изучению колхозной экономики существенно снизился, а исследование проблем доходности колхозов фактически прекратилось.

Задача автора настоящей статьи состоит в аналитической реконструкции механизма получения денежных доходов колхозами (сельхозартелями) СССР в указанный период, выявлении их размеров, динамики, а также характеристике специфики доходности сельхозартелей различной специализации. Особое внимание уделяется определению соотношения денежных доходов хозяйств в отдельных республиках и экономических районах страны.

КАНАЛЫ И ФАКТОРЫ ПОСТУПЛЕНИЯ ДЕНЕЖНЫХ ДОХОДОВ

Большевистские теоретики предполагали, что социалистическая реконструкция сельского хозяйства приведет к многократному увеличению производства аграрной продукции, наращиванию доходности сельхозпредприятий и существенному повышению материального благосостояния основной массы крестьянства. Уже в 1931 г. организационно-производственной основой аграрной экономики стали колхозы. Однако форсированная коллективизация привела к кризису в сельском хозяйстве, особенно глубокому в животноводстве, и массовому голоду в основных зернопроизводящих регионах СССР. В 1933 г. перед советским государ-

ством вновь встала задача восстановления аграрного производства. Основные усилия властей были направлены на колхозное строительство. И.В. Сталин на Первом съезде колхозников-ударников 19 февраля 1933 г. поставил задачу в 2–3 года «сделать всех колхозников зажиточными» [Сталин, 1951, с. 245]. Зажиточными должны были стать и сами колхозы. Достичь поставленных целей планировалось за счет организационно-хозяйственного и экономического укрепления сельхозартелей. Наращивание их производственного потенциала и повышение оплаты труда колхозников было призвано также обеспечить увеличение денежных доходов.

Несмотря на преимущественно натуральный, податной и повинностный характер взаимоотношений колхозов и государства, в рамках сталинской модели аграрного социализма использовались элементы товарно-денежных и рыночных отношений. Колхозы нуждались в деньгах прежде всего для оплаты труда своих членов, финансирования строительства производственных помещений и объектов соцкультбыта, приобретения сельскохозяйственных машин и орудий.

Каналами получения сельхозартелями денег в исследуемый период являлись обязательные поставки, контрактация, государственные закупки, децентрализованные заготовки производимых сельхозпродуктов, их продажа на так называемом колхозном рынке, реализация продукции подсобных и кустарных предприятий, заработки на стороне. Сдача сельхозпродукции в рамках имеющих налоговый характер обязательных поставок и контрактации оплачивалась государством. При этом заготовительные цены существенно уступали рыночным, позволяя возмещать лишь незначительную часть производственных затрат колхозов.

Закупки сельхозпродуктов, которые фактически также являлись разновидностью натуральной подати, от имени государства вела потребительская кооперация. Их планы принимались в Центре, а затем разverstывались по регионам и далее по районам, сельсоветам, колхозам. Госзакупки осуществлялись по более высоким ценам. Тем не менее они также существенно уступали рыночным. Реализация продукции в рамках госзакупок разрешалась только после того, как колхоз в полном объеме выполнит натуральные обязательства перед государством и создаст соответствующие семенные, фуражные и продовольственные фонды. Закупались также продукты, не изымавшиеся в государственный фонд в рамках госпоставок и контрактации.

На колхозный рынок поступали продукты, оставшиеся после выполнения планов обязательных поставок, госзакупок, натуроплаты за услуги МТС или не изымаемые государством. В отдаленных районах велись децентрализованные заготовки¹, которыми в основном занимались ОРСы и отдельные потребительские кооперативы для собственных нужд по ценам, близким к рыночным. Реализация сельхозпродуктов на колхозном рынке в основном осуществлялась исходя из соотношения спроса и предложения и являлась для колхозов наиболее выгодной.

В счет обязательных поставок велись заготовки зерновых культур, подсолнечника, картофеля, овощей, мяса, молока, шерсти. Государством контрактывались хлопок, сахарная свекла, табак, лен, конопля, яйцо, кожсырьё, масличные и технические культуры, семена трав. Потребкооперацией в рамках госзакупок приобретались продукты, оставшиеся после выполнения госпоставок и договоров контрактации (хлебопродукты, мясо, молоко, шерсть, подсолнечник и др.). Закупки и рыночная продажа хлопка, сахарной свеклы, льноволокна, табака и других контрактующихся технических культур не производились. В децентрализованном порядке закупались скот, птица, молоко, яйца, овощи, фрукты, мед и т.д. На колхозный рынок помимо остатков от основного производства поступала продукция побочных отраслей сельского хозяйства (см. ниже). В рамках проводимой в середине 1930-х гг. кампании по наращиванию потенциала личных приусадебных хозяйств колхозников осуществлялась продажа им молодняка скота с колхозных ферм по ценам, более низким, чем рыночные.

Дополнительные доходы колхозам приносили несельскохозяйственные занятия. Одним из их источников являлись подсобные и кустарные предприятия по переработке сельскохозяйственной продукции или производству потребительских товаров (мельницы, засолочные пункты, кузницы, маслобойные пункты, небольшие кирпичные заводы и др.). Подобные предприятия обслуживали за деньги местное население и другие колхозы или реализовали свою продукцию на рынке. Часть денежных средств колхозы получали от сдачи в наем собственной рабочей силы. Колхозники в организованном порядке направлялись на лесоси и торфоразработки, строительство промышленных и добывающих предприятий, на работу в совхозы и т.п.

Размеры получения колхозами денежных доходов зависели от объемов производства сельхозпродукции, величины ее налогово-податного изъятия, размеров внутрихозяйственного использования, изменения уровня цен, рыночной конъюнктуры, специализации колхозов, распространения несельскохозяйственных занятий.

Выращивание растениеводческой продукции во второй половине 1930-х гг. оставалось в высокой сте-

пени метеозависимым. Относительно высокие урожаи чередовались с недородами, в том числе катастрофическими. В неурожайные годы также ухудшалось кормообеспечение сельскохозяйственных животных и соответственно снижалась их продуктивность. Надой и товарный выход молока уменьшались. В то же время связанный с нехваткой кормов сверхнормативный забой животных приводил к взрывному, но недолгому увеличению производства мяса. В постнеурожайный год предшествующий сброс поголовья вел к общему сокращению производства животноводческой продукции.

Специализация сельскохозяйственных районов СССР имела директивный характер. Абсолютное большинство колхозов страны было преимущественно ориентировано на зерновое хозяйство. В районах с соответствующими погодно-климатическими и почвенными условиями могли выращиваться технические культуры. При этом их культивирование, как правило, совмещалось с выращиванием зерновых культур, которые занимали большую часть посевных площадей. Исключение составлял хлопок, который в зонах хлопкосеяния фактически являлся монокультурой. Основными районами хлопководства в стране являлись Узбекистан, Таджикистан, выращивание сахарной свеклы – Украина и Центрально-Черноземная область. Животноводство в исследуемый период для сельхозартелей большинства регионов страны являлось второстепенной, а в районах кочевого и полукочевого животноводства – основной отраслью колхозного хозяйства². Помимо базовых отраслей сельского хозяйства ряд колхозов имели так называемые побочные подотрасли аграрного производства (овощеводство, садоводство, виноградарство, пчеловодство, рыбоводство и др.).

ДИНАМИКА ДОХОДНОСТИ В 1935–1937 гг.

В 1935 г. колхозы страны сдали зерна в счет обязательных поставок 800,9 млн пуд., госзакупок – 217,7 млн, продали на колхозном рынке 38,7 млн пуд.³ Недород 1936 г. в основных зерновых районах европейской части СССР привел к сокращению обязательных поставок колхозами до 654 млн пуд. Также уменьшились объемы госзакупок (до 122,2 млн пуд.) и рыночной реализации (до 21,8 млн пуд.). 1937-й год принес рекордный урожай за весь период 1920–1930-х гг. Однако в связи с тем, что снизились погектарные нормы зернопоставок (см.: [Ильиных, 2004, с. 116]), их объем был меньше, чем в менее урожайном 1935 г. – 620,5 млн пуд. Хлебозакуп в 1937 г.

² Основным производителем животноводческой продукции в исследуемый период являлись личные приусадебные хозяйства населения.

³ Помимо обязательных поставок и хлебозакупа государство получало от колхозов зерно в счет натуральной оплаты услуг МТС и возврата выделенных им натуральных семенных и продовольственных ссуд. За данные виды хлебозаготовок колхозы деньги не получали.

¹ Централизованные заготовки велись по государственным планам, а заготовленная продукция поступала в централизованные (общегосударственный или региональные) фонды.

составил 219,6 млн пуд, рыночная реализация – 73 млн пуд.⁴ При этом государственные закупочные цены на зерно в 1935/36 г. увеличились на 20 % [Вылцан, 1978, с. 174]. Соответственно изменялась и денежная выручка колхозов. В 1937 г. доля рыночной реализации хлеба колхозами составила всего 8 % от общего объема, сданного в счет поставок и проданного по госзакупкам и на рынке. Однако она, по нашим подсчетам, дала колхозам около 45 % от общей суммы, полученной за сдачу и продажу зерна. Доля выручки от поставок (68 % объема) составила около 38 %. Такое соотношение было следствием кратной разницы заготовительных и рыночных цен. В 1937 г. государство передавало колхозам в среднем 8,9 руб. за 1 ц полученного в счет поставок хлеба. Закупочная цена на 43 % превышала цену, по которым оплачивались хлебопоставки. Один центнер зерна продавался на рынке за 88,9 руб. [Вылцан, 1978, с. 174; Ильиных, 2004, с. 111].

Как указывалось выше, единственным каналом реализации хлопка, сахарной свеклы, льноволокна, конопли, табака и ряда других технических культур являлась их сдача государству по договорам контрактации. На рынке колхозы в небольших объемах продавали лишь подсолнечник и семена льна (в 1937 г. 0,7 и 1 % соответственно от валового сбора) [Вылцан, 1978, с. 173]⁵.

В середине 1930-х гг. рост валового производства технических культур сопровождался увеличением объемов их государственных заготовок. В 1937 г. хлопка в СССР заготовили в 1,5 раза, сахарной свеклы – в 1,4 раза больше, чем в 1935 г.⁶ Однако доходность их выращивания прежде всего определялась ценовой политикой государства. Заготовительные цены на технические культуры в первой половине 1930-х гг. существенно превышали хлебные. В 1935–1936 гг. разница выросла еще больше. Были увеличены цены на лен-долгунец (в 2 раза), коноплю (в 3 раза), хлопок (в 4 раза) [Вылцан, 1978, с. 174; Тулепбаев, 1966, с. 11]. Кроме того, сданные сверх установленного плана хлопок, сахарная свекла, лен, конопля, табак и другие виды продукции растениеводства оплачивались по более высоким заготовительным ценам. Сохранялись ранее существующие льготы и вводились новые.

Так, постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О плане контрактации хлопка-сырца урожая 1935 г.» предусматривало снижение процента (с 6 до 3) взимаемого Госбанком с авансовых сумм, получаемых контрактантами, освобождение на два года от сельхозналога и культсбора колхозов, значительно расширивших посев хлопка, но еще полностью не освоивших его производство, выплату премий-надбавок за

каждый сданный сверх плана центнер хлопка в размере от 50 до 400 % к заготовительной цене в зависимости от сорта. Сохранялось выделение хлопководческим колхозам кредитов на покупку семян, авансирование производства хлопка, выдача продуктов его переработки (растительного масла, мыла, кормового жмыха, ваты)⁷. В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О плане и мероприятиях по повышению урожайности сахарной свеклы урожая 1935 г.» от 13 марта 1935 г. посевы сахарной свеклы на 1935 г. освобождались от сельхозналога, а колхозы, перевыполнившие план сдачи культуры, получали надбавки за каждый сданный сверх плана центнер в размере от 50 до 200 % к заготовительной цене. Хозяйствам также выделялись денежные авансы, сахар, патока и жом⁸.

В середине 1930-х гг. ежегодно наращивалось «общественное» стадо в колхозах. Соответственно увеличивалось и производство животноводческой продукции. Большая часть реализованных колхозами молока и шерсти передавалась государству в счет обязательных поставок (в 1937 г. – 74,1 и 63,8 % от общего объема госпоставок, госзакупок и рыночных продаж). Доля госзакупок составляла 16,6 и 28,1 %, продажи на рынке – 9,3 и 8,1 % соответственно. Мясо и сало, напротив, в основном реализовались на рынке (91,8 %). Удельный вес поставок составлял 0,9 %, госзакупок – 7,3 %. Разница между государственными заготовительными и рыночными ценами на продукцию животноводства была меньше, чем на хлеб. В 1935 г. государственная заготовительная цена мяса, молока и шерсти составляла 151, 14 и 362 руб. за ц, а рыночная цена – 367,6, 44, 508,5 руб. Доходы колхозов в 1935 г. от продуктов животноводства, переданных государству в порядке поставок и закупок, составили 46,7 %, от общей суммы реализации, а проданных на рынке – 40,7, от продажи скота (в основном молодняка) колхозникам – 12,6 % [Вылцан, 1978, с. 177].

В 1935 г. колхозы СССР по всем каналам заработали 9681 млн руб., в том числе 6240 млн руб. от земледелия (64,5 %), 1529 млн руб. от животноводства (15,8 %), 343 млн от подсобных предприятий (3,5 %), 868 млн руб. от сдачи в наем рабочей силы (9 %). В 1937 г. денежные доходы колхозов СССР увеличились по сравнению с 1935 г. на 46,5 %, в том числе от продукции земледелия на 53 %, животноводства – на 61, от подсобных предприятий – на 62, заработков на стороне – на 27 %. Удельный вес полученных хозяйствами доходов от земледелия составлял 67,3 %, от животноводства – 17,3, от подсобных предприятий – 3,9, от заработков на стороне – 7,9, от прочих поступлений – 3,5 %. Максимальный прирост денежных доходов колхозов был зафиксирован в Киргизской ССР (+115 %) Таджикской ССР (+92 %), на Северном Кавказе (с учетом Крыма) (+84 %), на Украине

⁴ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 8040. Оп. 3. Д. 936. Л. 19; Ф. 4372. Оп. 36. Д. 1407. Л. 35.

⁵ В 1937 г. объем проданных колхозами на рынке хлебопродуктов составлял 0,3 % от валового сбора.

⁶ Колхозы во второй сталинской пятилетке: стат. сб. М.; Л.: Госпланиздат, 1939. С. 95.

⁷ Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства СССР (СЗ СССР). 1935. № 13. Ст. 98.

⁸ Там же. 1935. № 14. Ст. 104.

Т а б л и ц а 1

Денежные доходы колхозов СССР в 1937 г.
Money income of kolkhozes in the USSR in 1937

Республики, сельскохозяйственные зоны РСФСР Republics, agricultural zones of the RSFSR	Всего, млн руб. Total, mln rub.	От земледелия, млн руб. From agriculture, mln rub.	От животноводства, млн руб. From animal breeding, mln rub.	В среднем на колхоз, тыс. руб. On average per kolkhoz, thousand rubles
СССР	14180,1	9543,4	2458,1	58,8
РСФСР	6757,1	3640,0	1685,4	39,4
Европейский Север	181,6	45,0	73,0	18,7
Северо-Западная	707,1	354,9	189,8	21,7
Центрально-Нечерноземная	1124,8	473,2	208,4	33,0
Центрально-Черноземная	824,4	595,2	109,6	35,9
Верхне-Волжская	368,0	182,6	54,9	16,8
Средняя и Нижняя Волга	557,1	347,5	157,7	80,8
Северный Кавказ и Крым	1494,7	1020,9	351,0	171,0
Урал	540,2	285,6	156,7	38,1
Западная Сибирь	598,7	225,7	266,5	42,4
Восточная Сибирь	291,7	76,5	101,6	57,9
Дальний Восток	68,3	32,9	16,2	57,0
Украинская ССР	2795,1	2033,3	402,7	102,2
Белорусская >>	299,9	157,8	86,5	31,0
Азербайджанская >>	455,0	400,7	20,3	123,6
Грузинская >>	318,1	208,7	23,8	74,1
Армянская >>	109,6	72,1	19,7	74,1
Туркменская >>	270,0	230,0	21,8	102,0
Узбекская >>	2218,5	2053,1	67,1	254,0
Таджикская >>	332,2	313,8	5,3	86,0
Казахская >>	404,2	252,6	25,0	53,7
Киргизская >>	220,4	181,3	25,0	116,2

Составлено по: Колхозы во второй сталинской пятилетке: стат. сб. М.; Л.: Госпланиздат, 1939. С. 115–118.

Примечание. Сведения по республикам и зонам приведены в границах середины 1939 г.

(+82 %), в Грузинской ССР (+70,5 %), в Казахстане (+57 %) в Узбекской ССР (+56 %), Азербайджанской ССР (+54 %). Денежные доходы в вышеперечисленных республиках и регионах росли за счет увеличения производства хлопка, сахарной свеклы, табака и других технических культур и существенного повышения заготовительных цен на них. В Киргизии и Таджикистане были освоены новые хлопкосеющие районы. В РСФСР денежные поступления колхозов увеличились на 31 %, в Белоруссии – на 29 %⁹.

Размеры денежных доходов, полученных колхозами в 1937 г., приведены в табл. 1.

Наиболее высокие денежные доходы в расчете на один колхоз получали хозяйства Узбекистана (254 тыс. руб.), Северного Кавказа и Крыма (171 тыс.), Азербайджана (123,6 тыс. руб.). Минимальной была доходность колхозов Верхне-Волжского района (16,8 тыс. руб.), Севера и Северо-Запада РСФСР (18,7 и 21,7 тыс. руб.). Средняя доходность колхозов РСФСР существенно уступала аналогичному показателю по всем остальным республикам СССР, кроме Белорусской. В Узбекистане она была больше в 6,5 раза, в Азербайджане – в 3,1, в Киргизии – в 2,9, на Украине – в 2,6 раза.

Большая часть полученных колхозами денег выдавалась колхозникам по трудодням. В СССР в 1937 г. выдача по трудодням на один двор составила 376 руб. Следует отметить, что в колхозах, основной специализацией которых являлось выращивание зерновых культур, основным видом оплаты труда колхозников являлась выдача по трудодням зерна. В СССР в 1937 г. она равнялась 17,4 ц на двор, в РСФСР – 21,1 ц. В республиках Средней Азии относительно небольшая выдача зерна компенсировалась высокой денежной оплатой. Так, в Узбекской ССР на 1 колхозный двор было выдано 2,0 ц хлеба и 2034 руб. В РСФСР выдачи денег были существенно меньше и достигали в среднем 231 руб., в том числе на Северном Кавказе – 644 руб. (максимальное значение), а на Верхней Волге – 88 руб. (минимальное значение)¹⁰.

⁹ Колхозы во второй сталинской пятилетке. С. 115–118.

¹⁰ Там же. С. 110–111.

ДИНАМИКА ДОХОДНОСТИ В 1938–1940 гг.

Заготовительные и закупочные цены в СССР в конце 1930-х гг. оставались неизменными. Денежные доходы колхозов от производства продукции растениеводства в основном определялись колебаниями урожайности. В 1938 и 1939 гг. урожайность и валовый сбор зерновых культур снизились. Основной причиной этого были неблагоприятные природно-климатические условия. Уменьшились объемы обязательных поставок и хлебозакупа (в 1938 г. – 587,0 и 185,5 млн пуд., в 1939 г. – 547,4 и 154 млн пуд. соответственно)¹¹. В 1940 г. производство зерна было выше, чем в предыдущие два года, но не достигло рекордных показателей 1937 г. Высокий урожай в последнем предвоенном году собрали на Украине, в Краснодарском крае. А для Юго-Западной Сибири и Северо-Восточного Казахстана он оказался недородным. Снижение валовых сборов государство компенсировало увеличением уровня налогового-податного обложения зернового хозяйства (см.: [Ильиных, 2004, с. 131–133]). В результате при меньшем валовом сборе объем обязательных поставок в СССР в 1940/41 г. превысил результаты 1937 г. в 1,5 раза, составив 955,1 млн пуд. В условиях сверхнормативного изъятия хлеба колхозы были вынуждены уменьшить его госзакупки (до 103,4 млн пуд.), рыночную реализацию и фонд натуральной оплаты труда¹². В итоге денег хозяйства за существенно увеличившиеся объемы сданного в счет поставок и закупок зерна в 1940 г. получили, по нашим подсчетам, лишь на 7–10 % больше, чем в 1937 г. Уменьшилась и продажи хлебопродуктов на рынке.

В 1938 и 1939 гг. сборы технических культур в СССР были больше, чем в предыдущие годы. В 1940 г. произошло резкое снижение производства хлопка. Массовое отвлечение колхозников на ирригационное строительство привело к ухудшению качества ухода за хлопчатником и его обработки [История советского крестьянства, 1987, т. 3, с. 81]. Неблагоприятным оказался 1940 г. и для выращивания сахарной свеклы. Производство хлопка и свеклы в колхозах по сравнению с 1937 г. уменьшилось на 12 и 19 % соответственно, а государственные заготовки – на 14 и 21 %¹³. Денег за эти культуры хозяйства в 1940 г. получили меньше, чем в 1937 г. Тем не менее выращивание технических культур оставалось основным источником получения денежных средств колхозами от сдачи продукции растениеводства государству. По нашим подсчетам, доля зерна в доходах от поставок и госзакупок продуктов земледелия не превышала 20 %.

В итоге денежные доходы колхозов СССР от продукции растениеводства в 1940 г. увеличились по сравнению с 1937 г. лишь на 19 % (табл. 2). В 1940 г. доля доходов колхозов СССР от сдачи государству

продуктов растениеводства в счет поставок и госзакупок составила 60,5 % от общей суммы реализации, от продажи в порядке колхозной торговли – 39,5 %¹⁴. Удельный вес доходов от растениеводства от их общей суммы в 1940 г. в стране в целом составлял 54,9 %. При этом доля доходности земледелия колебалась в зависимости от урожайности. В Свердловской области в недородном 1939 г. она составляла 27,3 %, а в урожайном 1940 г. – 43,5 % [Колхозная жизнь ..., 2006, с. 335].

В связи с возросшим спросом постоянно увеличивавшегося городского населения на продукты животноводства в конце 1930-х гг. рыночные цены на них значительно выросли. Колхозы продолжали наращивать поголовье скота. В предыдущий период колхозные фермы находились в процессе формирования стада, что сдерживало их товарность. В конце 1930-х гг. значительно выросла тяжесть налогово-податного обложения животноводствам (см.: [Ильиных, 2004, с. 142–143]). Государственные заготовки и закупки молока в колхозах страны в 1940 г. увеличились по сравнению с 1937 г. в 1,5 раза, шерсти – в 1,9, мяса в убойном весе – в 2 раза¹⁵. Выросли размеры рыночных продаж. В 1940 г. колхозы Сибири и Северного Казахстана в условиях катастрофического недорода зерновых культур и трав и возникшего в связи с этим дефицита кормов осуществили сверхнормативный забой скота, в основном реализовав его на рынке. Соответственно увеличились доходы от животноводства. В 1940 г. их сумма превысила показатели 1937 г. более чем в 2 раза (на 105 %) (табл. 2). В 1940 г. доля доходов колхозов СССР от поставок и госзакупа животноводческой продукции составила 43 % от общей суммы реализации, от продажи в порядке колхозной торговли – 55 %. Несмотря на наращивание доходности животноводства, оно продолжало существенно уступать растениеводству в размерах получения хозяйствами денежных доходов. Удельный вес доходов от животноводства от их общей суммы в 1940 г. в СССР в целом составлял 24,6 %¹⁶.

Возросли также доходы от подсобных предприятий, промыслов и прочих поступлений: с 2,1 млрд (15,2 % общих доходов) до 4,2 млрд руб. (20,3 %)¹⁷. В 1940 г. общая сумма денежных доходов колхозов СССР увеличилась по сравнению с 1937 г. на 45,8 %, в РСФСР – на 49,8 % (от растениеводства – на 18,5 %, от животноводства – на 89,3 %), Максимальный прирост по республикам был достигнут в Армении (+105 %), Казахстане (+81,3 %), Туркменистане (+64,8 %) и Грузии (+64,7 %), минимальный – в Таджикистане (+27 %), Белоруссии (+22 %), и Азербайджане (+19,7 %). В Узбекистане снижение производства хлопка в 1940 г. привело

¹¹ РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3. Д. 936. Л. 19.

¹² Там же. В 1937 г. в СССР выдача зерна на один колхозный двор составила 17,4 ц зерном, в 1940 г. – 9 ц, на один трудодень – 4,0 и 1,6 кг соответственно (Там же. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 65. Л. 58).

¹³ Там же. Д. 112. Л. 18; 20.

¹⁴ Там же. Л. 281.

¹⁵ Там же. Л. 20.

¹⁶ Там же. Л. 281.

¹⁷ Колхозы во второй сталинской пятилетке. С. 115, 117; Сельское хозяйство СССР: стат. сб. М.: Госстатиздат ЦСУ СССР, 1960. С. 64.

Т а б л и ц а 2

Денежные доходы колхозов СССР в 1940 г.

Money income of kolkhozes in the USSR in 1940

Республики, экономические районы РСФСР Republics, economic zones of the RSFSR	Всего, млн руб. Total, mln rub.	От земледелия, млн руб. From agriculture, mln rub.	От животноводства, млн руб. From animal breeding, mln rub.	В среднем на колхоз, тыс. руб. On average per kolkhoz, thousand rubles
СССР	20680	11353	5049	87,9
РСФСР	10121	4313	3190	60,5
Район Севера	276	57	144	34,5
Район Северо-Запада	378	114	154	29,5
Район Центра	1704	558	499	39,9
Район Волго-Вятский	934	399	169	38,2
Центрально-Черноземный	984	587	172	48,5
Поволжье	1069	347,5	247	87,3
Северный Кавказ	2181	1143	757	289,5
Урал	985	385	340	55,1
Западная Сибирь	902	217	449	63,7
Восточная Сибирь	537	141	216	90,9
Дальний Восток	171	32,9	16,2	133,3
Украинская ССР	4811	2033,3	963	169,6
Белорусская >>	366	131	134	48,8
Узбекская >>	2132	1823	152	284,3
Казахская >>	733	310	287	107,1
Грузинская >>	524	298	67	132,1
Азербайджанская >>	544	403	71	159,3
Киргизская >>	298	207	57	172,1
Таджикская >>	422	371	21	107,4
Армянская >>	225	151	42	218,4
Туркменская >>	445	351	59	289,0

Составлено по: Сельское хозяйство СССР. С. 51; 66–68.

Примечание. Сведения по республикам и экономическим районам приведены в границах 1960 г.

к тому, что колхозы республики в этом году получили доходов от растениеводства на 11,2 %, а доходов от всех поступлений – на 3,9 % меньше, чем в 1937 г. В Западной Сибири доходность от растениеводства в 1940 г. также снизилась на 3,9 %. Причиной являлся катастрофический недород.

В 1940 г. в СССР доля оплаты труда составляла 41,7 % от общей суммы денежных доходов. 13,9 % суммы расходовались на выплату денежных налогов, и сборов, а также возврат ссуд, 23,5 % – на производственные нужды, 15,9 % отчислялись на пополнение неделимого фонда, 1,3 % тратились на административно-хозяйственные расходы¹⁸. В Свердловской области в 1940 г. по трудодням распределили 34,5 %, производственные расходы составили 29,3 %, отчисления в неделимый фонд – 15,8, выплата налогов и сборов – 11,6, административно-хозяйственные расходы – 1,6 % общей суммы доходов [Колхозная жизнь ..., 2006, с. 335].

Сопоставимые сведения о денежной оплате колхозников в конце 1930-х гг. отсутствуют, поскольку до 1937 г. включительно по этому показателю учитывали только колхозников, а с 1938 г. данные стали подсчитывать с учетом трактористов МТС. В 1938 г. средняя денежная оплата на один колхозный двор в СССР в целом составляла 480 руб., в 1939 г. – 479, в 1940 г. – 462 руб. В Узбекистане денежная оплата в 1938 и 1939 гг. снизилась до 1978 и 1804 руб. даже с учетом трактористов [История советского крестьянства, 1987, т. 3, с. 107]. Таким образом, несмотря на рост доходов колхозов, денежная оплата труда в них в конце 1930-х гг. уменьшилась.

КОЛХОЗЫ-МИЛЛИОНЕРЫ

Рост денежных доходов сельхозартелей способствовал возникновению колхозов-миллионеров (хозяйств, денежные доходы которых превышали 1 млн руб.). В 1935 г. в СССР таковых насчитывалось 118, что составляло 0,05 % от общего числа колхозов. В 1937 г. их число увеличилось до 610, а доля – до 0,3 %. Боль-

¹⁸ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 65. Л. 288 об.

ше всего хозяйств с миллионными доходами и выше находилось в Узбекистане (303, 3,5 % от общего числа колхозов в регионе) и на Северном Кавказе (89, 1,2 %). В РСФСР в целом было 155 таких сельхозартелей (0,1 %), на Украине – 30 (0,1 %). В Верхне-Волжском районе, на Урале, в Западной Сибири и на Дальнем Востоке подобных хозяйств вообще не было. В 1938 г. в стране было 853 колхоза-миллионера. В Ленинском районе Ферганской области насчитывалось 100 таких колхозов, в Киргизской ССР – 50, в Темрюкском районе Краснодарского края – 15 хозяйств. В Узбекистане в 1938 г. 155 сельхозартелей получили более 1,5 млн руб. дохода. В 1939 г. в СССР было более 1000 колхозов-миллионеров [История советского крестьянства, 1987, с. 3, с. 93]¹⁹.

Абсолютное большинство подобных хозяйств занимались производством технических культур, заготовительные цены на которые в сочетании с премиями-надбавками могли обеспечивать относительно высокую доходность. Больше всего миллионеров оказалось среди хлопкосеющих хозяйств. Среди миллионеров были также колхозы, выращивавшие фрукты, виноград, субтропические культуры, располагавшие зверофермами. Так, доход в 1 млн 700 тыс. руб. в 1935 г. получил колхоз им. Сталина Судакского района Крымской АССР, снявший 700 т винограда, 600 т фруктов, «большое количество табака и овощей».

Колхозы-миллионеры часть своих доходов тратили на развитие социально-бытовой инфраструктуры. В сельхозартели «Интернационал» Нахичеванской АССР, например, были возведены здания амбулатории, детского сада, яслей, клуба, библиотеки, школы, 40 каменных домов для колхозников²⁰. 10 июня 1940 г. новосибирская областная газета «Советская Сибирь» сообщала о том, что колхоз «Труд» Ленинск-Кузнецкого района вскоре должен стать миллионером. Денежные доходы хозяйство получало от зверофермы (черно-бурые лисы), фруктово-ягодного сада, мельницы. В колхозе был построен клуб, неполная средняя школа, электростанция.

Колхозам, специализирующимся на производстве зерна и животноводческой продукции, даже приблизиться к миллионному доходу было невозможно вследствие крайне низкого уровня заготовительных цен. Выходом для зерновых хозяйств могло стать включение в севообороты технических культур (прежде всего, конопля) и заведение подсобных промысловых предприятий. Однако сделать это было сложно. Сокращение посевов зерновых за счет других культур запрещалось на законодательном уровне. И районные власти следили за выполнением данной директивы. Негативно воспринималось и расширение в колхозах подсобных промыслов, что могло отвлечь трудовые ресурсы от профильного аграрного производства. В этих условиях добиться изменений в специализации колхоза мог-

ли председатели, имевшие неформальные связи с районным руководством. Однако и в зонах возделывания технических культур достижение колхозом миллионной доходности также во многом зависело от управленческих качеств председателей и их отношений с вышестоящим начальством. Председатели колхозов-миллионеров были жесткими опытными руководителями, которые, безусловно, применяли материальные стимулы, но в случае необходимости прибегали к политике кнута, случалось – в буквальном смысле. В арсенале мер для наведения трудовой дисциплины у них присутствовало рукоприкладство, иные неправомерные действия (в Средней Азии – неугодных помещал в зинданы).

Несмотря на увеличение числа колхозов-миллионеров, они даже в Средней Азии были явлением достаточно редким. Гораздо больше имелось бедных и практически нищих хозяйств. В 1937 г. в СССР удельный вес колхозов с денежным доходом до 10 тыс. руб. составлял 20 %, с доходом от 10 до 30 тыс. руб. – 35, в РСФСР – 23 и 41 % соответственно. Наиболее высокий уровень колхозной бедности был характерен для Европейского Севера (38 и 48 %), Верхне-Волжского района (46 и 40 %) Северо-Западного района (29 и 52 %), Центральной Нечерноземной зоны (26 и 45 %), Казахстана (29 и 28 %). К началу 1940-х гг. показатели денежной доходности повысились. Однако качественных изменений в колхозной системе СССР в целом не произошло. Бедность оставалась характерной чертой абсолютного большинства советских сельхозартелей. Особенно много бедных колхозов было в РСФСР. Средняя доходность колхозов РСФСР (60,5 тыс. руб.) по-прежнему существенно уступала аналогичному показателю во всех остальных республиках СССР, кроме Белоруссии. В Туркмении она была в 4,8 раза, Узбекистане – в 4,5, Армении – в 3,6 раза выше. В РСФСР самой низкой была средняя доходность колхозов в Северо-Западном (29,5 тыс. руб.), Северном (34,5 тыс.), Волго-Вятском (38,2 тыс.) и Центрально-Нечерноземном (39,9 тыс. руб.) районах. Большая часть сельхозартелей в этих регионах владели жалкое существование. В таких хозяйствах, в отличие от колхозов-миллионеров, никакого нового строительства объектов социально-культурного назначения не велось. Колхозные конторы находились в экспроприированных в 1930 г. кулацких домах, клубы – в бывших церквях. Несмотря на реалии советской колхозной деревни конца 1930-х гг., в «Кратком курсе истории ВКП(б)» был сделан вывод о том, что «колхозы стали зажиточными» [История Всесоюзной Коммунистической партии ..., 1954, с. 325].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вылцан М.А. Советская деревня накануне Великой Отечественной войны. (1938–1941 гг.). М.: Политиздат, 1970. 200 с.
Вылцан М.А. Завершающий этап создания колхозного строя. М.: Наука, 1978. 263 с.
Гущин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму (социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социали-

¹⁹ Колхозы во второй сталинской пятилетке. С. 123–124; Сов. Сибирь (Новосибирск). 1938. 20 февр.; 1939. 23 мая.

²⁰ Сов. Сибирь (Новосибирск). 1935. 20 окт.; 1937. 27 дек.

стической реконструкции народного хозяйства. 1926–1937 гг.). Новосибирск: Наука, 1973. 517 с.

Гущин Н.Я., Кошелева Э.В., Чарушин В.Г. Крестьянство Западной Сибири в довоенные годы. (1935–1941). Новосибирск: Наука, 1975. 284 с.

Ильиных В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск, 2004. 167 с.

История Всесоюзной Коммунистической партии (большевики). Краткий курс. М.: Госполитиздат, 1954. 352 с.

История советского крестьянства: в 5 т. М.: Наука, 1986. Т. 2: Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства. Конец 1927–1937 гг. / отв. ред. И.Е. Зеленев. 448 с.

История советского крестьянства: в 5 т. М.: Наука, 1987. Т. 3: Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938–1945 гг. / отв. ред. М.А. Выльцан. 447 с.

Колхозная жизнь на Урале. 1933–1935 гг. / сост.: Х. Кесслер, Г.Е. Корнилов. М.: РОССПЭН. 2006. 912 с.

Сталин И.В. Речь на Первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников. 19 февраля 1933 г. // Сочинения. М.: Госполитиздат, 1951. Т. 13. С. 236–256.

Тулепбаев Б.А. Решение хлопковой проблемы в СССР // Вопр. истории. 1966. № 9. С. 3–14

REFERENCES

Gushchin N.Ya. (1973). Siberian village on the way to socialism: (socio-economic development of the Siberian village during the socialist reconstruction of the national economy. 1926–1937). Novosibirsk, Nauka, Sib. otd-nie, 517 p. (In Russ.)

Gushchin N.Ya., Kosheleva E.V., Charushin V.G. (1975). Peasantry of Western Siberia in the pre-war period. (1935–1941). Novosibirsk, Nauka, Sib. otd-nie, 284 p. (In Russ.)

Il'inykh V.A. (2004). Taxation of the Siberian village. Late 1920s – early 1950s. Novosibirsk, In-t istorii OIIF SO RAN, 165 p. (In Russ.)

Kessler Kh., Kornilov G.E. (comps). (2006). Collective farm life in the Urals. 1935–1953. Moscow, ROSSPEN, 911 p. (In Russ.)

Stalin I.V. (1951). Speech at the First All-Union Congress of collective farm shock workers, February 19, 1933. *Sochineniya*. Moscow, vol. 13, pp. 236–256. (In Russ.)

(1953). The history of the All-Union Communist Party (Bolsheviks): a short course. Moscow, Gospolitizdat, 352 p. (In Russ.)

Tulepbaev B.A. (1966). Solving the cotton problem in the USSR. *Voprosy istorii*, no. 9, pp. 3–14. (In Russ.)

Vyltsan M.A. (1970). A Soviet village on the eve of the Great Patriotic War. (1938–1941). Moscow, Politizdat, 200 p. (In Russ.)

Vyltsan M.A. (1978). The final stage of the creation of the collective farm system (1935–1937). Moscow, Nauka, 263 p. (In Russ.)

Vyltsan M.A. (ed.). (1987). History of the Soviet peasantry. In 5 vols. Vol. 3. The peasantry before and during the Great Patriotic War, 1938–1945. Moscow, Nauka, 447 p. (In Russ.)

Zelenin I.E. (ed.). (1986). History of the Soviet peasantry. In 5 vols. Vol. 2. Soviet peasantry during the socialist reconstruction of the national economy, the end of 1927–1937. Moscow, Nauka, 448 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 18.03.2024

Дата рецензирования 02.04.2024

Статья принята к публикации 11.04.2024

DOI: 10.15372/HSS20240214
УДК 930(091)+94(47).073(001)
EDN: KYQGMQ

Е.Н. ТУМАНИК

АКАДЕМИК Н.М. ДРУЖИНИН О ДЕКАБРИСТАХ В СИБИРИ*

Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН,
РФ, 630102, г. Новосибирск, ул. Восход, 15

Статья посвящена ранним работам Н.М. Дружинина в области декабристоведения, в которых заложена серьезная основа для разработки направления исследований о декабристах в Сибири. Представлено концептуальное видение академиком Н.М. Дружининым сибирской ссылки декабристов, являющееся составной частью его общих представлений о декабризме. Освещен вклад ученого в постановку и изучение проблем, относящихся к теме «Декабристы в Сибири», показано современное значение его идей в раскрытии таких проблем, как педагогическая, научная и просветительская деятельность декабристов после 1825 г., эволюция их политических взглядов в период после восстания. Сделан вывод, что идеи Н.М. Дружинина органично вписались в концепцию декабризма, выработанную в заключительный период советского декабристоведения середины 1970-х – конца 1980-х гг., а также сохраняют свою актуальность на современном этапе изучения данной темы.

Ключевые слова: декабристоведение, историография, Н.М. Дружинин, движение декабристов, декабристы в Сибири, Н.М. Муравьев, И.Д. Якушкин.

Для цитирования: Туманик Е.Н. Академик Н.М. Дружинин о декабристах в Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2024. Т. 31, № 2. С. 111–117. DOI: 10.15372/HSS20240214

E.N. TUMANIK

ACADEMICIAN N. M. DRUZHININ ABOUT THE DECEMBRISTS IN SIBERIA

State Public Scientific Technical Library SB RAS,
15, Voshod Str., Novosibirsk, 630102, Russian Federation

The article analyses N.M. Druzhinin's early works in the field of Decembrist studies, devoted to N.M. Muravyov and I.D. Yakushkin, which were published in the late 1920s – early 1940s and laid a severe foundation for the development of the topic. Academician Druzhinin's conceptual vision of the Decembrists' Siberian exile is an integral part of his general ideas about Decembrism. In those years, N.M. Druzhinin did not consider the Siberian period to be a continuation of the Decembrists' movement. However, in his research, he formed decisive prerequisites for a new view of the problem as a temporal section fully enveloped in the history of the noble stage of the liberation movement. N.M. Druzhinin was one of the first to show the importance of the study of exile for the formation of an objective picture of the Decembrists' history. He drew a peculiar line under the pre-revolutionary and early Soviet stages of the study of the Decembrists in Siberia, and stood on the threshold of its new comprehension. Moreover, he was the first to see the most crucial ideological component in the "Siberian Twenty Years", not just stating facts and describing the circumstances of the Decembrists' exile but concentrating on the ideological foundations of their activities. His views and scientific approaches played an essential role in substantiating the general concept of Decembrism, which finally took shape in Soviet historiography by the mid-1970s as an inseparable whole before and after the revolt. In addition, N.M. Druzhinin created a methodological basis for developing Siberian Decembrists' biography and initiated a comprehensive study of the Decembrists' pedagogical activities in Siberia.

*Статья подготовлена по плану НИР ГПНТБ СО РАН, проект «Трансформация книжной культуры в социальных коммуникациях XIX–XXI вв.», № 122041100088-9.

Екатерина Николаевна Туманик – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, e-mail: kattum@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8055-4809>.

Ekaterina N. Tumanik – Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Scientific Technological Library SB RAS.

The article shows the modern significance of the ideas of academician Druzhinin in the disclosure of such topics as the pedagogical, scientific and educational activities of the Decembrists and the evolution of their political views after 1825. It is concluded that N.M. Druzhinin's ideas organically fit into the concept of Decembrism, which developed in the final period of Soviet Decembrists' studies in the mid-1970s – late 1980s, as well as retain their relevance at the present stage of the study of the topic.

Key words: Decembrist studies, historiography, N.M. Druzhinin, the Decembrist's movement, the Decembrists in Siberia, N.M. Muravyov, I.D. Yakushkin.

ВВЕДЕНИЕ

В год празднования 300-летия Российской академии наук особенно пристальное внимание привлекает наследие наиболее выдающихся ученых – корифеев отечественной науки. Среди российских историков важнейшее место занимает академик Николай Михайлович Дружинин – ведущий отечественный специалист по социально-экономической и политической истории XIX в. Академик Н.М. Дружинин дважды обращался к теме сибирской ссылки декабристов в связи с биографическими исследованиями, посвященными Н.М. Муравьеву и И.Д. Якушкину. В данной статье мы осветим его вклад в постановку и изучение проблем, относящихся к теме «Декабристы в Сибири».

Сегодня, особенно в связи с приближением 200-летнего юбилея восстания на Сенатской площади, в научных кругах вновь усиливается интерес к истории движения декабристов, перспективам дальнейшего изучения декабризма не только как общественно-политического явления, но и важнейшего элемента национальной культурно-исторической коммеморации, когда «актуальность и научная значимость исследований» обуславливаются «объективной необходимостью выявления места декабристов в исторической памяти России, в политическом и идеологическом пространстве на протяжении XIX – начала XXI в.» [Ильин, 2019, с. 4]. В ракурсе историографического анализа темы особую актуальность приобретает изучение советского декабриствоведения, в том числе исследований, посвященных пребыванию декабристов в Сибири.

Пожалуй, первым об историографическом вкладе Н.М. Дружинина в разработку темы о декабристах в Сибири заявил Ф.А. Кудрявцев, заострив внимание на VIII главе его монографии «Декабрист Никита Муравьев» и особо подчеркнув, что помимо хозяйственной, познавательной-научной и педагогической деятельности Н.М. Дружинин рассмотрел «политические воззрения в сибирский период жизни» декабриста. Говоря о статье «Декабрист И.Д. Якушкин и его ланкастерская школа», Ф.А. Кудрявцев выделил коллективистский момент, который уловил академик Н.М. Дружинин, сделавший акцент на работе не только одного Якушкина, но и целого кружка руководимых им ялutorовских декабристов, «многое» предпринявших «для распространения просвещения». В целом, по мнению Ф.А. Кудрявцева, труд Н.М. Дружинина имеет «очень важное значение» «для изучения педагогической деятельности декабристов» [Кудрявцев, 1975, с. 18].

С.Ф. Коваль, выделивший в истории изучения темы «Декабристы в Сибири» два крупных периода – с начала 1920-х до конца 1930-х гг. и с начала 1950-х до середины 1970-х гг., отметил, что Н.М. Дружинин в ряду других ученых стоит «у колыбели историографии темы»: именно он поставил задачу «изучения идеологии декабристов в Сибири, ее эволюции», ставшую следующей ступенью после того, как другие исследователи 1920-х – 1930-х гг. «впервые во всех формах краеведческой деятельности декабристов в Сибири» «начали усматривать общественную значимость» [Коваль, 1985, с. 179, 181–183, 186–187]. В общем историографическом обзоре данной темы С.Ф. Коваль уделяет трудам Н.М. Дружинина достаточно много внимания, подчеркивая, что именно он, завершая начальный этап историографии, выработал как основные принципы биографических изысканий в контексте тематики сибирской ссылки декабристов, так и предостерег ученых еще в начале 1930-х гг. от «необоснованных выводов и поверхностных обобщений», касающихся развития прежде всего декабристской идеологии после 1825 г. Вместе с тем С.Ф. Коваль подчеркнул, что концепцию декабризма, высказанную Н.М. Дружининым в ранних работах, в том числе и в анализируемых нами в данной статье, стоит рассматривать с поправкой на его взгляды середины 1950-х гг., когда, по мнению историка, академик Дружинин отказался от устаревшего «суждения о господстве в Северном обществе правого крыла», отразившегося в его монографии о Никите Муравьеве, которую, тем не менее, С.Ф. Коваль оценил очень высоко: «И если некоторые общие выводы об идеологии Н.М. Муравьева в Сибири нами сейчас полностью вряд ли могут быть приняты, работа Н.М. Дружинина не теряет от этого своего значения и надолго еще останется образцом монографического изучения биографии отдельной личности» [Коваль, 1978, с. 22; 1985, с. 182].

В последнее время в свете поиска новых теоретических подходов в отечественном декабриствоведении интерес к изысканиям Н.М. Дружинина в области движения декабристов стал вновь весьма актуальным, в поле зрения историков попадают и его работы о декабристах в Сибири. Так, статья «Декабрист И.Д. Якушкин и его ланкастерская школа» проанализирована В.В. Жибоедовым, увидевшим в ней характеристику не только просветительской деятельности, но и «размышлений» «бывшего участника декабристского движения в ссылке». Обратим внимание на эту формулировку, прозвучавшую несколько неожиданно в свете

давно устоявшейся концепции продолжения движения декабристов после 1825 г., в том числе и в сибирской ссылке. Но для Н.М. Дружинина в начале 1940-х гг. ссылка не являлась частью движения декабристов – за этой концепцией следует и автор указанной статьи, не учитывая общий уровень историографической разработки темы «Декабристы в Сибири» [Жибоедов, 2023, с. 76].

Говоря об общих взглядах Н.М. Дружинина на движение декабристов (которых непременно нужно коснуться, так как их основные постулаты вполне применимы и к оценкам ученым сибирского периода истории декабризма), следует, например, обратиться к точке зрения М.М. Сафонова. Характеризуя концепцию декабризма Н.М. Дружинина начала 1950-х гг., он отмечает особый подход ученого, выразившийся в стремлении «учесть все нюансы борьбы в тайном обществе», а само восстание трактовать как «легальный переворот», предполагавший «содействие» важных государственных органов, а «не революционное насилие над ними» – «передовые сановники должны были поддержать и закрепить инициативу восставших». Кроме того, по мнению М.М. Сафонова, Н.М. Дружинин придавал большое значение наличию «феодално-дворянских пережитков», присущих как самому движению, так и взглядам большинства декабристов [Сафонов, 2015, с. 61]. Как показал В.В. Жибоедов, это не последняя стадия эволюции взглядов Н.М. Дружинина на движение декабристов, но именно данная версия его концепции нашла отражение в работах о декабристах в Сибири. В.В. Жибоедов пришел к выводу, что к началу 1950-х гг. академик Н.М. Дружинин уже был убежден в «единстве общего революционного потока, который несло в себе тайное общество», «исходил из революционного характера движения», при этом не отказавшись от идеи различных социальных позиций декабристов, в основе которых лежала для каждого степень связанности «со своей принадлежностью к дворянскому сословию» [Жибоедов, 2023, с. 80–81]. Как видим, идея «феодално-дворянских пережитков» исчезает из концепции, заменяясь более передовой версией о едином «революционном потоке». Эта позиция очень близка широкой, многогранной трактовке дворянской революционности, выдвинутой С.Ф. Ковалем взамен устаревшего понятия «дворянской ограниченности» [Коваль, 1978, с. 22–23].

Мы остановимся подробнее на вкладе Н.М. Дружинина в изучение темы «Декабристы в Сибири», попытавшись наполнить содержанием тезис С.Ф. Ковалю о том, что труды Н.М. Дружинина «венчают собой» «первый период историографии темы» (речь идет, в первую очередь, о работе «Декабрист Никита Муравьев») [Коваль, 1985, с. 181]. Подчеркнем, что Н.М. Дружинин создавал свои труды задолго до выделения самостоятельного направления исследований о декабристах в Сибири и, более того, взгляда на этот период как на особый этап движения декабристов. Тем более важно проанализировать взгляды ученого – ведь он рассматривал как раз деятельность в Сибири сво-

их героев, а если говорить о Якушкине, – то это была деятельность именно просветительская, общественно значимая, важная и в контексте освободительного движения в целом. Интересно посмотреть, каким образом Н.М. Дружинин оценивал ее, как связывал с идеологией декабризма. Конечно, в силу развития науки своей эпохи он не мог включить ее в контекст движения. Напомним, что обе работы были написаны задолго как до выхода монографии М.В. Нечкиной, так и начала научной разработки темы об эволюции декабризма в период после восстания. Исследование о Никите Муравьеве увидело свет в 1928 г. как результат научной работы, аналогичной современной кандидатской диссертации, а труд об И.Д. Якушкине в 1941 г. – Н.М. Дружинин, наряду с исследованиями по аграрной истории XIX в., продолжал активно интересоваться декабристской проблематикой, захватившей его еще в 1920-е гг.

Безусловно, Н.М. Дружинин был далек от того, чтобы видеть в сибирском периоде жизни декабристов продолжение движения. Здесь он всецело принадлежит как довоенной советской историографии, так и до-революционной школе. Но уверенные ростки нового взгляда на проблему «Декабристы в Сибири» как периода, полностью вписанного в историю декабризма, органическую часть дворянского этапа освободительного движения, выражены у него достаточно ощутимо. Его взгляды и подходы, фундаментальные работы, безусловно, сыграли важную роль в обосновании новой концепции декабризма, окончательно оформившейся к середине 1970-х гг., когда проблема «Декабристы в Сибири» уверенно освободилась из краеведческих рамок и превратилась в «общероссийскую общественно-политическую и культурную» «в рамках всего дворянского этапа освободительного движения в России» [Коваль, 1978, с. 22].

ДЕКАБРИСТ НИКИТА МУРАВЬЕВ В ИССЛЕДОВАНИИ АКАДЕМИКА ДРУЖИНИНА

Работа о Н.М. Муравьеве до сих пор, спустя практически столетие, не потеряла своего историографического значения [Дружинин, 1985а]. После его исследования крупных монографических трудов о Н.М. Муравьеве не выходило. Что касается сибирского периода, то Дружинин подробно исследовал образ жизни Никиты Муравьева в ссылке, интеллектуальные занятия, отношения с товарищами, отношения в семье и семейные связи декабриста, изучил его переписку, хозяйственную и предпринимательскую деятельность, круг общения, положение в сибирском социуме. Необходимо отметить, что такой алгоритм освещения жизни декабристов в ссылке, успешно примененный Н.М. Дружининым, стал типичным в последующей историографии и по сей день активно используется историками не только в декабристоведческих, но и вообще в биографических исследованиях. Важным достижением Н.М. Дружинина является реконструкция библиотеки декабриста с приложени-

ем перечня книг, состоящего из 172 наименований, выявленных в книгохранилище Московского государственного университета. Эта работа не только не потеряла своего значения, но всегда будет являться одной из основ для реконструкции круга чтения декабристов, в том числе в Сибири, как в ракурсе общих, так и биографических изысканий [Дружинин, 1985а, с. 248–253].

Обратим внимание на значимые, на наш взгляд, моменты, выделенные Н.М. Дружининым при описании сибирского периода жизни Н.М. Муравьева, позволяющие судить о том, что движение декабристов, в общем-то, продолжалось – повторим, что в 1928 г. наука в своем развитии еще не созрела до возникновения данной концепции, но Дружининым были сделаны выводы и обнаружены факты, которые красноречиво говорят об этом, хотя сам историк, как исследователь своего времени, еще был не готов называть вещи своими именами. Итак, в самом начале ссылки Н.М. Муравьевым была осознана трагичность и высота подвига как личного, так и всех товарищей по тайному обществу – сегодня мы назовем это идеей мученичества за освободительные/революционные идеалы, неизменно связанной с идеологией декабризма в целом [Дружинин, 1985а, с. 205]. Н.М. Дружинин подчеркивает, что эти идеалы ярко проявлялись в воспитании дочери Софии (Нонушки), которым, наряду с ее образованием, тщательно занимался Никита Муравьев. В 1842 г., как особо отмечает Н.М. Дружинин, Н.М. Муравьев с возмущением отказался от императорской «милости» «поместить детей в учебные заведения» при условии запрета ношения фамилии и именоваться по отчеству. Не допуская мысли о лишении ребенка «фамильного имени», декабрист оставил Нонушку при себе. Резюмируя итоги педагогической работы отца с дочерью, Н.М. Дружинин, изучив достаточный массив эго-документов, сделал вывод: «Дочь вырастала под влияниями декабрьских событий, петровского каземата и сибирского поселения; идея политического освобождения и культ пострадавшего отца составляли главную основу ее внутренней жизни» [Дружинин, 1985а, с. 208–209]. Это могло означать только одно – Никита Муравьев остался верен своим идеалам, воспитал в соответствии с ними дочь, сознательно выстроил межпоколенную трансляцию исторической памяти.

Важно и тонкое наблюдение Н.М. Дружинина, сближающееся с современными антропологическими подходами – о сохранении светских вкусов и бытовых оценок Никиты Муравьева [Дружинин, 1985а, с. 207]. Следовательно, мы не можем говорить о сословной и социальной, личностной деградации декабриста в ссылке – заключение и тюрьма этого не сделали, декабристы остались прежними не изменившимися людьми. В свою очередь, это дает нам право говорить о сохранении их мировоззрения, жизненной позиции, включая и политические взгляды. Н.М. Дружинин отмечает усиленную интеллектуальную работу Никиты Муравьева в ссылке – он получал все новинки лите-

ратуры, особенно просил присылать «все, что характеризует современную политическую жизнь», изучал политику, «подмечал все попытки преобразовательной деятельности и все репрессивные акты», «уделял особенное внимание новым хозяйственным явлениям и новым фактам в литературной и общественно-политической области» [Дружинин, 1985а, с. 209].

Касаясь важнейшего вопроса об отношении Никиты Муравьева к властям, Н.М. Дружинин подчеркивает, что, несмотря на его «вполне удовлетворительное» «положение как политического ссыльного», он испытывал «страстное негодование» к «репрессивной политике правительства» по отношению к различным категориям других сибирских изгнанных, приводя примеры произвола и жестокости как со стороны отдельных сановников, так и исходящие из общих распоряжений. Именно поэтому он принципиально «не хотел обращаться к подобному правительству ни с какими личными просьбами». В качестве яркого примера Н.М. Дружинин приводит критику Никиты Муравьева в отношении А.И. Одоевского, написавшего стихи в честь наследника, с приведением цитаты, где этот поступок характеризуется декабристом как «лесть» и «отказ от убеждений» [Дружинин, 1985а, с. 215]. Далее Н.М. Дружинин характеризует политические убеждения самого Никиты Муравьева, делая вывод, что «прежнее чувство политического протеста осталось в нем неизменным»: «Он сохранил не только свои либеральные взгляды, но и сознание, что необходимо делать их объектом общественной информации» [Дружинин, 1985а, с. 215]. И это утверждение уже прямо подводит нас к идее о развитии декабризма в сибирский период, тем более что Н.М. Дружинин пишет о близости не только позиций, но и политических взглядов Н.М. Муравьева и М.С. Лунина в Сибири, освещая вопрос о его «непосредственном участии в политических работах, которые вышли из сибирского уединения Лунина» [Дружинин, 1985а, с. 215]. Особо подчеркнем, что в середине 1970-х гг. С.Ф. Коваль внес декабристский либерализм в широко трактуемое понятие дворянской революционности в обновленной концепции декабризма [Коваль, 1978, с. 22–24].

Н.М. Дружинин описал передовое опытное хозяйство братьев Муравьевых в Сибири – здесь важно отметить поднятую им проблему «системы вольного найма», являющейся знаковой при организации сельскохозяйственного производства. На поселении Никита Муравьев проживал вместе с родным братом Александром, также декабристом; они имели самостоятельно выстроенный большой общий дом в Урике и вели совместное хозяйство, вместе занимались предпринимательством. Несмотря на трудности, с которыми сталкивался Никита Муравьев при подборе наемных рабочих, «он продолжал считать необходимым условием сельскохозяйственных улучшений» исключительно «свободный наемный труд», «подходя к вопросу с широкой экономической точки зрения». Более того, он из Сибири критиковал «поголовное ув-

лечение барщиной» (пожалуй, самой примитивной формой феодальной ренты), которая имела место в помещичьем хозяйстве в середине 1830-х гг., и просил свою мать Е.Ф. Муравьеву не следовать общей моде [Дружинин, 1985а, с. 210–211].

Вкупе с подробным описанием самого хозяйства братьев Муравьевых, представленным академиком Дружининым, нам представлен совершенно передовой, буржуазный взгляд на организацию сельскохозяйственного производства. Но почему-то Н.М. Дружинин по-прежнему видит Никиту Муравьева лишь «прогрессивным помещиком», который только «мыслит новыми понятиями аграрно-капиталистической эпохи» [Дружинин, 1985а, с. 211]. Сегодня здесь можно увидеть некоторый диссонанс фактологии и выводов, с которыми трудно согласиться. Вместе с тем далее Н.М. Дружинин, пусть осторожно, но все же пишет о «капиталистической стихии», воспринятой Н.М. Муравьевым «непосредственно, через сибирские впечатления» «в условиях богатой колонизирующей окраины», «духе капиталистического накопления» «под влиянием роста торгово-промышленного оборота» своего хозяйства и предприятий [Дружинин, 1985а, с. 212–213].

Итак, в Сибири братья Муравьевы, стремясь увеличить свой капитал и активно сотрудничая с местным купечеством и промышленниками, занимались финансовыми операциями, торговлей хлебом, рыбопромышленностью, устройством собственной мельницы, планировали карьеру золотопромышленников. Скорее, перед нами образы типичных сибирских предпринимателей, живущих исключительно по буржуазным, капиталистическим законам, чем представителей феодально-помещичьих кругов, пусть даже прогрессивных и идущих в ногу со временем.

Как человек государственного ума, Никита Муравьев, конечно, не мог сосредоточиться лишь на сугубо практической стороне дела – он составляет масштабный проект соединения России каналами как путями сообщений, прежде всего торговыми, открывающими гигантские перспективы связей регионов страны, выхода на международные рынки. Н.М. Дружинин дает характеристику этой масштабной работы декабриста, называя ее «ярким продуктом» «нового капиталистического мышления» [Дружинин, 1985а, с. 214]. Анализ данной монографии академика Дружинина позволяет сделать единственный вывод – Никита Муравьев остался верен своим идеалам, но теперь их воплощение в жизнь осуществляется на новом поприще. И, конечно же, перед нами самый настоящий, идейный декабрист, а не «бывший».

Впрочем, обратимся к выводам Н.М. Дружинина. Во-первых, «сибирский период окончательно оформил социальные и политические стремления Н.М. Муравьева» [Дружинин, 1985а, с. 220]. Соответственно, именно это утверждение удачно вписывается в концепцию сибирского этапа декабризма. Но с выведенным «общественным образом» Никиты Муравьева в Сибири как «прогрессивного русского землевладельца, ко-

торый» лишь «захвачен потоком капиталистического развития», конечно, сегодня трудно согласиться. Но важно осознать и другое – далее Н.М. Дружинин пишет о «руководящей ноте», которая «одинаково сильно звучит и в проекте его конституции, и в результатах его сибирских занятий» [Дружинин, 1985а, с. 220].

Сегодня можно уверенно констатировать, что идеи Н.М. Дружинина органично вписались в концепцию декабризма, выработанную в заключительный период советского декабристоведения. Политическую характеристику и мировоззрение Н.М. Муравьева («декабризм Муравьева») в предисловии к тому его сочинений в издательской серии «Полярная звезда» Э.А. Павлюченко определяет как «особый либерально-конституционный тип революционности», подчеркнув при этом, что он «прорастет в будущем в одну из центральных проблем российской истории, а потому требует дальнейшего научного осмысления» [Павлюченко, 2000, с. 66]. Понятие революционности Н.М. Дружинин в 1928 г. по отношению к Никите Муравьеву, конечно же, не использует, но со временем его работа как подготовительная и предпосылочная со всеми ее теоретическими выводами вошла в новую концепцию декабризма, созданную советскими историками 1960-х – 1970-х гг. И сегодня она сохраняет свое значение. Думается, и в дальнейшем развитии декабристоведения, с обогащением и расширением общей научной концепции декабризма Н.М. Дружинин сохранит в ней свою прочную нишу, но при обязательном и обязательном условии полного отказа от прямолинейной вульгаризации его подходов, имеющей, к сожалению, место при отрицании наследия советской историографии.

ИЗУЧЕНИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЕКАБРИСТОВ В СИБИРИ

Работа Н.М. Дружинина об И.Д. Якушкине заложила основы для всестороннего изучения педагогической деятельности декабристов в Сибири, легла в основу целого направления декабристоведения. Хотя исследователь в начале 1940-х гг. и не рассматривал сибирский период как часть движения декабристов, тем не менее он высказал важнейшую теоретическую идею о связи просветительской деятельности декабристов в Сибири, в частности И.Д. Якушкина, с «политическим движением, подготовившим восстание 1825 г.», одновременно поставив вопрос о развитии мировоззрения самого декабриста [Дружинин, 1985б, с. 384]. Н.М. Дружинин впервые связал движение декабристов с таким явлением (как оно виделось в то время), как «скромное учительство» «в недрах сибирского захолустья». Он увидел здесь сложную взаимосвязь и поставил перед собой новаторскую в то время задачу – «распутать эти скрытые нити, которые тянутся от революционного течения передового дворянства» [Дружинин, 1985б, с. 384]. Опираясь на достаточный и полный источниковый материал («якушкинский ар-

хив»), Н.М. Дружинин идет по пути широкого взгляда на «учительство» И.Д. Якушкина, стремясь «вдвинуть это типичное явление своего времени в более широкую перспективу социально-педагогических течений начала XIX в.» [Дружинин, 1985б, с. 385].

В итоге им была достигнута не только данная цель – помимо несомненного интереса с точки зрения истории педагогики, подробнейшего воссоздания истории педагогического проекта И.Д. Якушкина в Сибири, анализа эволюции философских идей декабриста – автор подвел нас к очень широкому взгляду на явление, прямо связав его с историей и идеологией декабризма. Итак, «ялutorовский опыт Якушкина» «не был изолированным и единичным явлением» – с одной стороны, он «подхватывал оборванную нить» не только Союза благоденствия, но «и его революционных преемников», а с другой – был связан с аналогичной деятельностью в Сибири других декабристов. Это очень важный вывод, поскольку Н.М. Дружинин констатирует не только преемственность декабристской идеологии в развертывании просветительской деятельности декабристов в Сибири, но и ее массовый характер, участие в ней многих членов тайных политических обществ. Более того, он называет «руководящей и вдохновляющей идеей» сибирских школ декабристов «заложить необходимые культурные основания для предстоящего государственного преобразования России» [Дружинин, 1985б, с. 433], что соответствует одной из задач Союза благоденствия. В школе Якушкина эти идеи получили наиболее «конкретное» и «развернутое» воплощение: «Идеология дворянского революционера начала XIX в. со свойственными ему колебаниями и противоречиями пронизывает историю этого интересного социально-педагогического эпизода», – подводит итог своему исследованию Н.М. Дружинин [Дружинин, 1985б, с. 433].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Собственно, Н.М. Дружинин – первый, кто поставил вопрос о необходимости изучения сибирского периода жизни и деятельности декабристов с определенной целью – «полнее и всестороннее уяснить себе стремления дворянского поколения русских революционеров» [Дружинин, 1985б, с. 384], т.е. понять суть явления, его направление, чтобы вписать в контекст истории и идеологии декабризма, дать ответ на вопрос, что лежало в основе деятельности декабристов в сибирской ссылке. Н.М. Дружинин заявил об актуальности и важности данной темы, о необходимости пристального и глубокого внимания к ней, необходимости разработки новых сложных и комплексных методологических подходов, которые он особенно отчетливо продемонстрировал в работе об И.Д. Якушкине. Во введении к этой статье Н.М. Дружинин представил свое видение жизни декабристов в Сибири, из которого ясно следует, что он рассматривал ее как особый этап, но пока, конечно же, не движения декабристов.

Тем не менее, Н.М. Дружинин прочувствовал важность этого этапа, привлек к нему внимание исследователей, призывая не вычеркивать из исторической памяти «двадцатилетний период», который представляет «особый интерес в истории декабризма». Н.М. Дружинин выделяет характерные черты данного этапа: 1) декабристы, перестав «быть скованными узниками», «получили относительную самостоятельность действий»; 2) они вступили в «многообразные отношения с внешним миром» и постарались не только найти, но и «отстоять себе место в окружающей жизни»; 3) многие «развернули энергичную хозяйственную, литературную и педагогическую деятельность»; 4) «некоторые пошли дальше – попытались продумать и подытожить свое прежнее революционное прошлое» [Дружинин, 1985б, с. 384]. Последний тезис привлекает особое внимание, так как, думается, послужил отправной точкой для дальнейшего осмысления проблемы развития движения декабристов после 14 декабря 1825 г.

Таким образом, академик Н.М. Дружинин подвел своеобразную черту под дореволюционным и ранним советским этапами изучения темы «Декабристы в Сибири». Можно сказать, что он встал на пороге нового осмысления темы, сделав важную остановку, – необходимо было обобщить и осознать всю проделанную работу, сделать качественный скачок к новому видению проблемы. Именно позиция Н.М. Дружинина, признавшего несомненную значимость сибирской проблематики в контексте изучения движения декабристов в целом, его тонкие наблюдения, историко-биографический подход (от частного к общему) позволили уже с конца 1950-х гг. начать решительный поворот к новому пониманию темы, а чуть позже сформулировать новую концепцию о продолжении движения декабристов в Сибири. Н.М. Дружинин первым увидел и почувствовал важнейшую идейную составляющую в «сибирском двадцатилетии», не просто констатируя факты и описывая обстоятельства ссылки декабристов, а концентрируя внимание на идейных, мировоззренческих основаниях их деятельности. Но для него они – все еще «бывшие участники» движения – в рамках науки своего времени он не мог высказаться иначе, так как сибирский период еще не был вписан в историю декабризма.

Итак, труды Н.М. Дружинина заложили фундамент концепции о продолжении движения декабристов в Сибири, в ней заключены основательные предпосылки нового взгляда на сибирскую ссылку декабристов как дальнейшее развитие движения в целом. Сегодня наука, пройдя в конце 1990-х – начале 2010-х гг. через попытки пересмотра основных и частных постулатов советской школы исследования движения декабристов, возвращается с новыми силами к изучению декабристской проблематики. Концепция движения декабристов с обязательной составляющей сибирского периода требует обогащения и дальнейшей разработки. В этом ракурсе показателен опыт обращения к идеям академика Н.М. Дружинина – его интереснейшим и много-

гранным взглядам на проблематику декабризма, в том числе в ракурсах как антропологического подхода, так и выстраивания механизмов передачи исторической памяти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Дружинин Н.М. Декабрист Никита Муравьев // Дружинин Н.М. Избранные труды: Революционное движение в России в XIX в. М.: Наука, 1985а. С. 5–304.

Дружинин Н.М. И.Д. Якушкин и его ланкастерская школа // Дружинин Н.М. Избранные труды: Революционное движение в России в XIX в. М.: Наука, 1985б. С. 384–436.

Жибоедов В.В. Работы Н.М. Дружинина о декабристах в 1940-е – 1950-е гг. // Вест. Брян. гос. ун-та. 2023. № 3. С. 75–82.

Ильин П.В. Предисловие // Историческая память России и декабристы. 1825–2015 гг.: сб. материалов Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 14–16 дек. 2015 г.). СПб.: [б. и.]; Иркутск: Иркут. обл. ист.-мемориал. музей декабристов, 2019. С. 3–9.

Коваль С.Ф. Декабристы в Сибири. Некоторые итоги и задачи исследования // Сибирь и декабристы. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1978. Вып. 1. С. 20–27.

Коваль С.Ф. Декабристы в Сибири (к историографии темы) // Сибирь и декабристы. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1985. Вып. 4. С. 177–194.

Кудрявцев Ф.А. Декабристы в Сибири // В сердцах Отечества сынов. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1975. С. 11–24.

Павлюченко Э.А. Декабрист Никита Муравьев // Муравьев Н.М. Сочинения и письма. Иркутск: Мемориальный музей декабристов, 2000. Т. 1: Письма. С. 3–70.

Сафонов М.М. Из истории создания советской концепции восстания декабристов (Н.М. Дружинин против М.В. Нечкиной) // Вестн. СПб. ун-та. 2015. Сер. 2: История. Вып. 4. С. 55–65.

REFERENCES

Druzhinin N.M. (1985a). Decembrist Nikita Muravyov. *Revolyutsionnoe dvizhenie v Rossii v XIX v.: izbr. tr.* Moscow, pp. 5–304. (In Russ.)

Druzhinin N.M. (1985b). I. D. Yakushkin and his Lancaster school. *Revolyutsionnoe dvizhenie v Rossii v XIX v.: izbr. tr.* Moscow, pp. 384–436. (In Russ.)

Il'in P.V. (2019). Preface. *Istoricheskaya pamyat' Rossii i dekabristy. 1825–2015 gg.: sb. materialov Mezhdunar. nauch. konf. (Sankt-Peterburg, 14–16 dek. 2015 g.)*. Saint Petersburg, Irkutsk, pp. 3–9. (In Russ.)

Koval' S.F. (1985). Decembrists in Siberia (to the historiography of the topic). *Sibir' i dekabristy*. Irkutsk, iss. 4, pp. 177–194. (In Russ.)

Koval' S.F. (1978). Decembrists in Siberia. Some results and objectives of the study. *Sibir' i dekabristy*. Irkutsk, iss. 1, pp. 20–27. (In Russ.)

Kudryavtsev F.A. (1975). Decembrists in Siberia: the way to study the topic. *Dekabristy v Sibiri*. Irkutsk, vol. 3: *V serdtsakh Otechestva synov*, pp. 11–24. (In Russ.)

Pavlyuchenko E.A. (2001). Decembrist Nikita Muravyov. *Murav'ev N.M. Sochineniya i pis'ma*. Irkutsk, vol. 1: *Pis'ma (1813–1826)*, pp. 3–70. (In Russ.)

Safonov M.M. (2015). From the history of the Soviet concept of the Decembrist Revolt (N.M. Druzhinin vs. M.V. Nchkina). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2, Istoriya*, iss. 4, pp. 55–65. (In Russ.)

Zhiboyedov V.V. (2023). N.M. Druzhinin's works about the Decembrists in the 1940s–1950s. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3, pp. 75–82. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 17.03.2024

Дата рецензирования 26.03.2024

Статья принята к публикации 01.04.2024

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.15372/HSS20240215

УДК 002.2(091)(47)(01)

EDN: IUTVJD

Л.Д. ДЕМИДОВА

«ДЕЛО ЖИЗНИ ЕГОРА ЕГОРОВА»: ПЕРВЫЕ ИТОГИ НАУЧНОГО ОПИСАНИЯ КНИЖНОГО СОБРАНИЯ*

(Анисимова Т.В. *Каталог славяно-русских книг из собрания Е.Е. Егорова* / под ред. Ю.С. Белянкина. М.: Пашков дом, 2017. Т. 1. 374 с., ил.; 2019. Т. 2. 335 с., ил.; 2021. Т. 3. 490 с., ил.)

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

Анализируется научное описание 300 рукописных книг из собрания Е.Е. Егорова, подготовленное сотрудником Российской государственной библиотеки Т.В. Анисимовой. Собрание, хранящееся в отделе рукописей (ф. 98), имеет исключительную ценность для изучения книжной культуры средневековой Руси. Рассмотрены структура и методика описания, информативность представленных сведений. Показано, как благодаря тщательной работе археографа могут быть уточнены или даже изменены представления о датировке или происхождении рукописных книг собрания. Отмечен высокий профессиональный уровень издания, выполненного с опорой на результаты актуальных научных исследований.

Ключевые слова: Российская государственная библиотека, Е.Е. Егоров, рукописные книги, книжная культура, научное описание, каталоги.

Для цитирования: Демидова Л.Д. «Дело жизни Егора Егорова»: первые итоги научного описания книжного собрания // Гуманитарные науки в Сибири. 2024. Т. 31, № 2. С. 118–122. DOI: 10.15372/HSS20240215

L.D. DEMIDOVA

“THE LIFE WORK OF EGOR EGOROV”: THE FIRST RESULTS OF A SCIENTIFIC DESCRIPTION OF THE BOOK COLLECTION

(Anisimova T.V. *Catalogue of Slavic-Russian manuscripts from the collection of E.E. Egorov* / Ed. by Yu.S. Belyankin. Moscow, Pashkov Dom, 2017. Vol. 1. 374 p.; 2019. Vol. 2. 335 p.; 2021. Vol. 3. 490 p.)

*Название статьи является аллюзией на одноименный популярный очерк А.П. Линькова [1982, с. 165–168], посвященный собранию замечательного старообрядческого коллекционера.

Статья выполнена по теме госзадания Института истории СО РАН «Прошлое в письменных источниках XVI–XX вв.: сохранение и развитие традиций» (FWZM-2024-0006).

Лариса Денисовна Демидова – канд. ист. наук, научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: lardem.nsk@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7552-6822>.

Larisa D. Demidova – Candidate of Historical Sciences, Researcher, Institute of History SB RAS, e-mail: lardem.nsk@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7552-6822>.

The review is devoted to the scientific description of manuscripts from the collection of E.E. Egorov, prepared by T.V. Anisimova, an employee of the Russian State Library. The three published volumes cover the first 300 manuscripts (100 in each volume) of a collection that includes over 2000 items and is of exceptional value for the study of the book culture of medieval Rus'. The bulk of the described handwritten books date back to the 15th–17th centuries. These are liturgical books and ecclesiastical writings (homilies, sermons, commentaries on holy scriptures, hagiographies of saints), the content of which is closely related to the annual liturgical cycle. Many of the books are remarkable for their decoration (the publication is accompanied by colored illustrations). The structure of the description includes elements such as dating by watermarks of paper, characteristics of the book block, handwriting, binding, ornamental features, a detailed list of works included in a book or of parts of one work, inscriptions and owner's notes, information about preservation, bibliography of works dedicated to either the study of the described handwritten book, or the works included in it. Thanks to the compiler's consistent use of modern methods of archaeographic description, the information presented in the catalogue is extremely informative. Thus, taking all the watermarks of a manuscript into account helps to correct its research dating in some cases. A distinctive feature of the catalogue is its thorough research component: the catalogue contains a lot of specific archaeographic and bibliographical information identified during the work on it, which will be useful to manuscript researchers. Some of these results are reflected in the scientific publications of T.V. Anisimova. The catalogue by itself accumulates current results of the collection's manuscripts studies by a wide range of specialists. The catalogue not only testifies to the high professional level of its creator, but clearly demonstrates the wide capabilities and methods of modern archaeography in determining the composition, origin and existence of manuscripts.

Key words: Russian state library, E.E. Egorov, manuscripts, book culture, scientific description, catalogues.

Успехи полевой археографии, расцвет которой пришелся на вторую половину XX в., придали огромный импульс развитию методов исследования рукописных книг и стимулировали интерес исследователей к более глубокому изучению «старых» книжных коллекций, аккумулированных после революции 1917 г. в крупных библиотеках и архивохранилищах страны. Однако в силу разных причин (обширность подобных собраний, частая ситуация, когда работой с коллекцией специалист занимается «в свободное время», параллельно разрабатывая собственные научные темы, постепенное усложнение профессиональных стандартов подобной работы, а также банально – недостаток финансирования) процесс описания этих коллекций при их огромной востребованности исследователями протекает очень неравномерно.

Попытки описания книжного собрания старообрядческого коллекционера Е.Е. Егорова в течение столетия, с тех пор как собрание поступило в Российскую государственную библиотеку (в настоящее время – ф. 98 Отдела рукописей), предпринимались неоднократно. Их история вкратце была изложена И.В. Левочкиным, который анонсировал работу по созданию современного каталога коллекции [Левочкин, 2009, с. 134–136], а также составительницей рецензируемого издания Т.В. Анисимовой в специальной статье и предваряющем первый том описания предисловии [Анисимова, 2017а, с. 7–9, 2017б, с. 127–137].

Три вышедших в свет тома охватывают первые 300 номеров собрания (по 100 номеров в каждом томе), включающего свыше 2000 единиц хранения¹. Рукописные книги описываются в порядке существующей

нумерации единиц хранения, без разделения по тематическому или хронологическому принципу. Это решение выглядит вполне оправданным, поскольку обусловлено, очевидно, спецификой многолетней работы с собранием: каталог вырос из попыток переработки предыдущих описаний, восходящих, в свою очередь, к инвентарной описи фонда.

Основная часть рукописных книг, описание которых вошло в первые три тома каталога, относится к XV–XVII вв. и включает богослужебные, уставные, а также четьи книги (поучения, слова, толкования, жития), содержание которых тесно связано с годовым богослужебным циклом. Заметное место в каталоге занимают также Хронографы, а среди книг, принадлежащих к жанру полемической литературы, выделяется сборник второй четверти XVII в., из библиотеки игумена Антониево-Сийского монастыря известного книжника Феодосия (№ 66), а также оригинальные экземпляры «Поморских ответов» 1723 г. (№ 193 и 194). Многие из описанных книг замечательны своим художественным оформлением, избранные иллюстрации из них помещены на цветных вклейках каждого тома.

Структура описания включает такие элементы, как датировка по водяным знакам бумаги (редко – с подтверждением «белой датой»), характеристика книжного блока, почерков, переплета, художественных особенностей, подробный (как правило) перечень входящих в книгу сочинений или частей одного сочинения, записи и владельческие пометы, сведения о сохранности, библиография работ, посвященных либо изучению описываемой рукописной книги, либо входящих в нее сочинений. Довольно подробно описаны также вложения: в основном в составе рукописи, но иногда отдельным номером (напр.,

¹ Пока готовилась рецензия, из печати вышел очередной, четвертый том каталога, также включающий описание 100 единиц хранения (№ 301–400).

№ 2.2 – письма частных лиц, вложенные в № 2.1 Толковую Псалтырь в переводе Максима Грека (третья четверть XVIII в.)). В структуру описания также включен раздел «дополнительные сведения», который представляет собой одну из примечательных черт рассматриваемого издания. Каждый том сопровождается четырьмя указателями: авторов произведений, имен и географических названий (упоминаемых в комментариях и записях), инципитов произведений. Высокая информативность каждого из элементов в целом снимает вопросы об археографических принципах, лежащих в основе каталога, и этим в значительной мере компенсирует лаконичность соответствующего раздела предисловия.

Последовательно примененные Т.В. Анисимовой современные методы археографического описания (например, учет всех водяных знаков рукописи) в ряде случаев помогают уточнить исследовательскую датировку памятников. Так, № 171 – Шестоднев, приписываемый Афанасию Холмогорскому, по результатам филиграноведческого анализа должен быть отнесен ко времени до его рождения, а это влечет за собой вопрос о пересмотре атрибуции памятника [Анисимова, 2019, с. 147]. № 221 – конволют, состоящий из Степенной книги (редакции Ионы Думина) и Жития Александра Невского, в результате полного просмотра водяных знаков получил двойную датировку – вторая четверть XVII в. (по филиграмм основной массы листов, что соответствует датировке А.В. Сиренова, занимавшегося изучением списка) и 70–80-е гг. XVII в. (филигранные отдельные листы) [Анисимова, 2021, с. 94–95]. Нельзя не признать удачной регулярно применяемую техническую новацию – чтение в УФ-лучах, благодаря которому для исследователей стали доступны угасающие/плохо читаемые владельческие записи (№ 66, 147, 160, 167, 173, 278.1, 279).

Описание чрезвычайно насыщено результатами археографического поиска, проведенного как самой Т.В. Анисимовой, так и ее коллегами: скрупулезное рассмотрение позволило автору выявить рукописи с одинаковыми филиграммами (№ 49 и 56; 58 и 277; 71 и 126; 114; 143; 183; 225 и 226), одной и той же бумагой без водяных знаков (№ 10, 30, 36); написанные идентичным почерком и имеющие сходное художественное оформление (№ 27; 3, 78 и 85; 139), переплет (№ 140 и 145), идентичные владельческие либо вкладные записи (№ 4, 66, 142, 229), части многотомных сочинений, хранящиеся в том же собрании или в других местах (№ 1, 19 и 22; 31; 69 и 60; 202), отдельные листы рукописей собрания, обнаруженные в других собраниях (№ 236), рукописи тех же писцов, хранящиеся в других собраниях (№ 100, 213, 246), рукописи с идентичным или близким составом (№ 56 и 80; 66; 87; 170; 172; 240; 242; 280; 291), списки, сделанные с рукописей собрания (№ 114), или, напротив, их протографы (№ 3; 65 и 742; 186).

Подобные сведения позволяют, в частности, сделать обоснованные предположения о бытовании части описываемых рукописей XV–XVI вв. в старо-

обрядческой среде – при том, что специфически старообрядческих рукописей в представленной части коллекции – единицы. Помимо владельческих записей (№ 104), штампов (№ 203), особенностей почерка и оформления (№ 139, 237, 288), а также переплета (140, 145) среди интересных находок такого рода следует отметить восполнение пропуска в рукописи третьей четверти XVI в. – сборнике гомилий Григория Богослова с толкованиями Никиты Ираклийского, выполненное старообрядческим архаизирующим полууставом конца XIX в. (№ 204). Интересно и наблюдение над надписями и миниатюрами Толковой Псалтыри 1696 г. (№ 201): судя по ним, рукопись создавалась книжниками, «не принадлежащими к числу последовательных сторонников церковной реформы патриарха Никона» [Анисимова, 2021, с. 17–18], и здесь можно даже предположить скрытый протест.

Отличительной особенностью каталога, безусловно, является его основательная исследовательская составляющая, причем направленная «в обе стороны»: каталог и содержит множество выявленных в ходе работы над ним специфических археографических и книговедческих сведений, которые будут полезны исследователям рукописей (часть этих результатов отражена в научных публикациях Т.В. Анисимовой [см., например: Анисимова, 2012, с. 15–19; 2016, с. 39–44; 2020, с. 29–44]), и сам аккумулирует в себе актуальные результаты изучения рукописей собрания самым широким кругом специалистов.

Приведенный в конце издания список использованной в работе над каталогом литературы далеко не полон, поскольку в рубрике «библиография», которая имеется практически у каждой описываемой книги, дополнительно указано множество специальных исследований. Нередко они составляют костяк описания (каждый такой случай оговаривается). Например, описания Хронографов (№ 26, 28, 31, 174, 202, 216, 220, 223, 231, 244, 259) опираются на исследования О.В. Творогова, в примечании к описанию Кормчей сводной Толстовской редакции третьей четверти XVI в. (№ 254) отмечено, что оно выполнено с использованием монографии М.В. Корогодиной [Анисимова, 2021, с. 179]. Можно только позавидовать целеустремленности составительницы и разнообразию примененных ею методов поиска ценных для каталога материалов. В ряде случаев в описании приведены сведения, полученные в ходе устных консультаций коллег-археографов, а замечание о том, что список Русского Хронографа редакции 1617 г. (№ 223) принадлежит к основному виду редакции А, взято из листа использования рукописи, в котором О.В. Творогов в 1973 г. сделал соответствующую запись. Знакомство с каталогом оставляет замечательное ощущение, что его появление стало возможным благодаря общему высочайшему уровню профессионального сообщества исследователей древнерусской книжности – археографов, историков, литературоведов, лингвистов, искусствоведов.

Упомянутая выше весьма уместная рубрика «дополнительные сведения» призвана привлечь внимание исследователей на интересные особенности рукописей. Как правило, она содержит выявленные сведения о личностях писцов и миниатюристов, многочисленных владельцев (частных лицах, монастырях, приходских церквях), местах хранения (например, в ней указывается принадлежность рукописи к известным книжным коллекциям до ее приобретения Е.Е. Егоровым), географии перемещения и т.д. В описанной в каталоге части собрания имеются книги, созданные по заказу архиепископа Вологодского Ионы Думина (№ 24), а также из личных библиотек патриарха Гермогена (№ 25), епископа Александра Вятского (№ 250), Д.М. Голицына (№ 242), Н.Г. Строганова (№ 229), епископа Амфилохия Угличского (№ 32, 284, 286, 287, 298).

Порой такие справки покоряют своей эстетической законченностью. Так, среди описанных номеров составительницей указано 17 книг, некогда принадлежавших известному старообрядческому коллекционеру Н.П. Никифорову. Из владельческих записей, сделанных рукой коллекционера и опубликованных в каталоге, видно, что он уделял большое внимание проблемам атрибуции рукописей. Особенно примечательна его запись на вкладном Синодике боярского сына П.С. Бабина в Никольскую Сретенскую церковь первой четверти XVII в. (№ 155; с удовольствием процитирую ее полностью):

«На 2-м листе 12-й тетради, говорится, что написать сей синодик рабом Божиим Антинопою, повелением раба Божия Перфирия сына Бабина. Хорошо бы доискаться, где находится этот храм Сретения Господня; в монастыре ли каком либо, или приходская церковь; и кто такой Порфирий Семенович Бабин; боярин ли, или ис простых людей; в Синодике Печерскаго Нижегородскаго монастыря, писанном в 1649^м году, упоминается род Бабичевых, не он ли самый?» [Анисимова, 2019, с. 115].

Предложенная Н.П. Никифоровым почти 150 лет назад программа поиска реализуется здесь же, на страницах каталога. В рассматриваемой рубрике «дополнительные сведения» приведены результаты изысканий составительницы, служащие ответом на поставленные владельцем вопросы о личности заказчика. Получилась своеобразная переключка: книжный знаток позапрошлого века и современный археограф будто бы протянули друг другу руки. Изящен заключительный штрих в «дополнительных сведениях» к № 231 (Русский Хронограф редакции 1617 г., датируемый последней четвертью XVII в.). Приведя сведения о Спасо-Преображенской церкви «на Песках» в Стрелецком приказе, которая упоминается во владельческой записи, составительница уточняет, что церковь не просто сохранилась до наших дней, но и запечатлена на хрестоматийном полотне В.Д. Polenova «Московский дворик» [Анисимова, 2021, с. 116].

В заключение отмечу, что благодаря совместному проекту Свято-Троицкой Сергиевой Лавры и Россий-

ской государственной библиотеки² полные цифровые копии всех описанных Т.В. Анисимовой рукописей из собрания Е.Е. Егорова можно просмотреть полностью. Вызывает, однако, огорчение, что каталожные описания скопированы на сайте проекта без всяких ссылок на автора и выходные данные издания, а порой в урезанном виде. Сам же каталог не только свидетельствует о высоком профессиональном уровне его создательницы, но и наглядно демонстрирует широкие возможности и методы современной камеральной археографии в решении задач по определению состава, происхождения и бытования рукописей, что позволяет глубже осознать роль последних в древнерусской истории и культуре. Остается пожелать, чтобы начатый труд по описанию столь ценного собрания в обозримом будущем был так же удачно и в полном объеме завершен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анисимова Т.В. Молдавские рукописные книги в собрании Е.Е. Егорова // Румянцевские чтения – 2012: материалы Всерос. науч. конф. (17–18 апр. 2012 г.). М., 2012. Ч. 1. С. 15–19.
- Анисимова Т.В. О некоторых книгах архангельских и шенкурских писцов в собрании Е.Е. Егорова // Румянцевские чтения – 2016: материалы Всерос. науч. конф. (13 апр. 2016 г.). М., 2016. С. 39–44.
- Анисимова Т.В. (а) Каталог славяно-русских книг из собрания Е.Е. Егорова / под ред. Ю.С. Белянкина. М.: Пашков дом, 2017а. Т. 1. 374 с.
- Анисимова Т.В. Каталог славяно-русских книг из собрания Е.Е. Егорова / под ред. Ю.С. Белянкина. М.: Пашков дом, 2019. Т. 2. 335 с.
- Анисимова Т.В. Каталог славяно-русских книг из собрания Е.Е. Егорова / под ред. Ю.С. Белянкина. М., Пашков дом, 2021. Т. 3. 490 с.
- Анисимова Т.В. От охранной описи до научного каталога: формирование и изучение коллекции славяно-русских рукописных книг Е.Е. Егорова (1862–1917 гг.) // Библиография. Научный журнал по библиографоведению, книговедению и библиотековедению. 2017б. № 6 (413). С. 127–137.
- Анисимова Т.В. Неизвестное обращение к «жидовину» в окончании Толковой Палеи середины XVI в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 1 (79). С. 29–44.
- Левочкин И.В. Собрание рукописных книг Е. Е. Егорова и некоторые вопросы его научного описания // Румянцевские чтения: материалы Междунар. конф. (21–23 апр. 2009 г.). М., 2009. С. 134–136.
- Линьков А.П. «Дело жизни Егора Егорова» // Альманах библиофила. М., 1982. Вып. 12. С. 165–168.

REFERENCES

- Anisimova T.V. (2012). Moldavian manuscript books in the collection of E.E. Egorov. *Rumyantsevskie chteniya – 2012: materialy Vseros. nauch. konf.: k 150-letiyu so dnya otkrytiya Mosk. publich. i Rumyantsev. muzeev (17–18 apr. 2012 g.)*. Moscow, pt. 1, pp. 15–19. (In Russ.)
- Anisimova T.V. (2016). Some books by Arkhangelsk and Shenkursk scribes in the collection of E.E. Egorov. *Rumyantsevskie chteniya – 2016: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Ros. gos. b-ki (Moskva, 13 apr. 2016 g.)*. Moscow, pp. 39–44. (In Russ.)

² Свято-Троицкая Сергиева Лавра. Собрание рукописей и старопечатных книг [Электронный ресурс]. URL: <https://lib-fond.ru/lib-rgb/98/> (дата обращения: 01.03.2024).

Anisimova T.V. (2017a). Catalogue of Slavic-Russian manuscripts from the collection of E.E. Egorov. Moscow, Pashkov dom, vol. 1, 374 p. (In Russ.)

Anisimova T.V. (2017b). From a security inventory to a scientific catalogue: the history of the emergence and scientific investigations of the collection of Slavic-Russian manuscripts of E.E. Egorov (1862–1917). *Bibliografiya. Nauchnyy zhurnal po bibliografovedeniyu, knigovedeniyu i bibliotekovedeniyu*, no. 6, pp. 127–137. (In Russ.)

Anisimova T.V. (2021). Catalogue of Slavic-Russian manuscripts from the collection of E.E. Egorov. Moscow, Pashkov dom, vol. 3, 490 p. (In Russ.)

Anisimova T.V. (2020). An unknown appeal to the “Jew” in the conclusion of Palaea Interpretata of the mid-16th century. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*, no. 1, pp. 29–44. (In Russ.)

Anisimova T.V. (2019). Catalogue of Slavic-Russian manuscripts from the collection of E.E. Egorov. Moscow, Pashkov dom, vol. 2, 335 p. (In Russ.)

Levochkin I.V. (2009). Collection of manuscripts of E.E. Egorov and some issues of its scientific description. *Rumyantsevskie chteniya, 2009: istoriko-kul'turnye traditsii i innovatsionnye preobrazovaniya Rossii. Prosветitel'skaya otvetstvennost' bibliotek: materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Moskva, 21–23 apr. 2009 g.)*. Moscow, pt. 1, pp. 134–136. (In Russ.)

Lin'kov A.P. (1982). Life's work of Egor Egorov. *Al'manakh bibliofila*. Moscow, iss. 12, pp. 165–168. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 15.03.2024

Дата рецензирования 03.04.2024

Статья принята к публикации 11.04.2024

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ **(Требования к статьям и сообщениям)**

1. Представляемые в журнал статьи должны излагать новые, еще не опубликованные результаты гуманитарных исследований по направлениям: отечественная история; историография, источниковедение и методы исторического исследования; археология; этнография, этнология, антропология.

Принимаются статьи, документальные публикации, материалы обзорного и информационного характера, рецензии.

В случае, если статья подготовлена коллективом авторов, то в его состав должны входить только те авторы, которые внесли значительный вклад в данное исследование.

Главная тема статьи не должна быть опубликована в других изданиях.

Авторы должны соблюдать правила цитирования, гарантировать подлинность и корректность приводимых данных.

2. Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов – Список журналов Первой категории (К1), которые выпускаются в Российской Федерации и в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук. Журнал включен в Международные базы данных Ulrichs и EBSCO, а также в рассылку Международной компании «East View Information Services, Inc.».

3. Автор предоставляет:

- текст статьи в файле формата Microsoft Word (файлы с расширением doc, docx или rtf); название файла включает фамилию автора и дату отправления статьи, например, Иванов_28-02-2021;

- индекс УДК;

- данные об авторе: фамилия, имя, отчество, степень, звание, должность, место работы (полное и краткое название организации, адрес с почтовым индексом), электронный адрес автора, orcid. Сведения об авторе даются на русском и английском языках;

- название статьи с англоязычным переводом;

- аннотацию статьи объемом не более 800 знаков без перевода;

- ключевые слова на русском и английском языках (не менее 10);

- реферат статьи объемом около 2 тыс. знаков с англоязычной версией (2 тыс. знаков), подготовленной профессиональным переводчиком. Реферат включает название, цель статьи, характеристику проблемного поля, описание методов и методологии исследования, информацию об основных научных результатах. Реферат на русском языке не публикуется.

Объем статьи не должен превышать 40 тыс. знаков (подсчет с пробелами) с учетом сведений об авторе, аннотации, англоязычной версии реферата, сносок, таблиц и рисунков. Объем информационных заметок и рецензий составляет не более 10 тыс. знаков.

Статьи и другие материалы для публикации направляются в электронном виде по e-mail: gumnauki@gmail.com.

Правила оформления и рецензирования статей см.: <http://gumnauki.iisoran.ru/index.php/trebvaniya-k-materialam.html>

В библиографической ссылке в тексте указываются в квадратных скобках фамилия (фамилии) автора (авторов) или первые слова названия публикации без автора, год, страница (страницы). В списке литературы дается полное библиографическое описание работы.

4. К изданию принимается от автора не более одного материала в год. Рукописи, не удовлетворяющие указанным выше правилам, а также не принятые к публикации, авторам не возвращаются. Плата с авторов за публикацию не взимается.

Статьи, поступившие в редакцию, проходят экспертизу. Мотивированный отказ в публикации отправляется автору по электронной почте после заседания редколлегии по очередному номеру. Корректуру авторы читают в фиксированные сроки. Гонорар за публикуемые материалы не выплачивается.

5. В издательской деятельности журнал руководствуется Гражданским кодексом Российской Федерации, гл. 70 «Авторское право».

Автор статьи обязан соблюдать международные принципы научной публикационной этики. Редакция оставляет за собой право проверять текст статьи с помощью системы «Антиплагиат».

6. Направляя статью в редакцию журнала, автор (соавторы) на безвозмездной основе передает(ют) издателю на срок действия авторского права по действующему законодательству РФ исключительное право на использование статьи или отдельной ее части (в случае принятия редколлегией журнала статьи к опубликованию) на территории всех государств, где авторские права в силу международных конвенций являются охраняемыми, в том числе следующие права: на воспроизведение, распространение, на публичный показ, на доведение до всеобщего сведения, на перевод на иностранные языки и переработку (а также исключительное право на использование переведенного и (или) переработанного произведения вышеуказанными способами), на передачу всех вышеперечисленных прав другим лицам.

Одновременно с представлением статьи автор (соавторы) направляет в редакцию подписанный лицензионный договор на право использования научного произведения в журнале. Подписанный автором (соавторами) договор можно присылать в отсканированном виде электронной почтой.

Web-страница журнала: <http://gumnauki.iisoran.ru/index.php> (сайт издания); http://www.history.nsc.ru/publications/gns_magazine/index.htm (сайт Института истории СО РАН); <https://www.sibran.ru/journals/GNvSib/>.

Полная текстовая версия выставляется e-library.ru.